

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№3 (29) 2011

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, зав. кафедрой языков и литературы Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»
© Лаборатория
межкультурных коммуникаций
© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.05.11
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.
Объем: 12,8 усл.п.л.
Тираж 500 экз. Заказ 702

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.
454084, г.Челябинск,
Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскакова В. П.** Семантическое сужение как средство формирования региональной специфики поэтических текстов М. К. Агашиной.....7
- Куликова Е. В.** Особенности сочетаний защитных механизмов личности и их языковое выражение (на материале русскоязычной и англоязычной художественной прозы).....15
- Прийтенок Е. Г.** Любовь и имена у Марселя Пруста.....21
- Хорошко Е. Ю.** Отрицание в пространстве русского романа.....28

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Бяковская Н. Г.** Глаголы мысли в русском языке и их концептуально-семантические особенности.....35
- Воронков А. А.** Этимология балканской лексики *bjeshkë* в контексте античной истории.....44
- Ильина О. В.** Развитие семантики признаков имен богатый, бедный (по данным словарей русского языка).....54
- Кусов Г. В.** Лингвопрагматические модели коммуникативной перверсии в рамках теории судебной лингвистической экспертизы.....68
- Мишаткина С. Е.** Древний текст как объект лингвистического исследования.....76
- Панкратова Е. А.** Текст как организационная единица содержания учебника иностранного языка и правовой культуры.....84
- Швецова В. М.** Оппозиционные механизмы в развитии ассоциативных связей текстовых единиц.....90
- Шкурская Е. А.** Перевертыши фольклора как лексико-семантический способ выражения нонсенса.....95

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Булычева С. Ф.** Общеупотребительный сленг в политическом дискурсе.....104
- Казакова М. В.** Идеологический аспект общественно-политической лексики и его отражение в словаре современного немецкого языка (на примере языка национал-социализма).....108

Приходько С. А. Прецедентные тексты монографии
В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».....115

ЯЗЫК СМИ

Бураковская В. А. Концепт «гламур» в текстах СМИ.....120

Каблуков Е. В. Специфика функционирования
официальных идеологем в современном российском
медиадискурсе.....128

Прощак Л. В. Двуязычие национального самосознания
как предпосылка для самодетерминации медиареальности.....136

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Кочетова Л. А. Культурные основания рекламного кода.....141

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Гладушина О. А. Метафора в контексте франкоязычной
Псалтири.....149

Иванченко А. А. Функции вторичных текстов на примере
германской легенды о «Erlkönig».....157

Литвинова Е. А. О способе унификации слов в составе
антонимо-синонимических блоков английского языка.....163

Петешова О. В. Роль автоапелляций в современной
сетевой диаристике.....170

Соколова М. В. Влияние нормандского завоевания на систему
личных имен английского языка.....175

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Никифорова Э. Ш., Надобко Ю. В. К вопросу о формировании
дискуссионных умений студентов
языковых специальностей.....179

Федосова Е. А. Повышение уровня речевой культуры студента
посредством выполнения нестандартных заданий
по русскому языку.....183

АННОТАЦИИ193

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ200

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Baskakova V. P.** Semantic Narrowing as a Means of Formation
of Regional Specific in Poetic Texts by M. K. Agashina.....7
- Kulikova E. V.** Peculiarities of Personal Defense Mechanisms'
Complexes and Their Language Expression
(on the Material of Russian and English Fiction Prose).....15
- Priitenko E. G.** Marcel Prust's Love and Names.....21
- Horoshko E. Ju.** The Negation in Space of Russian Romance.....28

LANGUAGE STUDIES

- Byakovskaya N. G. Verbs of Thought in the Russian Language
and Their Conceptual-Semantic Peculiarities.....35
- Voronkov A. A. Balkan Lexeme bjeskhë Etymology in the Context
of Ancient History.....44
- Ilyina O. V. Development of Semantics of Adjectives Rich, Poor
(According to Russian Dictionaries).....54
- Kusov G. V. Lingvopragmatic Models of Communicative Perversion
within the Theory of Forensic Linguistic Enquiry.....68
- Mishatkina S. E. Ancient Text as the Object of Linguistic Re-search...76
- Pankratova E. A. Text as Organizational Content Unit
in Foreign Language and Legal Culture Text Books.....84
- Shvetsova V. M. Oppositional Mechanisms in the Development
of Associative Links between Text Units.....90
- Shkurskaya E. A. Topsy-Turvy World as Lexico-Semantic Way
of Expression of Nonsense in Nursery Rhymes.....95

LANGUAGE OF POLYTICS

- Bulycheva S. F.** Common Slang in Political Discourse.....104
- Kazakova M. V.** Ideological Aspect of Social-Political Dis-course
and Its Reflection in Dictionaries of Contemporary German
Language (by the Example of National Sociologists' Language).....108
- Prikhodko S. A.** Precedent Texts of V.I. Lenin's Monography
"Materialism and Empiriocriticism".....115

LANGUAGE OF MASS MEDIA

- Buryakovsky V. A.** Concept "Glamour" in Mass Media Texts.....120

<i>Kablukov E. V.</i> Specifics of Official Ideologems' Functioning in Modern Russian Media Discourse.....	128
<i>Proshak L. V.</i> Bilinguism of National Selfconsciousness as Pre-Supposition for Self-Determination of Media Reality.....	136
<i>LANGUAGE OF CULTURE</i>	
<i>Kochetova L. A.</i> Cultural Bases of Advertising Code.....	141
<i>LINGUISTICS AND TRANSLATION</i>	
<i>Gladushina O. A.</i> Metaphor in the Context of Frank-Speaking Palms.....	149
<i>Ivanchenko A. A.</i> Functions of Secondary Texts by the Exam-ple of German Legend about "Erkönig".....	157
<i>Litvinova E. A.</i> Some ways of the unification of words in antonymic synonym blocks.....	163
<i>Peteshova O. V.</i> Role of Autoappeals in Contemporary Web Diary.....	170
<i>Sokolova M. V.</i> Influence of the Norman Conquest on the English Antroponomical System.....	175
<i>METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING</i>	
<i>Nikiforova E. Sh., Nadobko Yu. V.</i> To the Question of Formation of Discursive Competences of Language Students.....	179
<i>Fedosova E. A.</i> Increasing Student's Speech Culture Level with Non-Standard Tasks in Russian.....	183
<i>ABSTRACTS</i>	193
<i>INFORMATION ABOUT AUTHORS</i>	200

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СУЖЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ М. К. АГАШИНОЙ

В. П. Баскакова

На материале поэтических произведений сталинградского / волгоградского периода творчества Маргариты Константиновны Агашиной выявлены и проанализированы различные средства реализации приёма семантического сужения, придающие региональные черты языку её поэзии.

Ключевые слова: текст, художественный, семантическое сужение, топонимы, прецедентные имена, дейктические знаки.

М. К. Агашина – уникальное явление в русской литературе XX века. Её произведения отличают простота изложения материала, безграничная любовь к Родине, к своей земле, к своему городу-герою Волгограду. «Если бы я жила в другом городе, я бы писала другие стихи. А может быть, совсем их не писала бы...», – говорила Маргарита Константиновна, с 1951 года связавшая свою жизнь и творчество с городом Волгоградом.

Маргарита Агашина стала первым лауреатом литературной премии «Сталинград», ей было присвоено звание Почётного гражданина города-героя Волгограда, её заслуженно считают поэтическим символом города на Волге. В 2004 году в нашем городе открылся музей М. К. Агашиной в Волгоградском институте экономики, социологии и права.

Творчество талантливого писателя, содержательная его сторона, несомненно, привлекает внимание многочисленных читателей и исследователей. Между тем, поэтические произведения Маргариты Константиновны представляют большой интерес и с точки зрения изучения их языка, благодаря которому они обретают задушевную интонацию, делают стихи близкими и понятными каждому читателю и особенно жителям нашего региона. Языковые механизмы создания стиля региональной поэзии М. К. Агашиной – актуальная область ис-

следований в лингвистике. Она является малоизученной и представляет теоретический и практический интерес для филологов.

Материалом для данного исследования послужили поэтические тексты М. К. Агашиной сталинградского / волгоградского периода ее творчества. Основной задачей стало выявление «региональных» черт поэтического языка и стиля поэтессы.

На основе анализа языка поэтических произведений поэтессы нами было установлено, что одной из ярких черт, имеющих отношение к выявлению региональной специфики её творчества, является локализация содержания текста, а именно, процесс семантического «сужения» его единиц, актуализирующих значимые в тексте смыслы. Под семантическим сужением в общем смысле понимают процесс «уменьшения семантического объёма понятия в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [6. С. 202]. В то же время в тексте слово способно передать такие «нюансы» содержания, «которые семантикой языка не предусмотрены заранее» [3. С. 2]. Контекст выступает ключом к прочтению слова: он сужает его значение, выдвигая, динамизируя одни его признаки за счёт других, и одновременно расширяет слово, наращивая на него пласты ассоциаций [4. С. 10]. В связи с этим семантическое сужение как прием, используемый в поэтических текстах М. К. Агашиной, мы рассматриваем в функциональном аспекте, как явление более широкое, чем понятийное переосмысление, а как особый способ категоризации действительности и формирования региональной проекции мира в поэтическом тексте.

Категоризация явлений мира осуществляется автором текста часто неосознанно и автоматически [7. С. 35], составляя особенности его языкового сознания. Задача исследователя в этом случае состоит в выявлении повторяющихся, типичных способов отражения действительности в тексте, характерном для данного автора.

Специфика художественного произведения заключается в особых отношениях составляющих текста, определяющих функции каждого компонента и эстетическую значимость всего текста [3. С. 1]. Значение слова в художественном тексте современная теория лексической семантики рассматривает как особый функциональный тип словесного значения (см.: В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, В. П. Григорьев, Д. Н. Шмелёв и др.). Для процесса трансформации слов характерны две противоположные тенденции: одни слова стремятся расширить своё значение, другие – сузить его.

Некоторые лингвисты считают, что сужение значения представляет собой более обычный процесс, нежели расширение, на том основании, что «повседневный язык обращен в своем развитии скорее к конкретному и частному, чем к абстрактному» [10. С. 280]. Другими словами, современный язык обращён в своём развитии скорее к единичному, нежели к абстрактному и общему.

Особенно ярко вышеназванные признаки проявляются в поэтическом тексте: «ограниченное языковое пространство способствует тому, что слово становится семантически осложнённым, а смысловые ассоциации углубляются», поэтому автор тщательно отбирает и размещает лексику, использует приёмы, которые увеличивают смысловую нагрузку, подчёркивают многоаспектность слова, фразы [3. С. 2]. Как отмечал А. А. Потебня, «поэзия есть создание сравнительно обширного значения при помощи единичного сложного (в отличие от слова) ограниченного словесного образа (знака)» [8. С. 55]. Именно на одном из указанных механизмов – семантическом сужении – основывается «задушевная» и «близкая» читателю манера письма М. К. Агашиной.

Сужение значения – это языковая семантическая параллель одной из основных мыслительных тенденций от неопределённости к определённости содержания (дедукция): «практически любое слово с обобщённой семантикой, благодаря действию механизма сужения, может стать производным для появления семантического деривата видового значения» [5. С. 46]. Существует несколько суждений о механизме сужения, однако, более соответствующим положению вещей является, на наш взгляд, мнение В. Н. Прохоровой: «Перенос названия одного понятия на другое совершается на основании общности всех признаков общеупотребительного понятия при наличии у суженного понятия дополнительных признаков» [9. С. 79].

Как показано в работе С. В. Ионовой, на уровне «укрупненных» текстовых единиц подобные явления связаны с двояким изображением ситуаций: а) в соответствии с осмыслением описываемого явления на разных уровнях абстракции (всеобщее > общее > особенное > единичное); б) в соответствии с антропоцентрическим принципом освоения информация по оси «свое» – «чужое» [2. С. 109].

Именно эти приемы характерны для поэтических произведений М. Агашиной. По нашим наблюдениям, он проявляется в виде двух тенденций: а) в переходе от общего к единичному при отражении объекта, б) в использовании общекультурной универсалии, осно-

ванной на оппозиции «свой – чужой» с доминированием элемента «свой». Реализация этих поэтических стратегий автором осуществляется разными способами, на которых остановимся подробнее.

1. Использование региональных наименований – топонимов, известных жителям нашего края. Наиболее частотными являются топонимы, называющие областной центр и их производные: *Волгоград, волгоградский, Сталинград, сталинградский*. Например:

Горит на земле Волгоградской / Вечный огонь солдатский...

Сталинградскую улицу Мира / мне напомнили нынче они.

Святая сталинградская земля.

Мы ж с тобой волгоградки, / дорогая моя!

Как люблю я тебя, волгоградца... // Неужели не чувствуешь ты?

Часто встречаются и сочетания имён существительных нарицательных с прилагательными, называющими ту область, землю, откуда родом лирический герой. Например:

(...) ты не просто мальчик, / ты – волгоградский мальчишка...

Активно используются также наименования региональных поселений, значимых для истории нашего края и для судеб его жителей: *Чепурники, Калач, Песковатка, Красная Слобода* и др:

До Чепурников идёт машина, / и уходит поезд на Калач.

Зима на Волгу льдами двинулась, / пошла от Красной Слободы.

...Далека деревня Песковатка.

В эти дни девчата Береславки / раскупают яркие шелка...

Запомни их, Палласовка, / степная сторона.

Подобные топонимы употребляются только в прямом значении и используются для описания событий, значимых в данном регионе.

2. Использование прецедентных наименований – наименований, ставших символами нашего края, а также имен людей, прославивших его: *Мамаев курган, ГЭС, улицы Мира, Советская, Тракторный завод* и др.:

Поднимается ГЭС, /Сталинградская ГЭС.

«Чем богаты, тем и рады, / принимай, Отчизна, Волго-Дон!»

Вот и март приходит снова, / и на Тракторном – весна!

И на Советской у горкома - / трамвай, еще не скоростной.

(...) все мальчишки отважны, /как Саша Филиппов - /мой земляк, волгоградский Гаврош.

И опять поёт Смирнова, / вторит ей Бородина¹.

¹ Тамара Бородина, Алла Смирнова, работницы Волгоградского Тракторного завода.

Героев имена: / Мария Ляма... Сидоров... Осташко...

Живет на свете Окунев, / Великий волгоградский Дон-Кихот.

И большой экран кино «Победа» / старым кинофильмом «Сын полка».

Таким образом, в стихотворениях М. К. Агашиной, возможно, более часто, чем у других региональных поэтов, воспроизводятся наименования различных уголков нашего города и области, запечатлены и сохраняются имена жителей края.

3. Использование слов «родина», «родной» и их дериватов, реализующих глубинный культурный смысл «свое», «родное» при восприятии общих значений слов:

Вдруг ему становится дороже / все родное, близкое навек.

(...) и понимаю, почему так свято / в Корее любят Родину мою.

Родина солдатская моя.

Вдали от единственной, родимой земли / замирала и плакала я.

По нашим предварительным подсчетам эти слова и их производные употребляются в 244 контекстах только одного тома избранных произведений поэтессы. Волгоградское, как родное, противопоставляется всему другому (чужому) пространству, находящемуся за его пределами:

Чтоб за доли и море, / за чужие края / Волгоградские зори / увозили друзья!

За русским городом одним, / где всю войну солдата ждали...

Особым видом реализации подобной функции выступает и ставший символическим в произведениях поэтессы образ русской березки, который конкретизирован в сочетании «волгоградская березка» и закрепился в сознании носителей русского языка как прецедентное высказывание: «*Растет в Волгограде березка*». Этот образ имеет различные варианты в исследуемых нами текстах, но всегда является синонимом чего-то своего, близкого, родного:

Как первый снег, как вдовий плат, / как две березки в чистом поле, / Два этих мальчика стоят.

И вот теперь на перекрестке, / на месте гибели солдат, / стоят каштаны и березки...

4. Использование дейктических знаков – указателей, конкретизирующих и контекстуально сужающих значение слов и выражений, к которым они относятся. Часто для этих целей используются местоименные дейктические средства – указательные, относительные, притяжательные местоимения. Например:

[Город] Ты наш сын, наш товарищ, наш брат.

Солдат считает дни до встречи / с далекой Родиной своей.

Наша героиня, наша слава, наша Волга – русская река.

Простые наши мальчишки, / немного старше, чем ты.

Защитал наш город, нашу школу, / жизнь мою и жизнь моих подруг.

Вот он – наш котлован!

Это Товарищи и ровесники / твоего отца.

При помощи данных средств все события, факты, описываемые объекты «приближаются» к читателю, воспринимаются как часть их собственной жизни, переживаются субъективно-эмоционально.

5. Использование единичных объектов для указания на общие понятия. В текстах М. К. Агашиной данные конкретные обозначения могут сопровождаться последующими обобщенными понятиями – существительными с абстрактным значением или использоваться без явных обобщений, которые имплицитны и должны быть выведены читателями из текста самостоятельно. Например:

И ромашка чем-то бесконечным / показалась каждому из нас.

И на старом, насиженном месте / соберутся такие, как я.

Теперь, где ни встретишь берёзу, / ты вспомни берёзку мою.

Спасибо вам, монтажник с наплавного, / за тот костёр на левом берегу!

Растёт в Волгограде берёзка. // Попробуй её позабуди!

Живет в Волгограде мальчишка курносый / по имени Витька-Фидель.

В качестве разновидности этого способа «сужения» пространства в поэзии М. Агашиной используются определения с общим значением «малый / маленький», «местный» в противоположность всеобщему, большому, мировому. Например:

Но Бах растет в моих глазах, / Коль этот Бах – на балалайке.

Как маленький остров Любви и Свободы / по городу мальчик идет.

И рис – растет, и мама – рядом, / Земля - мягка, вода – тепла!

В поэтических текстах М. К. Агашиной встречается и семантическое сужение времени за счёт использования имён числительных, например:

Сталинград сорок третьего года.

И ты / к Мамаеву кургану / придёшь /второго февраля.

К способам семантического сужения времени можно отнести и лексические указатели типа «этот», «эти» и т.д. Например:

Сдаётся Волга, пенясь и бурля...// Нам в эти дни ещё дороже стала / святая/ сталинградская земля /²

(...)все мальчишки нашего квартала /в этот вечер спорят о кино.

(...)в эти дни девчата Береславки /раскупают яркие шелка...

Таким образом, способы семантического сужения, активно используемые в поэтических произведениях М. К. Агашиной, помогают посредством языковых единиц с конкретной семантикой и приема локализации представить мир во всей сложности его существования сквозь региональное сознание автора, где в оппозиции «свой – чужой» явно доминирует первый компонент. Средства выражения данного явления, представленные достаточно ярко и выразительно, придают языку поэзии М. К. Агашиной сталинградского / волгоградского периода региональные черты.

Список литературы:

1. Агашина, М. К. Собрание сочинений [Текст] / М. К. Агашина. – Т.1. – Волгоград : Изд-во Волгоградского ин-та экономики, социологии и права, 2009. – 490 с.
2. Ионова, С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов [Текст]/С.В.Ионова.–Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2006. – 380с.
3. Касюк, И. С. Интерпретация слова в художественном тексте: некоторые аспекты [Текст] / И. С. Касюк // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Личность – слово – социум». – Минск: ЧУП «Паркус плюс», 2007.
4. Касюк, Н. С. Семантические поля «время» и «пространство» в поэтическом контексте Бориса

List of literature

1. Agashina, M. K. Sobranie sochinenij [Tekst] / M. K. Agashina. – T.1. – Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo in-ta jekonomiki, sociologii i prava, 2009. – 490s.
2. Ionova, S. V. Approksimacija sodержanija vtorichnyh tekstov [Tekst] / S. V. Ionova. – Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta, 2006. – 380s.
3. Kasjuk, I. S. Interpretacija slova v hudozhestvennom tekste: nekotorye aspekty [Tekst] / I. S. Kasjuk // Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Lichnost' – slovo – socium». – Minsk: ChUP «Parkus pljus», 2007.
4. Kasjuk, N. S. Semanticheskie polja «vremja» i «prostranstvo» v pojeticheskom kontekste Borisa

²О строительстве ГЭС в Волгограде.

- Пастернака [Текст] / Н. С. Касюк // Сб. науч. работ студентов высших учебных заведений Республики Беларусь «НИРС»–2004»: в 2 ч. – Минск : ВЭВЭР, 2005. – Ч. 2. – С. 128–130.
5. Лапшина, М. Н. Семантическая эволюция английского слова : изучение лексики в когнитивном аспекте [Текст] / М. Н. Лапшина. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1998.
6. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь. – М., 1990.
7. Розов, А. И. Проблемы категоризации: теория и практика [Текст] / А. И. Розов // Вопросы психологии, 1986. – № 3. – С. 56–65.
8. Потебня, А. А. Мысль и язык // Русская словесность. Онтология [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Academia, 1997. – С. 51–66.
9. Прохорова, В. Н. Русская терминология : лексико-семантическое образование [Текст] / В. Н. Прохорова. – М. : Филол. фак. МГУ, 1996.
10. Ульман, С. Семантические универсалии [Текст] / С. Ульман // Новое в лингвистике. – М, 1970. – Вып. 5.
- Pasternaka [Tekst] / N. S. Kasjuk // Sb. nauch. rabot studentov vysshih uchebnyh zavedenij Respubliki Belarus' «NIRS»–2004»: v 2 ch. – Minsk : VJeVJeR, 2005. – Ch. 2. – S. 128–130.
5. Lapshina, M. N. Semanticheskaja jevoljucija anglijskogo slova : izuchenie leksiki v kognitivnom aspekte [Tekst] / M. N. Lapshina. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 1998.
6. Rozental', D. Je. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Tekst] / D. Je. Rozental'. – M., 1990.
7. Rozov, A. I. Problemy kategorizacii: teorija i praktika [Tekst] / A. I. Rozov // Voprosy psihologii, 1986. – № 3. – S. 56–65.
8. Potebnja, A. A. Mysl' i jazyk // Russkaja slovesnost'. Ontologija [Tekst] / A. A. Potebnja. – M. : Academia, 1997. – S. 51–66.
9. Prohorova, V. N. Russkaja terminologija : leksiko-semanticheskoe obrazovanie [Tekst] / V. N. Prohorova. – M. : Filol. fak. MGU, 1996.
10. Ul'man, S. Semanticheskie universalii [Tekst] / S. Ul'man // Novoe v lingvistike. – M, 1970. – Vyp. 5.

**ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАНИЙ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ
ЛИЧНОСТИ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)**

Е. В. Куликова

Данная статья является результатом анализа литературных текстов на предмет сочетаемости различных механизмов психологической защиты персонажей в английских и русских произведениях классической литературы. Также описываются особенности языкового выражения упомянутых механизмов.

Ключевые слова: психологическая защита, языковое выражение психологических механизмов, психолингвистика, анализ художественной литературы.

Под *психологической защитой* мы, вслед за Л. Ю. Субботиной, понимаем *подсознательную систему моделей поведения*, сформированную на основе жизненного опыта человека, ограждающую его от отрицательных эмоций страха, тревоги, возникающих на основе травмирующей информации из внешнего мира [1. С. 13]. Отрицательная информация внешнего мира, воздействуя на ту или иную личность, формирует определённые *защитные механизмы*, составляющие указанную выше подсознательную систему. В результате проведённого анализа классических художественных произведений русскоязычной и англоязычной прозы на предмет наличия у персонажей тех или иных защитных механизмов методом сплошной выборки было выявлено 1022 контекста и идентифицировано 24 защитных механизма.

Анализ контекстов показал, что персонажи нередко используют несколько механизмов психологической защиты для разрешения конфликта и ослабления тревоги, поэтому актуальным является рассмотрение *особенностей их сочетания*. Отметим, что речь идёт не о разнообразии защитных механизмов персонажа в контексте целого произведения (макроконтекст), а о сочетании их в микроконтексте – «минимальном окружении единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует своё значение» [4. С. 238]. При

выделении микроконтекстов с наличием у персонажей психологической защиты руководствуемся следующей *моделью последовательности шагов исследовательской рефлексии*, то есть теми условиями и признаками, при которых выбран данный контекст для анализа: 1. Предпосылки возникновения психологической защиты (причины); 2. Проявление психологической защиты: 2.1 Контекстуальное, опосредованное (мы можем судить о наличии психологической защиты у субъекта со слов автора, при описании его поступков, поведения); 2.2 Вербальное, непосредственное (прямая речь субъекта, речь персонажа, переданная без изменений); 3. Конкретные речевые маркеры наличия психологической защиты.

На наш взгляд, интересна последовательность «включения» защитных механизмов того или иного персонажа, что учитывается далее в оформлении схем сочетания защит ($X_1 \rightarrow X_2 \rightarrow X_n \dots$, где X_1 – первоначально возникший механизм психологической защиты персонажа, X_2 – вторично возникший механизм психологической защиты персонажа и т. д.). Выделяется три основных группы сочетания защитных механизмов в зависимости от количества последних – от двух до четырёх:

1. Сочетание двух защитных механизмов в микроконтексте

Первая группа включает наибольшее количество примеров по разнообразию сочетаемости различных защитных механизмов. Так, выделяется 16 подгрупп в зависимости от первоначальной защиты в ряде сочетаемости (в скобках после каждого подпункта отмечено общее количество пар, которые образует тот или иной защитный механизм):

1.1 Играние ролей (Весельчак) → Оглушение; Играние ролей (Жертва) → Рационализация; Играние ролей (Жертва) → Толкование бессилием; Играние ролей (Гордость) → Проекция; Играние ролей (Милашка) → Бегство; Играние ролей (Милашка) → Проекция; Играние ролей (Хозяин) → Замещение; Играние ролей (Равнодушный) → Подавление). (8)

1.2 Подавление → Гиперкомпенсация; Подавление → Замещение; Подавление → Играние ролей (Милашка); Подавление → Сублимация; Подавление → Рационализация; Подавление → Сновидение) (6)

1.3 Бегство → Рационализация; Бегство → Замещение; Бегство → Образование симптомов; Бегство → Подавление; Бегство → Образование реакций; (5)

1.4 Оглушение → Сновидение; Оглушение → Проекция; Оглу-

шение → Образование симптомов; Оглушение → Играние ролей (Милашка) (4)

1.5 Сублимация → Идентификация; Сублимация → Подавление; Сублимация → Замещение; (3)

1.6 Рационализация → Идентификация; Рационализация → Подавление; Рационализация → Оглушение; (3)

1.7 Замещение → Оглушение; Замещение → Сублимация; Замещение → Иллюзия; (3)

1.8 Оглушение → Бегство; Оглушение → Замещение; Оглушение → Рационализация; (3)

1.9 Воображение (Иллюзия) → Оглушение; Воображение (Воспоминание) → Подавление; (2)

1.10 Экранирование → Оглушение; Экранирование → Замещение (2)

1.11 Образование симптомов → Замещение; Образование симптомов → Подавление (2)

1.12 Образование реакций → Играние ролей (Жертва); (1)

1.13 Проекция → Подавление (1)

1.14 Вытеснение → Идентификация (1)

1.15 Окаменение → Играние ролей (Весельчак) (1)

1.16 Речевой каламбур (изменение формы обращения) → Бегство (1)

2. Сочетание трёх защитных механизмов в микроконтексте.

2.1 Рационализация → Проекция → Подавление; Рационализация → Окаменение → Бегство; Рационализация → Бегство → Замещение (3)

2.2 Замещение → Подавление → Образование симптомов; Замещение → Подавление → Рационализация; Замещение → Экранирование → Образование симптомов (3)

2.3 Бегство → Воспоминания → Рационализация; Бегство → Замещение → Играние ролей (Весельчак) (2)

2.4 Оглушение → ИР (Весельчак) → Подавление; Оглушение → Бегство → Окаменение (2)

2.5 Экранирование → Оглушение → Подавление (1)

2.6 Подавление → Играние ролей (Весельчак) → Экранирование (1)

3. Сочетание четырёх защитных механизмов в микроконтексте.

3.1 Сублимация → Подавление → Оглушение → Иллюзия (1)

3.2 Подавление → Воспоминание → Рационализация → Подавление (1)

3.3 Проекция → Рационализация → Подавление → Бегство (1)

3.4 Оглушение → Подавление → Проекция → Рационализация; (1)

3.5 Оглушение → Замещение → Рационализация → Играние ролей (Весельчак) (1)

Как видим из приведённых рядов сочетания защитных механизмов, наибольшая группа представлена двумя взаимосвязанными защитами и составляет 74%. 17% приходится на тройные ряды сочетания защитных механизмов и 9% на ряды третьей наиболее сложной группы по сочетаемости. Процент соотношения сочетаемых защитных механизмов в контекстах и контекстов с одним защитным механизмом составил 6,03% (62 контекста из 1022 исследуемых), что говорит о невысоком уровне использования нескольких защитных механизмов персонажами *на уровне микроконтекста*. Если говорить о наличии тех или иных защит конкретного персонажа на макроуровне, в рамках одного произведения, их количество варьируется от 5 до 21. Так, например, у персонажа Р. Раскольникова из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» насчитывается 13, в большинстве своём, интегративных защитных механизмов. Анализ эмпирического материала также показал, что чаще всего сочетаются защитные механизмы одной классификационной группы, хотя это не является строгим «правилом»: могут сочетаться естественные и ретрозащиты, интегративные и ретрозащиты, хотя и в меньшем количестве.

В исследуемых контекстах сочетаемые защитные механизмы выражаются как вербально, так и опосредованно. При этом если первая и вторая группы рядов сочетаний разнообразны по способам выражения, то третья группа сложных сочетаний психологических защит выражается исключительно опосредованным образом и характеризуется большим объёмом микроконтекста. Отметим, что опосредованное выражение психологических защит представлено как словами автора, так и приведённой в контекстах внутренней речью персонажей, например:

Играние ролей + проекция

“You won’t forget me, Miss Lambert?”

“No, dear, I promise you I won’t. It’s been so nice to see you. You have a very sweet personality. You’ll find your way out, won’t you? Good-bye.”

“A fat chance she’s got of ever setting foot in this theatre,” said Julia to herself when she was gone. “Dirty little bitch to seduce my son. Poor lamb. It’s a shame, that’s what it is; women like that oughtn’t to be allowed.” (S. Maugham, 2009: 172)

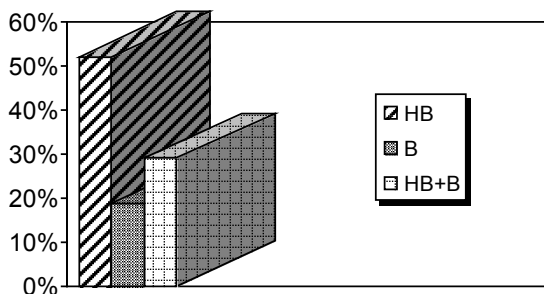
- Вы не забудете про меня, мисс Лэмберт?

- Нет, милочка, обещаю, что нет. Было так приятно с вами познакомиться. Вы славная девочка. Найдёте сами выход? До свиданья.

«Чёрта лысого она получит что-нибудь в моём театре, - подумала Джулия, когда та ушла. – Грязная шлюха, совратит моего сыночка! Бедный ягнёночек. Стыд и срам, да и только; таких надо карать по всей строгости закона». (С. Моэм, 2000: 153)

Соотношение вербального и невербального выражения сочетаемых защитных механизмов отражено в диаграмме 1.

Диаграмма 1. Соотношение вербального и невербального выражения защитных механизмов при их сочетании.

Условные обозначения диаграммы 1: HB – невербальное выражение защитных механизмов; B – вербальное выражение защитных механизмов; HB+B – выражение защитных механизмов невербально и вербально.

Из диаграммы 1 видно, что 52% сочетаемых защитных механизмов выражаются невербально, 29% - вербально и невербально и только 19% приходится на вербальное проявление защит в микроконтекстах. Данный факт может служить в перспективе предметом нового этапа исследования самого частотного способа выражения защитных механизмов – невербального, посредством анализа паралингвистических средств и их классификации. Безусловно, необхо-

дим комплексный лингвистический анализ прямо-опосредованных маркеров выражения психологических защитных механизмов для получения полной информации о языковом выражении различных способов психологической защиты.

Список литературы

1. Субботина, Л. Ю. Психологические защиты [Текст] / Л. Ю. Субботина. – Ярославль : Академия развития, 2006. – 112 с.
2. Моэм, С. (William Somerset Maugham) Театр (Theatre) [Текст] / С. Моэм. На англ. яз. – М. : Юпитер–Интер, 2009. – 260 с.
3. Моэм, С. Театр: Романы. Рассказы [Текст] / С. Моэм. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 640 с.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.

List of literature

1. Subbotina, L. Ju. Psihologicheskie zawity [Tekst] / L. Ju. Subbotina. – Jaroslavl' : Akademija razvitija, 2006. – 112 s.
2. Mojem, S. (William Somerset Maugham) Teatr (Theatre) [Tekst] / S. Mojem. Na angl. jaz. – M. : Jupiter–Inter, 2009. – 260 s.
3. Mojem, S. Teatr: Romany. Rassказы [Tekst] / S. Mojem. – M. : Izd-vo JeKSMO-Press, 2000. – 640 s.
4. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Tekst] / Gl. red. V. N. Jarceva. – 2-e izd. – M. : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2000. – 688 s.

ЛЮБОВЬ И ИМЕНА У МАРСЕЛЯ ПРУСТА

Е. Г. Прийтенко

В статье анализируется связь между именами и фамилиями героинь, в которых был влюблен рассказчик и их реальными образами в произведении Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Анализ производится в рамках подхода, предложенного В. Н. Топоровым, где особое внимание уделяется этимологическому анализу имен собственных, выделению семантических компонентов, связи имен собственных и нарицательных, а также ассоциациям, возникающим на различных языковых уровнях.

Ключевые слова: имя, фамилия, этимология, ассоциации, апеллятив, семантические компоненты.

Семитомное произведение Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» представляет собой «роман в романе». Следуя логике Жюль Делеза в нем можно выделить 4 «мира» (4 романа): мир любовных приключений, мир собственных переживаний автора, мир светского общества и мир искусства [2].

Знакомство с «мирами», начинается со знакомства с именами персонажей и различными географическими названиями. Имя служит зачастую «фундаментом» для создания образа того или иного персонажа. [1. С. 210]. У Марселя Пруста имя выступает в качестве символа, знака, который предстоит расшифровать читателю.

Несмотря на обилие персонажей можно выделить главных для той или иной сюжетной линии. Так, если мы рассматриваем «мир любовных переживаний», то сюда следует отнести *Albertine Simonet* (Альбертина Симоне), *Gilberte Swann* (Жильберта Сван), *Oriane de Guermantes* (Ориана Германтская).

Первая любовь Марселя – *Gilberte Swann*. Обращаясь к этимологии этой именной формулы, мы можем констатировать, что имя *Gilberte* немецкого происхождения и состоит из следующих компонентов *Gil-berth*, причем первый компонент представляет некую сложность для дешифровки, а второй *berth*- означает *brillant* (блестящий), *célèbre* (знаменитый) [4. С. 292]. Учитывая связь имен собственных и имен нарицательных, мы можем предположить, что Пруст осознанно вы-

бирает данное имя для персонажа Жильберты. Этимология данного имени наталкивает на мысль о том, что его обладательница является примечательной, особенной. Для Пруста Жильберта сияет, блестит (*brille*) подобно солнцу, озаряет светом его жизнь: « *Je rayonnais de joie dans cette maison où Gilberte, quand elle n'était pas encore avec nous, allait rentrer, et me donnerait dans in instant, pour des heures, sa parole, son regard attentif et souriant tel que je l'avais vu pour la première fois à Combray*» [3. С. 129].

Фамилия Жильберты – *Swann*, восходит к апеллятиву «*cygne*» [4. С. 560]. Первое значение этого слова – лебедь. Но мы считаем, что необходимо обратить внимание на последующие значения этого слова, а именно «последнее произведение, шедевр художника, созданный перед его смертью» [5. С. 616]. В таком случае речь идет о *Charles Swann* – отце Жильберты. Известно, что *Charles* является ценителем искусства и очень образованным человеком. Интересуется он и живописью. Мы предполагаем, что *Gilberte Swann* предстает именно как шедевр Шарля Свана, созданный художником перед самой смертью. В самом тексте, когда речь идет о внешности Жильберты автор употребляет «артистические, художественные термины» – « *...le nez arrêté avec un brusque et infaillible décision par le sculpteur invisible qui travaille de son ciseau pour plusieurs générations, – l'expression, les mouvements de sa mère; pour prendre une comparaison dans un autre art, elle avait l'air d'un portrait peu ressemblant encore de Mme Swann que le peintre, par un caprice de coloriste, eût fait poser à demi déguisée, prête à se rendre à un dîner de «têtes», en Vénitienne.*» [3. С. 164]. Шарль делает все, для того, чтобы Жильберта стала настоящей светской дамой. В романе Шарль уходит из жизни довольно рано. И все, что остается после него – Жильберта Сван, его детище, его любовь и надежда – « *Swann était de ces hommes, qui, ayant vécu longtemps dans les illusions de l'amour, ont vu le bien-être qu'ils ont donné à nombre de femmes accroître le bonheur de celles-ci sans créer de leur part aucune reconnaissance, aucune tendresse envers eux; mais dans leur enfant ils croient sentir une affection qui, incarnée dans leur nom même, les fera durer après leur mort*» [3. С. 166–167]. Таким образом, через фамилию *Swann* автор подчеркивает всю важность Жильберты для своего отца.

Вторая любовь Марселя – *Albertine Simonet*, девушка, не имеющая родителей, воспитываемая своей тетей. Обращаясь к этимологии этого имени, мы можем сказать, что оно состоит также из двух компонентов *adal-* – noble (благородный) и *berth-* (!) – brilliant (блестящий), célèbre

(знаменитый) [4. С. 5]. В этом имени мы встречаем тот же самый компонент, что и в имени *Gilberte* – *berth-*, что указывает на некую схожесть этих персонажей. Мы можем предположить, что эта схожесть проявляется в том, что, во-первых Жильберта и Альбертина примерно одной возрастной категории, а во-вторых они обе являются возлюбленными Марселя. В отличие от имени *Gilberte*, в котором первый семантический компонент не может быть однозначно интерпретирован, в имени *Albertine* первый семантический компонент может быть дешифрован – *noble* (благородный). Отметим, что прилагательное *noble* имеет 2 основных значения (остальные выделены в зависимости от первых двух). Так, *noble* в первом случае характеризует человека с выдающимися моральными качествами, а во втором случае человека, принадлежащего к привилегированному классу, человека, который является представителем этого класса [5. С. 1732]. Таким образом, если исходить, из этимологии имени *Albertine*, персонаж обладающий этим именем предстает как выделяющийся на фоне других персонажей высоко нравственный человек, и/или человек из высшего общества, появление которого предстает как знаменательное событие, персонаж, играющий первостепенную роль для кого-либо.

В тексте можно найти массу примеров иллюстрирующих исключительность Альбертины для Марселя, начиная с первого упоминания о ней: «*En ce qui concerne cette lettre au bas de laquelle Françoise se refusa à reconnaître le nom de Gilberte parce que le G histotié, appuyé sur un i sans point avait l'air d'un A...*» [3. С. 102–103]. Подписывая письмо Жильберте, Марсель первую букву *G* пишет таким образом, что она очень напоминает букву *A*. Степанов Ю. С. замечает по этому поводу: «Пруст считает, что имя как бы подготавливает человека к встрече с предметом или человеком. Под именем *Gilberte* возникает имя *Albert* (так как первая буква похожа на *A*, а последняя не прорисована). По-видимому, это имя играло особую роль у Пруста. Оно возникает снова несколькими страницами позже в имени *Albertine*, одного из центральных персонажей романа» [3. С. 156]. Даже тот факт, что автор предвосхищает имя нового героя (в данном случае героини) уже наталкивает на мысль об исключительной важности этого персонажа, что и отражено в этимологии имени *Albertine*.

Но, особо следует отметить, что отнюдь не все семантические компоненты в полной мере отразились в поступках, в линии поведения и образе жизни данного персонажа. Так *Albertine* предстает как абсолютно не «благородный» персонаж, ее поведение и образ жизни никак

нельзя назвать высоконравственными. И, кроме того, эта девушка не была благородного происхождения. То есть, персонаж Альбертины является абсолютной противоположностью того, что отражает семантический компонент ее имени *noble*. Понимать это можно по-разному: так, возможно учитывая этимологию данного имени, Пруст хотел показать, чего он ожидает от поведения и образа жизни этого персонажа, хочет предвосхитить дальнейшие события романа. Также мы можем предположить, что через противопоставление образа, навеянного семантикой имени и «реальной» Альбертиной, Пруст желает показать свое разочарование в ней, четко обозначая свои ожидания и реальную действительность. Ведь именно поведение и образ жизни Альбертины доставляли Марселю-рассказчику огромные страдания. Например, однажды, услышав от Альбертины весьма вульгарное выражение, употребляемое женщинами легкого поведения, Марселя переполняло чувство разочарования – « *Je n'avais pas une seconde à perdre si je ne voulais pas qu'elle s'aperçut du désespoir où j'étais. Mais déjà après un sursaut de la rage, les larmes me venaient aux yeux* » [6].

Обратимся теперь к этимологии фамилии Альбертины – *Simonet*. Тут мы тоже можем увидеть некое сходство с Жильбертой Сван. Так, в тексте романа не раз упоминалось, что фамилия *Swann* еврейского происхождения, и фамилия Жильберты – *Simonet* также древнееврейского происхождения. Данная фамилия произошла от имени апостола и страстотерпца 1 века – *Zélotés* [4. С. 553]. И этимология данной фамилий также не вяжется с реальной жизнью Альбертины. Девушка, ведущая развратный образ жизни никак не может быть воспринята церковью и религией как живущая по законам Божьим. Здесь мы сталкиваемся с противопоставлением, основанным на этимологии фамилии и реальным образом жизни человека.

Третья любовь Марселя – *Oriane de Guermantes*, герцогиня Германтская. Одного взгляда на данную именную формулу достаточно, чтобы понять, что этот персонаж противопоставляется и *Gilberte Swann* и *Albertine Simonet*. Во-первых этот персонаж относится к другой возрастной категории, она намного старше Марселя. Во-вторых она является замужней женщиной. В-третьих, *Oriane de Guermantes* принадлежит аристократической прослойке французского общества, на что указывает, в частности предлог *de* перед ее фамилией. Имя *Oriane* на фонетическом уровне схоже с прилагательным *Orient* – восточный. В соответствии с этим мы можем предположить что, Ориана предстает в некой мере как восточная женщина. В европейской мен-

тальности восточная женщина – это, прежде всего мудрая женщина, которой присущ некий орел загадочности, таинственности. В романе Пруста, Ориана предстает как персонаж вызывающий определенный интерес у Марселя, это проявляется в том, что Марсель до знакомства с ней, пытался выяснить какой образ жизни она ведет: « *La vie que je supposait y être menée, dérivée d'une source si différente de l'expérience, et me semblait devoir être si particulière ...*» [7]. Он в течение какого-то времени караулил герцогиню недалеко от дома, чтобы иметь возможность ее поприветствовать: «*Maintenant tous les matins, bien avant l'heure où elle sortait j'allais par un long détour me poster à l'angle de la rue qu'elle descendait d'habitude, et, quand le moment de son passage me semblait proche, je remontais d'un air distrait, regardant dans une direction opposée et levant les yeux vers elle dès que j'arrivais à sa hauteur, mais comme je ne m'étais tellement attendu à la voir*» [7]. Эти факты подтверждают, что *Oriane de Guermantes* представляет некую загадку для Марселя, который стремится, во что бы то ни стало преодолеть завесу тайны и приобщиться к жизни этой женщины.

Что касается мудрости, то следует отметить, что муж и все близкие люди к семье герцога и герцогини утверждали, что *Oriane de Guermantes* обладает «*esprit de Guermantes*» (остроумием Германтов), практически каждый вечер, проводимый в обществе герцогини сопровождался «остроумными высказываниями», которые являлись непосредственным проявлением «*esprit des Guermantes*». «*La duchesse de Guermantes semble très intelligente*» [7] отмечает сам Марсель в разговоре с *M. de Charlus*. Но несколько позднее в тексте читатель находит фразу: «*Esprit des Guermantes – entité aussi inexistante que la quadrature du cercle, selon la duchesse, qui se jugeait la seule guermantes à le posséder – était une réputation comme les rillettes de Tours ou les biscuits de Reims*» [7]. Здесь мы видим, что автор разоблачает особое «остроумие» герцогини, таким образом, *Oriane de Guermantes* предстает не как мудрая восточная женщина, а как женщина, которая хочет казаться такой, но, разумеется, такою не является.

Еще один пункт, по которому также можно увидеть сходство Орианы с восточной женщиной это ее отношения с мужем. В аристократических кругах всем было известно, что герцог и герцогиня не живут как муж и жена. И более того, *M. de Guermantes* заводил романы с большим количеством аристократок, постоянно влюблялся. Все это напоминает многоженство, которое является характерной чертой восточных мужчин.

Если мы проведем компонентный анализ фамилии *de Guermantes*, то обнаружим, что здесь можно выделить 2 компонента: *guer-* и *mantes-*. Компонент *guer-* произошел от немецкого *waro, waran*, что означает ставить, помещать в укрытие, укрывать, укутывать [4. С. 311]. Второй же компонент *mantes-* фонетически соответствует *mante* (мантия), что вызывает целый ряд ассоциаций. Мантия является отличительным атрибутом королей, судей, монахов и т. д. Нас интересует мантия королей. Учитывая все вышесказанное, мы можем представить эту фамилию на уровне семантических компонентов как «укутанный(ая) в мантию». Такой человек стремится окружить себя всем самым лучшим, «королевским», начиная от туалетов – «*Ainsi Mme. de Guermantes montrait dans ses robes le même souci de suivre la mode qui si se croyant devenue une femme comme les autres, elle avait aspiré à cette élégance de la toilette dans laquelle des femmes quelconques pouvaient l'égalier; la surpasser peut-être.*» [7] и **заканчивая образом жизни** и поведением – «*Des Guermantes – au moins ceux qui étaient digne du nom – n'étaient pas seulement d'une qualité de chair, de cheveux, de transparent regard, exquise, mais avaient une manière de se tenir, de marcher, de saluer, de regarder avant de serrer la main, par quoi ils étaient aussi différents en tout cela d'un homme du monde quelconque que celui-ci d'un fermier en blouse.*» [7]. В этой формуле «укутанный(ая) в мантию», чувствуется искусственность, напыщенность. Да, такой человек окружает себя всем самым лучшим, но это не есть сам человек. «Мантии» не отражают его сущность, то, что внутри у этого человека остается скрытым.

Таким образом, мы можем сказать, что все три любимые женщины Марселя имели достаточно «красноречивые» имена и фамилии. По своей структуре они двусложны, то есть представляют собой именованные композиты. Представления о *Gilberte Swann*, об *Oriane de Guermantes*, основанные на значении семантических компонентов их имен и фамилий, а также фонетических ассоциаций совпадают с реальными образами этих женщин, чего нельзя сказать об *Albertine Simonet*.

Фамилия Альбертины, как и первый семантический компонент ее имени служат для создания образа этого персонажа, как особы благородного происхождения и соответствующего поведения. Однако на деле оказывается, что Альбертина девушка безнравственная, да и простого происхождения. Читатель может предположить, что ожидает Марсель-рассказчик от этой девушки, принимая во внимание семантику имени и фамилии Альбертины, тем сильнее чувствуется разрыв

между реальной Альбертиной и образом Альбертины, созданным Марселем-рассказчиком. Именно антитеза, основанная на противопоставлении образов реальной и «придуманной» Альбертины усиливает, обостряет у читателя чувство разочарования в этой девушке.

Примечательно, что имя *Albertine*, как и имя *Gilberte* имеют общий семантический компонент *-berth* (блестящий), кроме того фамилии этих девушек еврейского происхождения, что указывает на схожесть этих персонажей, что также в полной мере отражено в тексте романа.

Список литературы

1. Бочаров, С. Г. Пруст и «поток сознания» [Текст] / С. Г. Бочаров // Критический реализм XX века и модернизм. – М. : Наука, 1967. – 287 с.
2. Делез, Ж. Марсель Пруст и знаки [Текст] / Дилез Жиль. – СПб. : Алетейя, 1999. – 190 с.
3. Пруст, М. Под сенью девушек в цвету [Текст] / М. Пруст//. – М. : Прогресс, 1982. – 584 с.
4. Dauzat, A. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France [Текст] / A. Dauzat. – Paris : Larousse, 1951. – 629 с.
5. Le Nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2004. – 2949 с.
6. Proust, M. La Prisonnière [Электронный ресурс]. – <http://www.feedbooks.com/book/4911/la-prisonniere>
7. Proust, M. Le côté de Guermantes [Электронный ресурс]. – <http://www.feedbooks.com/book/1263/le-cote-de-guermantes>

List of literature

1. Bocharov, S. G. Prust i «potok soznanija» [Tekst] / S. G. Bocharov // Kriticheskij realizm XX veka i modernizm. – M. : Nauka, 1967. – 287 s.
2. Delez, Zh. Marsel' Prust i znaki [Tekst] / Dilez Zhil'. – SPb. : Aletejja, 1999. – 190 s.
3. Prust, M. Pod sen'ju devushek v cvetu [Tekst] / M. Prust//. – M. : Progress, 1982. – 584 s.
4. Dauzat, A. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France [Tekst] / A. Dauzat. – Paris : Larousse, 1951. – 629 с.
5. Le Nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2004. – 2949 s.
6. Proust, M. La Prisonnière [Jelektronnyj resurs]. – <http://www.feedbooks.com/book/4911/la-prisonniere>
7. Proust, M. Le côté de Guermantes [Jelektronnyj resurs]. – <http://www.feedbooks.com/book/1263/le-cote-de-guermantes>

ОТРИЦАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО РОМАНСА

Е. Ю. Хорошко

В данной статье рассматривается отрицание в русском романсе, анализируются различные средства выражения отрицания. Делается вывод, что отрицание в романсе выступает как жанрообразующее средство.

Ключевые слова: жанр, романс, отрицание, полинегативность.

Жанру романса в отличие от других лирических жанров весьма и весьма свойственны конструкции с отрицанием. Средства выражения отрицания в русском языке удивительно разнообразны. Отрицание может быть выражено и выражается прежде всего эксплицитно (частицами *не* и *ни*, отрицательными местоимениями и местоименными наречиями, словами с префиксами *не-* и *ни-*, предикативами *нет*, *нельзя*, словом *нет*), но может быть выражено и имплицитно, когда отрицание является компонентом значения слова или предложения в целом. Для эксплицитно выраженных разновидностей категории отрицания в исследованиях используется термин О. Есперсена «специальная негация» (*special negation*). Романс тяготеет в абсолютном большинстве случаев к экпликациям отрицания, более того, к выделению, подчеркиванию, тогда как имплицитное отрицание скорее характерно для прозаического текста и для устной разговорной речи.

Отрицание в романсе представлено практически всеми из указанных выше средств: **Не надо** встреч... **Не надо** продолжать... / **Не нужно** слов, клянусь тебе, **не стоит!** И если вновь больное сердце поет, / Заставь его застыть и замолчать! (П. Герман). **Ни движенья, ни звука вокруг, ни души!** / Беспредметная даль пред очами. / Мы с тобою вдвоем в полутьме и в тиши, / Под лазурью, луной и звездами (А. Голенищев-Кутузов). **Ничего** мне на свете **не надо**, / Я готов все отдать, полюбя. / Мне осталась одна лишь отрада – / Баловать и лелеять тебя (Неизв. автор). Ты скоро меня позабудешь, / Но я **не забуду** тебя; / Ты в жизни разлюбишь, полюбишь, / А я – **никого, никогда!** (Ю. Жадовская). **Нет!** Сума я сойду, / Обожая тебя, / **Не ручаюсь**, убью / И тебя, и себя. / Отойди, отойди! (А. Бешенцов).

*В жизни все неверно и капризно, / Дни бегут, никто их не вернет. /
Нынче праздник, завтра будет тризна, / Незаметно старость по-
дойдет (Б. Тимофеев).*

Выступая в сфере коммуникативного намерения, отрицание участвует в раскрытии темы высказывания и зачастую непосредственно формирует его смысл. Наиболее употребительными в жанре русского романа, естественно, являются конструкции с частицей *НЕ*. Можно с уверенностью утверждать, что в силу своей частотности, наряду с императивами и вопросами, отрицательные конструкции в романсе выполняют функцию идиостилем самого жанра, обладающих особой семантико-прагматической значимостью и участвующих в выражении специфических для романа интенций.

Отрицание рассматривается как маркированный член общей двуединой категории «утверждение – отрицание», однако отрицательные предложения по сравнению с соответствующими утвердительными предложениями характеризуются не только большей формальной, но и заложенной в них большей психологической сложностью. Можно говорить о «модусном, или факторном, характере концепта “отрицание”, который не обладает собственной информацией о реальном мире, но приобретает определенное содержание, будучи соотнесен с другим концептом или концептуальной структурой. Отрицание профилирует отсутствие чего-либо на фоне определенного стереотипного знания» [2. С. 336]. Отрицание играет важнейшую роль в конституировании структуры предложения на его логико-грамматическом и синтаксическом уровнях членения, и отрицательные конструкции рассматриваются как с логической точки зрения (В. З. Панфиловым, А. Т. Кривоносовым, В. Н. Бондаренко, И. Н. Бродским и др.), так и с лингвистической точки зрения (А. И. Бахаревым, Н. Н. Болдыревым, А. Н. Барановым, Н. Г. Озеровой и др.).

В лингвистической литературе также можно отметить различные классификации отрицательных предложений: общеотрицательные простые и с усиленным отрицанием, частноотрицательные, вопросительно-отрицательные, побудительно-отрицательные и отрицательно-утвердительные предложения. Рассматривая романское отрицание, остановимся на традиционном делении, по терминологии А. М. Пешковского, предложений на общеотрицательные, когда отрицание относится к сказуемому, и частноотрицательные, когда отрицание относится к какому-либо другому члену предложения. Хотя следует отметить, что романсы дают достаточно мате-

риала для изучения вопросительно-отрицательных, побудительно-отрицательных и отрицательно-утвердительных предложений, но мы планируем исследовать отрицание в чистом виде, не совмещая его с императивами и вопросительными конструкциями.

Итак, в романсах преобладают общеотрицательные предложения: **Не жалею, не зову, не плачу**... (С. Есенин). У вашего крыльца **не вздрогнет** колокольчик. / **Не спутает** следов мой торопливый шаг (Л. Рубальская). Меня ты в толпе **не узнала** – / Твой взгляд **не сказал** ничего... (А. Голенищев-Кутузов).

Представим теперь еще более концентрированный список-перечень общеотрицательного состава русского романса, собранного методом сплошной выборки на 100 страницах сборника “Русские романсы” (2001).

Не обаяйся(2), *Не пригреет*, *Не встречала*, *Не лила*, *Не любить*, *Не ищет*, *Не забыть*, *Не настанет*, *Не понять* (8), *Не провожали*, *Не читали*, *Не видали*, *Не сжигали*, *Не ощущали*, *Не стану*, *Не смею*, *Не дает*, *Не затих*, *Не слышен*, *Не восстанешь*, *Не знаю*, *Не можешь*, *Не называю*, *Не почувствуй*, *Не мелькнули*, *Не назову*, *Не придет*, *Не узнать*, *Не знаю*, *Не выпускаю*, *Не дивитесь* (3), *Не сять*, *Не срывал*, *Не могу*, *Не знает*, *Не забывай*, *Не звучит*, *Не знал*, *Не успокою*, *Не найдешь*, *Не встретит*, *Не разлучит*, *Не гони* (4), *Не забудь* (2), *Не размышляла*, *Не слыхала*, *Не спросилась*, *Не дойду*, *Не имел*, *Не смею*, *Не сыщу*, *Не знает*, *Не любить*, *Не нарушать*, *Не приказали*, *Не поймешь*, *Не любит*, *Не скажу*, *Не прокляну*, *Не поверит*, *Не знаю*, *Не умеешь* (2), *Не знаю*, *Не вздохать*, *Не вернулись*, *Не забуду*, *Не заметили*, *Не сетуй*, *Не волнует*, *Не могла*, *Не знаю*, *Не стоит*, *Не буди* (3), *Не мог*, *Не верь*.

Вызывает интерес повторяемость глагольных лексем (если повторение произошло в пределах одного и того же романса, то число повторений отмечено цифрой в скобках после глагола). В ситуациях повторения глагола сама его форма (число, наклонение, грамматическое время) оказывается, как мы постоянно убеждаемся, достаточно разнообразной.

Отметим частноотрицательные конструкции: **Не веселая, не печальная**. / *Словно с темного неба сошедшая*, / *Ты и песнь моя обручальная*, / *И звезда моя сумасшедшая* (Н. Заболоцкий). *И уж не я, а будет он* / *В раздумье неть вечерний звон!* (И. Козлов).

Среди частноотрицательных конструкций в жанре романса наблюдается особая модель подчеркнутого отрицания через отрица-

тельное предпочтение и даже производство окказионализмов типа *не-гулянья*. *Спасибо вам и сердцем и рукой.../ За наши не-гулянья под луной, / За солнце не у нас над головами, – / За то, что вы больны – увы! – не мной, / За то, что я больна – увы! – не вами* (М. Цветаева). “На синтаксическом уровне специально негируются подлежащее, определение, дополнение, обстоятельство, именная часть именного сказуемого. Такое употребление частицы *не* очень часто не имеет нейтрального характера, а привлекает логическое акцентирование. Или если использовать терминологию актуального членения предложения – НЕ в специальном значении при указанных членах предложения, как правило, визирует рему” [4. С. 67].

Современный русский язык характеризуется полинегативностью. Полинегативность системы отрицания обуславливает возможность использования нескольких средств отрицания в одном предложении, а также наличие самых разнообразных средств усиления [1. С. 333].

В текстах романсов имеет место несколько отрицаний в пределах одной конструкции, то есть **отрицание с усилением**: *Я тебе ничего не скажу, / И тебя не встревожу ничуть, / И о том, что я молча твержу, / Не решусь ни за что намекнуть* (А. Фет). *Гори, гори, моя звезда, / Гори, звезда приветная! Ты у меня одна заветная, / Других не будет никогда* (В. Чувевский). *Ах! Никогда вы не любили, / И вам любить не суждено. / Надежда мне лишь утешенье, / Да я надеюсь и терплю* (Н. Ленский). *Меня ты в толпе не узнала – / Твой взгляд не сказал ничего...* (А. Голенищев-Кутузов).

Иногда в романсах встречаются **конструкции “не + инфинитив”**, в которых через отрицание передается оттенок сожаления о невозможности действия: *Вам не понять моей печали...!* (А. Бешенцов). *Не знать нам счастья, / Так не люби меня / С такою страстью!* (Неизв. автор). *Кудри, кудри, что вы вьетесь? / Мне уж вами не играть, / Мне уж вас не целовать, / Вы другому достаетесь* (А. Дельвиг). *Не забыть мне, как в последний раз / Я сказал ей “Прости, милая!”* (А. Кольцов).

Как выше было уже отмечено, ценность переживания чувств в глубинах души подтверждается частотными в жанре романса употреблениями частицы НЕ с глаголами говорения. *Не говори, что сердцу больно от ран чужих...* (Н. Павлов). *Не говори, что молодость сгубила...* (Н. Некрасов). *Не говорите мне о нем: / Еще былое не забыто...* (М. Перротте).

Многочисленные примеры отрицательных конструкций в текстах романсов позволяют говорить о том, что самому жанру присуща “негационность” (“негационный” – термин Ю.И. Левина, рассматривавшего негативные конструкции в поэзии О. Мандельштама). Поэтическое событие романа достаточно часто разворачивается через отказ, ограничение, невозможность, то есть через ОТРИЦАНИЕ чего-либо в самом широком смысле этого слова. Характерно и то, что романсы часто начинаются с отрицательной конструкции, более того даже самое первое слово романсной строки тоже нередко озаглавлено, семантически опрокинуто частицей НЕ и силой своего изначального, а значит подчеркнутого отрицания создает эффект характерного для романа экспрессивного взрыва: **Не жалею, не зову, не плачу** (С. Есенин). **Не говори**, что молодость сгубила (Н. Некрасов). **Не уходи**, побудь со мной (М. Пойгин). **Не говори** мне о нем (М. Перроте). **Не грусти**, мой свет, мне грустно и самой (А. Сумароков). Вам **не понять** моей печали (А. Бешенцов). Ты ещё **не умеешь любить** (Н. Берг). Я **не вернусь**, душа дрожит от боли (С. Касаткин). **Не говори**, что сердцу больно от ран чужих (Н. Павлов). Меня ты в толпе **не узнала** (А. Голенищев-Кутузов). **Не смолкай**, говори (А. Голенищев-Кутузов). Я **не скажу** тебе (Н. Белов). Я тебя с годами **не забыла** (А. Жодейко) и мн. др.

Романсное отрицание обладает исключительным сюжетноносным потенциалом. Само обилие отрицательных конструкций связано, повторяем, с тем, что в мире романсных сюжетов ведущую роль играет тема невозможности, невозвратности, отсутствия, безнадежности. Иногда в романсе происходит деление мира на мир его и мир ее, или на мир до и мир после каких-либо событий. Проиллюстрируем выражение безнадежности, не-свершения, невозможности в романсах: Я **не могла** сомкнуть в волненье очи, – / Но вы **не шли**... А я вас так ждала (В. Мазуркевич). Протекиших дней очарованья, / Мне вас душе **не возвратить** (А. Дельвиэ). Уж боле **не встретит** мне радостных дней; / простилась, простилась я с жизнью моей: / Мой друг **не воскреснет**; что было, **не будет**... / И бывшего сердце вовек **не забудет** (В. Жуковский).

НЕ в романсе концентрирует идею отсутствия чего-либо, но весь пафос отрицания в языковом соитии и отрицания, и утверждения. **Не слышно** на палубах песен, / Эгейские волны шумят (Н. Щербина). **Не зажгла** еще любовью / Своего сердечка ты, / **Не приходят** к изголовью / Ночью жаркие мечты (Я. Ядов). **Не слышно** на палубе песен,

но слыша эти слова, мы как бы «включаем» и запараллеленный мир, то есть представляем, как поют, как пели на палубе. **Не зажгла любовью...** Принимая эту мысль, мы параллельно конструируем и позитивный образ: как бы героиня свое сердечко зажгла любовью.

У лирических героев в тексте романсе иногда возникает стремление отойти, дистанцироваться друг от друга, однако при этом герой пытается лишь внешне «элиминировать» от себя возлюбленную, в душе стремясь к соединению с ней. **Не надо встреч... Не надо продолжать... / Не нужно слов, клянусь тебе, не стоит** (П. Герман). **Не вспоминай** о том, что позабыто, – / **Уж я не та**, что некогда была! (Т. Котляревская). **Но не верю**, чтоб жестоко / **Так могли вы поступить...** (Ю. Адамович). **Новых я песен совсем не пою**, / **Старые петь избегаю**, – / **Тревожат они душу больную**, / **И с ними, ах, с ними / Сильней я страдаю** (С. Макаров). **Но не грустен я, не печален я**, / **Утешительна мне судьба моя...** (Е. Гребенка). **Но не любил он, нет, не любил он**, / **Нет, не любил он, ах! не любил меня!**.. (М. Медведев). Как видим из приведенных контекстов, категория отрицания включает в себя широкий спектр смысловых оттенков. В континуум отрицания входят такие значения, как отсутствие, лишение, различие, сопротивление, отказ, несогласие, запрет, объединяемые всегда яркой отрицательной символикой.

Отрицание в романсе выступает как жанрообразующее средство, значимость которого определяется его ролью в сюжетном (событийном) пространстве романса. Обилие отрицательных конструкций в романсах объясняется жанрово-тематически: русский романс – сгусток чувств, напряжение человеческих переживаний, и общеорганизующая идея романсов – их подчеркнутый драматизм – репрезентируется на уровне функционирования отрицательных конструкций.

Список литературы

1. Бахарев, А. И. Отрицание в русском языке (сущность, способы выражения и история развития и современное состояние): дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / А. И. Бахарев. – Гулистан, 1996. – 385 с.
2. Болдырев, Н. Н. Концептуальные основы отрицания в язы-

List of literature

1. Baharev, A. I. Otricanie v russkom jazyke (suwnost', sposoby vyrazhenija i istorija razvitija i sovremennoe sostojanie): dis. ... d-ra filol. nauk [Tekst] / A. I. Baharev. – Gulistan, 1996. – 385 s.
2. Boldyrev, N. N. Konceptual'nye osnovy otricanija v jazyke [Tekst] / N. N. Boldyrev// Filologija i

- ке [Текст] / Н. Н. Болдырев// Филология и культура: Материалы IV Международ. науч. конф. 16–18 апреля 2003 года. – Тамбов, 2003. – С. 334–338.
3. Русские романсы [Текст]. – М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2001. – 288 с.
4. Стоикова, М. И. Семантика и функционирование категории отрицания, выраженной формальным показателем НЕ (в русском языке в зеркале болгарского): дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М. И. Стоикова. – М., 2001. – 136 с.
- kul'tura: Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. 16–18 aprelja 2003 goda. – Tambov, 2003. – S. 334–338.
3. Russkie romansy [Tekst]. – M. : AST; Har'kov : Folio, 2001. – 288 s.
4. Stoikova, M. I. Semantika i funkcionirovanie kategorii otricanija, vyrazhennoj formal'nym pokazatelem NE (v russkom jazyke v zerkale bolgarskogo): dis. ... kand. filol. nauk [Tekst] / M. I. Stoikova. – M., 2001. – 136 s.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГЛАГОЛЫ МЫСЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ КОНЦЕПТУАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Н. Г. Бяковская

В статье рассматривается особый класс русской глагольной лексики – глаголы мысли, т.е. глаголы пропозиционального отношения, вводящие мысль. Автором предлагается метод выделения глаголов мысли и приводится список самых распространенных глаголов мысли в русском языке. Кроме этого, в работе анализируются такие концептуально-семантические особенности этих глаголов, как «динамичность», новизна пропозиции, вводимой глаголами мысли, неконтролируемость результатов мысли и актуальность глаголов мысли.

Ключевые слова: глаголы мысли, мысль, русский язык, семантика.

Одной из важнейших функций естественного языка является «мыслительная» функция – функция формирования, «совершения» мысли в предложении (В. Гумбольдт). Важность этой функция языка всегда признавалась теоретически, но недооценивалась на практике. Что называется мыслью? С помощью каких языковых средств мысль выражается в предложении? Какие глаголы можно отнести к глаголам мысли? В данной статье мы попытаемся ответить на некоторые из этих вопросов, исследуя мышление через призму естественного языка. Прежде всего, нас будут интересовать глаголы (и глагольно-именные сочетания) мысли как особый класс глагольной лексики.

Глаголы мысли являются одним из важнейших классов глаголов в любом языке. В то же время в работах отечественных и зарубежных лингвистов они не выделялись как самостоятельный класс, а рассматривались в группе глаголов со значением интеллектуальной деятельности вместе с глаголами знания, мнения, веры и т. п. Так, например, Л. И. Кондратенко причисляет их к подгруппе глаголов со значением «мыслительный процесс» наряду с такими глаголами, как *мечтать, размышлять, рассуждать, передумать, углубиться*

(в думы) и др. [3. С. 33]. Однако справедливо ли такое обобщение? Каковы критерии, позволяющие выделить особую группу глаголов мысли? Действительно ли глаголами мысли можно считать, скажем, такие глаголы, как *мечтать* или *передумать*?

Чтобы ответить на подобные вопросы, мы, прежде всего, обратились к определению слова «мысль» в толковых словарях русского языка. Составители одних словарей (Д. Н. Ушаков, С. А. Кузнецов) определяют *мысль* через понятия, принадлежащие к тому же лексико-семантическому полю. Так, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова слово *мысль* имеет 5 значений, соответствующих, согласно словарю, значению слов *мышление, идея, предположение, дума* и *убеждения*.

Другие словари делают попытку объяснить это слово описательно, но все же им также не удается избежать сопоставления *мысли* со значением слов, близких по смыслу. Например, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова определяет *мысль* следующим образом:

- 1) то же, что мышление (во 2 значении);
- 2) то, что явилось в результате размышления, идея;
- 3) то, что заполняет сознание, дума;
- 4) убеждения, взгляды.

Словари синонимов русского языка ставят *мысль* в один ряд с такими понятиями, как *промысел, дума, идея, мнение, положение, понятие, тезис, парадокс, представление, догадка, соображение, суждение, намерение*. Это лишь в незначительной мере приближает нас к четкому пониманию того, что же есть *мысль* и, главное, чем значение этого слова отличается от значения слов, близких ему по смыслу.

Таким образом, обращение к большинству словарей синонимов и толковых словарей русского языка не рисует перед нами четкой картины. Толкование слова *мысль* и сопоставление этого слова со словами, близкими ему по смыслу, разграничивает значения слова *мысль*, но не объясняет их. Единственный вывод, который можно сделать после анализа рассмотренных нами словарных статей, таков: *мысль* имеет ряд связанных между собой значений и может обозначать:

1) процесс мышления (*Мы должны бороться за то, чтобы никакая грязь, никакой тлен, никакая нечистота, никакая неправда, ложь не проникали в нашу мысль. [митрополит Антоний (Блум). О святости и духовности (1995)]*);

2) результат процесса мышления (*Мысль о победе не давала ему покоя*);

3) и совокупность взглядов, убеждений (*коммунистическая мысль*).

Так что же все-таки понимается под *мыслью* в русском языке? Для ответа на этот вопрос мы обратимся к методам философии обыденного языка, или лингвистической философии, представителями которой являются Дж. Мур, Л. Витгенштейн, Н. Малькольм, Дж. Серль и др., и попробуем проанализировать собственно языковые данные. Посмотрим, что сам язык говорит нам о том, что есть мысль. Для этого мы воспользуемся примерами из «Национального корпуса русского языка» [5].

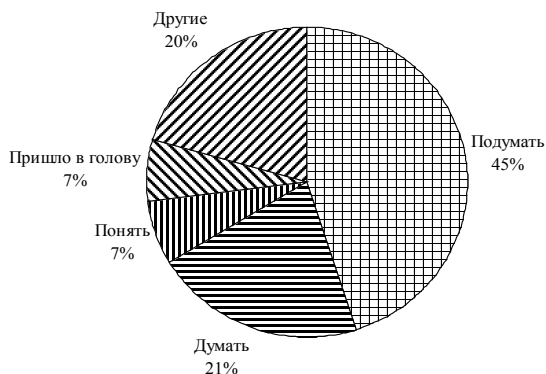
Чтобы выделить глаголы и глагольно-именные сочетания мысли в русском языке, мы обратились к примерам, в которых слово *мысль* следует за глаголом, который, в свою очередь, вводит то или иное утверждение, суждение, высказывание и т. п. Иными словами, в данных примерах слово *мысль* употребляется анафорически по отношению к суждению (выражению, высказыванию и т. п.), вводимому тем или иным глаголом интеллектуальной деятельности. Это примеры типа:

Чиж опять перешел заросший пустынный двор, опять услышал вялый собачий лай, посмотрел на трех кур и одного петуха под забором и, выходя на улицу, машинально подумал: «А потеют ли куры?» Эта мысль заняла его до странности [М. П. Арцыбашев. У последней черты (1910-1912)].

Здесь выражение *эта мысль* употреблено анафорически по отношению к отражающему содержание мысли выражению «*А потеют ли куры?*», которое, в свою очередь, введено глаголом пропозиционального отношения *подумал*. Отсюда можно сделать вывод, что глагол *подумать* – глагол мысли.

В ходе исследования из Корпуса было выбрано 1265 примеров, содержащих слово *мысль* в анафорической функции по отношению к высказыванию, отражающему содержание мысли. Из них в 122 случаях слову *мысль* предшествовал глагол. Такие глаголы, безусловно, являются глаголами мысли. Это следующие глаголы: *подумать, думать, сказать (самому) себе, спрашивать себя, думать про себя, понять, пришло в голову, мелькнуло в голове, пронеслось в голове, несло в голове, приходило в голову, шевельнулось в голове, представилось, мелькнула догадка, продолжать свои размышления, догадаться, догадываться, подумывать, сомневаться, мыслить, предложить, понимать, перебить себя*.

Процентное соотношение глаголов мысли представлено на схеме:

Отметим, что данный список глаголов мысли является исчерпывающим с точки зрения выбранной нами методики анализа и примеров, представленных в Национальном корпусе русского языка. Однако из-за объективной невозможности проанализировать весь языковой материал мы не можем утверждать, что этот список является полным. Напротив, мы предполагаем, что существуют и другие глаголы мысли. Например, такие глаголы, как *осенить*, *озарить* и *предположить*, очевидно, также являются глаголами мысли, поскольку глаголы *осенить* и *озарить* очень часто выступают в сочетании со словом *мысль*, а за глаголом *предположить* может следовать слово *мысль* в анафорической функции.

*Продолжая поиски, Ленька вышел во двор. Рыжика и там не было. И тут Леньку **осенила мысль**, которой он сначала и сам испугался. «А что, если сходить за водой самому?» – подумал он [А. И. Пантелеев. Ленька Пантелеев (1938-1952)].*

*– Егоровой, что ли, в клозет пачку дрожжей бросить? – лениво **предположил** Илья, покусывая травинку. Егоровой звали старуху, которая жила у леса и о которой шла недобрая слава. – А что, **неплохая мысль**... – заинтересованно пробормотала Лида [Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)].*

Тем не менее, на данном этапе мы ограничимся приведенными глаголами, так как они являются наиболее типичными и частотными для группы глаголов мысли.

В ходе дальнейшего анализа глаголов мысли нами были сделаны некоторые наблюдения, к рассмотрению которых мы сейчас переходим.

Во-первых, следует отметить, что многие из глаголов, приведенных выше, могут как обозначать процесс, так и выражать пропозициональное отношение. Сравните: (1) *Прошло вот уже полчаса, а он все сидел и думал, пытаясь найти решение проблемы* и (2) *«Пожалуй, сегодня вечером придется остаться дома», - думал он*. В первом примере глагол *думал* употребляется для обозначения процесса мышления. В таком значении подобные глаголы могут использоваться в ограничительном смысле (*Он думал целых 10 минут; Он посидел и подумал над этим*). В таких случаях эти глаголы обозначают процесс, а не результат деятельности. Они не вводят саму мысль, а только обозначают деятельность, направленную на «получение» мысли. Здесь анафорическое употребление слова *мысль* невозможно (**Он думал целых 10 минут, и эта мысль заставила его содрогнуться*).

Во втором примере глагол *думал* употребляется иначе. Он вводит пропозицию, он вводит саму мысль: *«Пожалуй, сегодня вечером придется остаться дома»*. Именно в таком употреблении подобные глаголы и глагольно-именные сочетания могут называться глаголами и глагольно-именными сочетаниями мысли. Такое представление этих глаголов основывается на рассмотрении мысли как акта, результата (а не процесса мышления). Соответствующее значение слова *мысль* отражено в «Толковом словаре русского языка» В. И. Даля, где мысль определяется как «всякое одиночное действие ума, разума, рассудка» [2. С. 396].

Проводя аналогию с английским языком, заметим, что в первом примере выражение *он думал* было бы переведено как *he was thinking*, а во втором – *he thought*, что наглядно отражает различия в значениях и употреблениях глагола *думать* в русском языке.

Таким образом, **глаголы мысли являются глаголами пропозиционального отношения**: они вводят пропозицию; они вводят саму мысль, результат процесса мышления.

Глаголы мысли могут вводить не только отдельную пропозицию, но и целую цепочку пропозиций. В этом случае они как бы указывают на «промежуточные выводы». Сравните:

(1) *Но тут моё внимание привлекла лама, и быстро идти дальше сразу расхотелось. Изумительной красоты животное явно о своей красоте знало и всячески нам позировало. «Хлеба выпрашивает», – подумал я.* [О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», № 37, 2003]

Здесь говорящий («думающий») делает единичное умозаключение на основе наблюдений: раз лама им позирует, значит, она выпрашивает хлеб. Иными словами, в данном примере глагол мысли *подумал* вводит отдельную пропозицию.

(2) а) – *Что будем пить?* – спросила Варя. – *Валидол*, – ответил Малиновский без улыбки. – *Я поставлю чай.* «**В актрисы метит**, – **думал он**, – **придётся хлопотать. Не буду...** **Голос вон какой противный**» [Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987)].

б) *Ирина ушла. Кямал остался стоять. Слёзы высохали на ветру. А в самом деле, думал он, почему бы не прийти вечером. Что случится? Ничего не случится. Он ведь не может так резко порвать все корни своей прошлой жизни* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», № 9, 2002].

В обоих примерах результат мыслительного процесса не ограничивается одним выводом (суждением). Строится целая цепочка суждений, логически вытекающих одно из другого (*Она хочет стать актрисой* → *Придется похлопотать* → *Не буду*). При этом приводятся основания для таких суждений (*Голос вон какой противный*). Таким образом, здесь мысль выражена как последовательная смена нескольких пропозиций. Обратим внимание на то, что в обоих примерах в качестве глагола мысли выступает глагол несовершенного вида *думал*. Согласно нашим наблюдениям, именно глаголы мысли несовершенного вида являются характерными в подобных случаях.

Рассмотрим теперь концептуально-семантические особенности глаголов мысли.

Первой особенностью глаголов мысли является их «**динамичность**». Глаголы, принадлежащие к этой группе, всегда указывают на изменение состояния в уме субъекта, под которым подразумевается переход от отсутствия пропозиции в сознании субъекта к ее наличию («не p → p ») или, в случае если глагол вводит целую цепочку пропозиций, переход от отсутствия пропозиции к последовательности пропозиций, логически связанных друг с другом и следующих друг за другом («не p → p_1 → p_2 → ...»).

– *Ничего*, – сказал невидимый Шварценеггер. – *Скоро кончится. Но дым никак не кончался, а они уходили все дальше и дальше от набережной. Марици вдруг **пришло в голову**, что вместо Шварценеггера рядом с ней уже несколько минут может идти кто-то другой – ну хотя бы тот, кто обнимал Ленина на субботнике, и эта мысль*

так ее напугала, что она машинально поправила наушники и включила музыку [Виктор Пелевин. Чапаев и пустота (1996)].

В приведенном примере глагольно-именное сочетание мысли *пришло в голову* указывает на внезапное изменение состояния в сознании Марии и новую пропозицию, возникшую в ее уме: 'рядом с ней идет кто-то другой'.

Другой отличительной особенностью глаголов мысли является то, что пропозиция, вводимая ими, всегда представляет собой принципиально **новое** суждение в сознании субъекта, причем это суждение создается умом самого субъекта.

Около площади Принцессы Вильгельмины она попала в какую-то облаву. То есть даже и не облава была это, а просто стояли люди в полицейской форме, проверяли документы, кое-кого сейчас же уводили, других группировали, выстраивали и гнали в оцепление. Погна-ли и её – прямо так, с бидонами на спине. «Ну, пропали мои сливки!» – подумала она [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943-1958)].

Здесь суждение 'сливки испортятся' является логическим выводом субъекта из сложившейся ситуации: она понимает, что еще долго не сможет поставить сливки в прохладное место из-за действий полицейских.

Глаголы мысли характеризуются также тем, что результат мысли (сама мысль), который они вводят, является **неконтролируемым**, несмотря на то, что сам процесс мышления является, безусловно, контролируемым. Можно заставить себя думать о чем-либо, направить свои мысли в определенное русло, но никогда нельзя знать, какие результаты будут получены в ходе процесса мышления и будут ли они получены в принципе. Особенно отчетливо эта семантическая особенность глаголов мысли проявляется в таких глагольно-именных сочетаниях, как *мысль пришла в голову, мелькнула в голове, пронеслась в голове* и т.п. В таких случаях мысль как бы отчуждается от своего субъекта, действуя самостоятельно, без его воли. Недаром во всех этих словосочетаниях слово *мысль* занимает позицию актанта, а сказуемое выражено глаголом в активном залоге. Данная семантическая особенность сохраняется и в безличных словосочетаниях: *пришло в голову, мелькнуло в голове, пронеслось в голове*.

В выражениях типа *сказать самому себе, спрашивать себя, продолжать свои размышления, перебить себя* эта особенность проявляется не так ярко, однако языковые данные и применение трансфор-

мационного метода исследования доказывают, что и в этих случаях результат мыслительной деятельности не является полностью контролируемым: в большинстве контекстов такие глагольно-именные сочетания можно заменить другим глаголом мысли (*подумать, пришло в голову*) без искажения смысла. Например:

Все что ни затевал я в жизни, приходило мне в голову внезапно, неожиданно; раз поутру сказал я сам себе: дай попробую, и принялся писать, что бы вы думали? исторический словарь великих мужей в России [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850-1860)].

В данном примере (как и во многих других, собранных нами) глагол *сказал самому себе* может быть замещен, например, выражениями *мне пришло в голову, меня осенило, подумал я* и др. Более того, в приведенном примере автор сам использует одно из таких выражений в сочетании с наречиями, характеризующими действие как не зависящее от говорящего, эксплицитно указывая на неконтролируемость результата мысли (*приходило мне в голову внезапно, неожиданно*).

В следующем примере глагольно-именное сочетание *продолжал свои размышления* может быть свободно заменено глаголом мысли *думал*:

«Но зато в эту минуту, – продолжал он свои размышления, – все это, разумеется, кончено... Я должен был показаться ей смешным...» Эта мысль ему была неприятна – и он снова сердился... И на нее... И на себя [И. С. Тургенев. Клара Милич (1882)].

Наконец, глаголы мысли (в отличие от глаголов знания, мнения и веры) **актуальны**.

Итак, подведем итоги. Глаголы мысли, являясь глаголами пропозиционального отношения, образуют самостоятельный класс глагольной лексики в русском языке. В настоящей статье был предложен метод выделения глаголов мысли и на его основе был составлен список из 23 глаголов, принадлежащих к этому классу. Наиболее типичными глаголами мысли являются *подумать* и *думать*. Глаголы мысли обладают рядом концептуально-семантических особенностей, таких как (1) «динамичность» (они всегда обозначают переход от отсутствия пропозиции к ее наличию или последовательный переход от одной пропозиции к другой в сознании говорящего), (2) новизна пропозиции, вводимой глаголами мысли (причем пропозиция является новой прежде всего для самого субъекта), (3) неконтролируемость результата мыслительной деятельности и (4) актуальность глаголов мысли.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды [Текст] / Ю. Д. Апресян. – Т. II. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия [Текст] / В. И. Даль. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с.
3. Кондратенко, Л. И. Глаголы интеллектуальной деятельности: На примере текстов прозы И. С. Тургенева [Текст] / Л. И. Кондратенко. – Воронеж, 2005. – 189 с.
4. Шатуновский, И. Б. Проблемы русского вида [Текст] / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 352 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – <http://ruscorpora.ru>

List of literature

1. Apresjan, Ju. D. Izbrannye trudy [Tekst] / Ju. D. Apresjan. – Т. II. – М. : Jazyki russkoj kul'tury, 1995. – 767 s.
2. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Sovremennaja versija [Tekst] / V. I. Dal'. – М. : JeKSMO-Press, 2001. – 736 s.
3. Kondratenko, L. I. Glagoly intellektual'noj dejatel'nosti: Na primere tekstov prozy I. S. Turgeneva [Tekst] / L. I. Kondratenko. – Voronezh, 2005. – 189 s.
4. Shatunovskij, I. B. Problemy russkogo vida [Tekst] / I. B. Shatunovskij. – М. : Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2009. – 352 s.
5. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Elektronnyj resurs] – <http://ruscorpora.ru>

ЭТИМОЛОГИЯ БАЛКАНСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *VJESHKĚ* В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

А. А. Воронков

*В статье рассматривается этимология албанской лексемы *bjeshkë*, значение которой отражает мифологические представления народов Средиземноморья в античный период истории.*

Ключевые слова: палеобалканский субстрат, мифология фракийцев, комплекс «горы, поросшей лесом».

Задача выявления палеобалканского субстрата представляет интерес не только для истории индоевропейских, в частности балканских языков, но также является источником для изучения античной истории. К числу бесспорных балканизмов принадлежит албанская лексема *bjeshkë* –а, ж. р. – «летнее пастбище в горах, горное пастбище, горный хребет, горный лес» [6. С. 42; 11. С. 53], мн. числ. *bjeshkat*. Однако предлагаемые на данный момент этимологии слова *bjeshkë* в значительной степени сужают представления не только о генезе албанского языка, но и о процессах языкового развития в античном обществе Средиземноморья. В рассмотрение этимологии этой лексемы следует включить ряд данных лексики и топонимики, который позволяет рассматривать её иначе, чем узко маркированное явление албанского языка. Эта лексема принадлежит к более широкому семантическому полю, которое даёт дополнительный материал к проблеме изоглосс античного периода.

Реконструированная Э. Чабеем и поддержанная Н. Йоклем форма **bie(r)shkë* производится от албанского глагола *bie* (2-е лицо единств. числа повелит. наклонения *bjerë*) – «падать, спускаться, срываться сверху, ударять» < и.-е. корня *bher* [6. С. 42]. В тесной связи с проблемой этимологии слова *bjeshkë* складывалось изучение этимологии такого заметного оронима, как горная гряда Бескиды на северо-востоке Карпатских гор (юг Польши). На связь обеих терминов обратил внимание акад. А. И. Соболевский, отметив, что славяне заимствовали это название ещё в общеславянский период в форме Бешчадь [11. С.53-54]. Древнепольское *Bieszczad*, др.-русское *Бескыдь*, чешское *Beskydy* объясняется от балканской основы, тож-

дественной *bjeshkë* + балканское **-ed*, ст.-слав. *-ěd*. Проникновение балканской терминологии на север объясняется естественными контактами соседей – праславян и палеобалканских народов, и миграционным характером распространения пастушеской терминологии.

Как маркер для установления ареальных границ между праславянами и иллирийцами в Карпатском регионе отмечал значение названия Бескиды О. Н. Трубочёв [15. С. 52], который предложил сложносоставную этимологию оронима Бескиды от иллирийского сочетания **biz-kit/*biz-ket* – обозначающего «буковый лес» [14. С. 281–282]. Объяснение О. Н. Трубочёва встретило поддержку В. Н. Топорова, который предпринял фундированное исследование семантической мотивировки корня **kit/ket*, не имеющего достоверных аналогий в значении «лес». Выводы В. Н. Топорова, построенные на балтийском, и отчасти на славянском материале, позволяют связать этимологическое гнездо **kit/*kēt* с такими значениями как «загривок, щетина на хребте, верхушка, гребень, хвоя, щетина, щётка» и др. В целом гнездо **kit/*kēt* связывается с представлением о «горе, порошей лесом» [13. С. 124–125].

Ряд исследователей отвергают как связь названия Бескид с албанским *bjeshkë* так и иллирийскую этимологию О. Н. Трубочёва, поддерживая германскую гипотезу Я. Розвадовского, со значением «водораздел»: ср.-н.-нем. *beschêt* – «граница, раздел». [9. С. 22–23].

В рамках палеобалканской проблематики данная ареальная проблема приобретает принципиальное значение. В своей монографии И. А. Калужская считает возможным отказаться от поиска истоков албанского языка в палеобалканских: иллирийском или фракийском. Дискуссия об этой дилемме длится на всём протяжении истории сравнительного языкознания. И. А. Калужская предлагает рассматривать албанский как самостоятельный индоевропейский язык, а его отношения с палеобалканскими языками полагает более продуктивным перевести в плоскость более поздних ареальных контактов возникавших в процессе движения носителей албанского языка из областей к северу-северо-востоку от Дуная в период позднего диалектного членения индоевропейского праязыка. Аргументацию для такой траектории движения протоалбанцев И. А. Калужская усматривает, в том числе и на примере распространения однокоренной со словом *bjeshkë* лексики на севере Карпат (Бескиды). Сама албанская лексема должна была быть воспринята протоалбанцами в процессе миграции с севера из иллирийского [9. С. 14–15].

На наш взгляд более развёрнутая перспектива для этимологии лексемы *bjeshkë* открывается в изучении её связей со средиземноморскими ареалами в контексте истории палеобалканских языков. Она должна быть сопоставлена с ближайшими балканскими языками, прежде всего с арумьским словом *dze`ana, zeanã* – «гора = гора, поросшая лесом = лес» [7. С. 231; 8. С. 32, 35], распространённом, главным образом, в исторической области Эпир (современный северо-запад Греции и юг Албании). Это слово, несомненно, происходит от дако-фракийской лексемы *pusinas* – «еловый (можжевелниковый) лес; гора, поросшая еловым лесом». Должен быть выделен лексический ряд *pusinas* > *bjeshkë*, который восходит к и.-е. корню **peuk* – «колючий», семантическая мотивировка которого даёт понятия «колкая растительность, ворс, щетина, заросший». Принципиально важным следует считать типичное для и.-е. языков тождество лексем «гора» и «лес».

В эгейско-малоазийском культе Великой богини Матери - Кибелы (Реи), эпитетом богини было имя – Ида. Во фракийском языке и в анатолийских (малоазийских) языках Лидии, Фригии, Карии и Троады, первоначальное значение лексемы **I/ida* – «гора, горный лес» (ср. др.-верхн.-нем. *Witu* – «лес», др.-англ. «*wudu*» - «лес», галльское *padi* – «сосна»). Л. А. Гиндин отмечает характерное религиозное употребление этого слова – *Idaia* + имя бога, что в частности относилось к Зевсу и к горе Ида на Крите [4. С. 135]. Центрами культа Кибелы во Фригии и в Троаде были одноимённые горы под названием Ида. Именно хвойные деревья были посвящены Кибеле.

Главный культовый центр Кибелы во Фригии город Пессинунт (Πεσσίνους, *Pessinus*) носит название, который можно объяснить по смыслу от фригийского слова, близкого к фракийскому *pusinas* (ср. арм. *p`shot* – «колючий», *ghozanak* – «щётка»).

Предлагаемые прежде этимологии позволяли отрицать какую либо связь между лексемой *bjeshkë* и этнонимом фракийского племени бессов [6. С. 42]. В предлагаемом нами объяснении такая связь обретает вполне конкретные черты. Согласно Геродоту, бессы – это жреческий род в составе фракийского племени сагров. В V в. до н.э. они жили в Родопах, в горах покрытых лесом, и содержали прорицалище Диониса, где толковали прорицания (Hdt, VII.111). Термин «бессы» тождественен термину *Ida* (ср. др.-греч. βαθύρ-ραϊνος – «с густым ворсом»). Преемственность этих терминов прослеживается в синониме названия горы Ида на Крите – Ψέλορειτες (от греческой

основы ψιλó – «ворс» с тем же корнем, что в слове *pusinas*). Склоны Иды действительно покрыты покровом из колючих ксероморфных полукустарников и кустарников и жёстких трав (БСЭ, т. 10. С. 88). Город Πεσσίνοῦς и гора Ψέλορειτες определённо стягиваются в единый семантический комплекс.

В недавней публикации мы также предположили, что название озера Laco Fucinus (совр. Salto) в исторической области Марсика в Италии, отражает реальность миграции троянцев под предводительством Энея в Италию. В латинском языке слово *saltus*, от которого происходит гидроним *Salto*, означает – «горы; лес или лесистое место, лесной выгон, горное пастбище» (итал. *salto*). Апеллятив *Fucinus* может быть объяснён из дако-фракийского слова *pusinas* – «еловый (можжевельниковый) лес; гора, поросшая еловым лесом» [1. С. 132]. Эней принадлежал к царскому роду дарданов, посвящённом сакральному служению Кибеле – Иде. Троянское племя *дарданов* имеет фракийское (дако-мизийское) происхождение [2. С. 145; 5. С. 191]. Название горной цепи примыкающей к югу озера Фуцинас ещё в средние века было – *serram de Troja*, т.е. «гора Трои (или троянцев)». У этрусков, которые также мигрировали в Италию из Малой Азии (по крайней мере, их часть), также существовал культ «Великой горы», который остаётся ещё малоизученным. На наш взгляд культовое значение Фуцинского озера, где находилось святилище богини Ангитии, определённо смыкается в один сакральный комплекс с горами Ида в Троаде, Фригии и на Крите, значение которого определяется символикой «горы, поросшей лесом» [1. С. 132].

В и.-е. языках можно обозначить следующее деление производных от корня **reuk* на основе присоединения суффиксов.

- Форме корня аналогичны названия «сосны»: др.-греч. *πέυχη*, др.-прусс. *peuse*, литовск. *pušis-io*, *pušynas* – «сосна, сосновый» < из и.-е. **reukā* – «ель» или «сосна» [12. С. 214], а также название «ворса» в литовском – *pūkas*. О наличии этого слова в иллирийском языке свидетельствует племенное название *Πευχέτοι* [12. С. 178];

- Только в германском и кельтском **reuk*+*t* даёт название дерева – «пихта»;

- О присоединении суффиксов *-n*, *in* можно говорить применительно к фракийскому, иранским и фригийскому языкам (фрак. *pusinas*, нов.-перс. *senowbar* – «сосна», *suzanbargi* – «хвойный», хинди *шанку-дхар* – тж., арумынск. *dze`ana* – «гора = гора, поросшая лесом = лес», фригийский Пессинунт, озеро Фуцинус);

- Присоединение $-(l)or;-ir$ в др.-греческом языке в определениях «ворс» - ψιλόν, βασιύρραϊνος. Этот суффикс обнаруживает ближайшее родство в словообразовании алб. *halor* – «хвойный», суффикс $-ur$ характерен также для фракийского языка. Лексема *halor* представляет палеобалканский субстрат, восходя к одной основе с арм. *eghevni* [ехевни]– «ель» из и.-е. *kau- – «колючий» (?). Корень *kau: н.-перс. *kaj* – «ель», лит. *skuja* – «хвоя», фр. *caustique* – «колючий», арум. *skaj* – «название растения» и др.; он даёт в алб. $h < *k$, в арм. $h < *k$, как в случае алб. *helle, heje* – «пика» из и.-е. *skel – «заострять» [10. С. 200];

- Латинское слово *saltus*, не имеющее достоверной этимологии [17. С. 673], также должно быть привнесено из Эгейского региона одной из миграционных волн, возможно именно с Крита (Ψέλ- > salto);

- В латинском языке протетическое *n* даёт *punc-* и название сосны – *pinus*. Название «ели» - *abies, abietis*, вероятно, образовано с префиксом из *reuk > a+bies. Согласно Фикку, эта лексема имеет сходство с названием лесного региона 'Αβικίη в Северном Причерноморье [17. С. 4]. Топонимика этой области в известной степени связана с дако-фракийским ареалом [14. С. 276-284], поэтому название 'Αβικίη, скорее всего, дако-фракийское.

Выводы, которые можно сделать из этой классификации позволяют заключить, что албанское слово *bjeshkë* принадлежит палеобалканскому субстрату, восходящему к фракийскому языку. Оно сформировалось в центральной и отчасти западной частях Балканского полуострова в V – сер. II тыс. до н.э., где смыкались фригийско-армянские, греческие, македонские, и дако-мизийско-фракийские племена. Иллирийские племена, обитавшие в IV – III тыс. до н.э. в области между Северной Адриатикой и средним течением Дуная в течении II тыс. продвинулись на юг, заняв историческую Иллирию (к западу от Македонии) [2. С. 145–146]. Некоторые особенности центрально-балканских диалектов, формировавшихся до II тыс. до н.э. впоследствии обнаружили следующие явления: 1) стяжение согласных *reuk > ps (ср. арм. *p`shot*, греч. ψιλόν), однако это не коснулось фракийского языка. Впоследствии в мизийском диалекте произошла элизия первого коренного звука (арумынск. *dze`ana, zeană*);

2) чередование *p- // b-*. Из числа албано-румынских изолексов автотонного происхождения такой пример представляют дакорум. *bilk* - «лужа» = алб. *pellg* – «яма с водой, лужа, пруд». Проблема эти-

мологии этих лексем тесно связана с др.-греч. πέλαγος – «море» [12. С. 224]. Схожая вариация в др.-греч. ἄβιν – «ель» // фрак. *pusinas*; др.-греч. ψιλό // βασιύρ- «ворс»;

3) ассибиляция с двойным формантом *ss* < **peuk*, как во фригийском языке (Πεσσίνοῦς). Формант *sk* < *k* является признаком переходным к спирантизации. Именно в этом регионе в V в. до н.э. проживает фракийский род с этнонимом – *бессы*, этнически близкий мизийцам. В 433 г. н. э. посол византийского императора Приск Понтийский пишет, что гунны вступили в сражение с *бисками*, и если это не искажение, то мог иметь место и такой вариант этого этнонима.

Таким образом, лексема *bjeshkë* не может согласно гипотезе И. А. Калужской являться свидетельством миграции прото-албанцев и её прототип был в употреблении в Центральной части Балкан уже V – II тыс. до н.э. Отстаивая гипотезу о продвижении лексемы *bjeshkë* на Балканы с севера, И. А. Калужская полагает, что молдавское слово *béskid* – «гора с летним пастбищем, горный перевал, скала» происходит от украинского *бескед*, *бескид* – «крутой обрыв, непроходимый овраг» [9. С. 15, 22]. Однако значения именно этих слов наиболее расходятся между собой (ср. чешск. и словац. *beskyd* – «горный хребет, соединяющий две вершины», польск. диал. *beskyd* – «горный хребет с перевалом»). По смыслу украинское слово гораздо ближе к польскому и вероятнее представляет заимствование из него, тогда как молдавское слово имеет значение характерное только для центрально-западно-балканского ареала – «горное пастбище». В албанском языке терминология связанная с отгонным скотоводством представляет отдельный, чрезвычайно детализированный и древний комплекс. Балканская и карпатская пастушеская терминология обнаруживают генетическую близость, несмотря на то, что оба ареала разошлись много столетий назад [8. XL]. Подобное совпадение значений не может являться случайным, как не может быть случайным появление значения «горное пастбище» в латинском слове *saltus*. Наличие этой лексики в молдавском объяснимо ареальной дако-фракийской общностью, впоследствии романизированной и сохранившей автохтонную терминологию только на периферии ареала. Либо это является следствием исторически достоверной миграции бессов: часть этого племени во II в. н.э. мигрировала в область к северу от устья Дуная, откуда топоним Бессарабия (ист. обл. между устьями Дуная и Днестра, совр. Буджак).

Другое значение корня *bes(k)* – «перевал, овраг» также определённо имеет палеобалканское происхождение. Арумынское (македонорумынское) *buḡeaki, gēna* – «прогалина в лесу или между горами, используемая как пастбище» имеет полный эквивалент в молдавском слове *зэноаге* (ср. арум. *dze`ana, zeană*) [7. С. 231]. Оба слова принадлежат к тому же этимологическому гнезду на территории исторических Эпира и Македонии, в котором сложилось и греческое дорийское βήσσα – «лесная лощина, лог». Дорийцы занимали эту территорию во II тыс. до н.э. Только «пастбище» может быть изосемой, связующей такие разные понятия как «гора» и «перевал, лог, овраг». Естественно, что пастухи выбирали для пастьбы склоны лесистых гор, которые служили естественной защитой для скота от непогоды. Следует обратить внимание, что греко-фракийский бог Пан является сначала богом леса, затем покровителем стад; значение его имени от арийск. Пушан, из корня *pus* «(заставлять) расти» [12. С. 237–238] > «пастбище» > «перевал, лог, овраг», т. е. место подходящее для прохода скота.

Относительно лексики «ель, сосна» албанский язык имеет элементы характерные для языков северо-индоевропейской группы. Это неудивительно в связи с фактом продвижения иллирийцев с севера со стороны среднего Дуная. Албанское *breth* – «ель» принадлежит к другому и.-е. корню со значением «колоть», который характерен для германских, славянских и иллирийского языка: церк.-слав. *borъ* – «ель», русск. *бор* – «сосновый лес», др.-англ. *bearo* – «вид дерева», серб.-хорв. *bŏr* – «сосна», иллир. **bhor-on-klo*, фриульск. **baranklo* – «карликовая сосна» [12. С. 214–215]. В иллирийском как указано выше имеется племенное название *Πευχέτοι*. В албанском языке *pishë* означает «сосна», *pishnajë* – «сосновый лес». Для иллирийского языка, безусловно, можно выделить два соответствующих корня: *Πευχέ-* «сосна» и **bhog-* «ель». Очевидно, что *Πευχέ-* и **bhog-* не могут происходить из фракийского.

Однако известно, что литовск. *pušynas* означает «сосновый», тогда как фракийское *pusinas* – «еловый, можжевельниковый», как в лат. *abies* – «ель». Сосна и ель не везде встречаются вместе. Области естественного распространения ели и сосны пересекаются только в Альпах, Карпатах и на Северо-Западе Балканского полуострова [12. С. 178]. Ввиду этого, факты колебания предметного содержания однокоренных лексем на северо-западе Балкан, области пересечения фракийского и иллирийского ареалов, имеют решающее значение. Алб. *pishnajë* должно быть определено как иллирийское и сопостав-

лено с лит. *pişynas*. Остаётся вопрос о значении слова *bjeshkë*, которое означает в том числе «горный лес». Поскольку этот лес не может являться абстракцией, а должен быть связан с определённым деревом, то он восходит к фракийскому *pusinas* - «еловый (можжевеликовый) лес; гора, поросшая еловым лесом».

Список литературы

1. Воронков, А. А. К вопросу о троянском происхождении этрусков [Текст] / А. А. Воронков // Челябинский гуманитарий. – 2010. – № 3. – С. 131–136.
2. Георгиев, В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию [Текст] / В. И. Георгиев. – М. : Изд. иностр. лит., 1958. – 317 с.
3. Геродот. История [Текст] / Геродот. – М. : Ладомир, 2002. – 752 с.
4. Гиндин, Л. А. Языки древнего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики [Текст] / Л. А. Гиндин. – М. : Наука, 1967. – 199 с.
5. Гиндин, Л. А. Гомер и история Восточного Средиземноморья [Текст] / Л. А. Гиндин. – М. Восточная литература РАН, 1996. – 328 с.
6. Десницкая, А. В. О некоторых вопросах балканистики в связи с изучением карпатского лингвистического ареала [Текст] / А. В. Десницкая // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3. – С.35–46.
7. Домосилецкая, М. В. Албанско-восточно-романский сопо-

List of literature

1. Voronkov, A. A. K voprosu o trojanskom proishozhdenii jetruskov [Tekst] / A. A. Voronkov // Cheljabinskij gumanitarij. – 2010. – № 3. –S. 131–136.
2. Georgiev, V. I. Issledovanija po sravnitel'no-istoricheskomu jazykoznaniju [Tekst] / V. I. Georgiev. – M. : Izd. inostr. lit., 1958. – 317 s.
3. Gerodot. Istorija [Tekst] / Gerodot. – M. : Ladomir, 2002. – 752 s.
4. Gindin, L. A. Jazyki drevnego naselenija juga Balkanskogo poluoostrova. Fragment indoevropeskoj onomastiki [Tekst] / L. A. Gindin. – M. : Nauka, 1967. – 199 s.
5. Gindin, L. A. Gomer i istorija Vostochnogo Sredizemnomor'ja [Tekst] / L. A. Gindin. – M. Vostochnaja literatura RAN, 1996. – 328 s.
6. Desnickaja, A. V. O nekotoryh voprosah balkanistiki v svjazi s izucheniem karpatskogo lingvističeskogo areala [Tekst] / A. V. Desnickaja // Voprosy jazykoznanija. – 1976. – № 3. – S.35–46.
7. Domosileckaja, M. V. Albansko-vostočno-romanskij

- ставительный словарь. Скотоводческая лексика [Текст] / М. В. Домосилецкая. – СПб. : Инст. Лингв. Иссл. РАН, 2002. – 615 с.
8. Домосилецкая, М. В. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая [Текст] / М. В. Домосилецкая. – Т. IV. Ландшафт. – СПб. : Наука, Verlag Otto Sagner, München, 2010. – 356 с.
9. Калужская, И. А. Палеобалканские реликты в современных балканских языках : к проблеме румынско-албанских лексических параллелей [Текст] / И. А. Калужская. – М. : Индрик, 2001. – 176 с.
10. Нерознак, В. П. Палеобалканские языки [Текст] / В. П. Нерознак. – М. : Наука, 1978. – 230 с.
11. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь [Текст] / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 509 с.
12. Порциг, В. Членение индоевропейской языковой области [Текст] / В. Порциг. – М. : Прогресс, 1964. – 332 с.
13. Топоров, В. Н. Из индоевропейской этимологии III (1-3). Балтобалканское *kēt, gour [Текст] / В. Н. Топоров // Этимология. 1982. – М. : Наука, 1985. – С. 123–140.
14. Трубачёв, О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование, этимология, этническая интерпретация [Текст] / О. Н. Трубачёв. – М. : Наука, 1968. – 289 с.
- sopostavitel'nyj slovar'. Skotovodcheskaja leksika [Tekst] / M. V. Domosileckaja. – SPB. : Inst. Lingv. Issl. RAN, 2002. – 615 s.
8. Domosileckaja, M. V. Malyj dialektologičeskij atlas balkanskih jazykov. Serija leksičeskaja [Tekst] / M. V. Domosileckaja. – T. IV. Landshaft. – SPb. : Nauka, Verlag Otto Sagner, München, 2010. – 356 s.
9. Kaluzhskaja, I. A. Paleobalkanskije relikty v sovremennyh balkanskih jazykah : k probleme rumynsko-albanskih leksičeskijh paralelej [Tekst] / I. A. Kaluzhskaja. – M. : Indrik, 2001. – 176 s.
10. Neroznak, V. P. Paleobalkanskije jazyki [Tekst] / V. P. Neroznak. – M. : Nauka, 1978. – 230 s.
11. Nikonov, V. A. Kratkij toponimičeskij slovar' [Tekst] / V. A. Nikonov. – M. : Mysl', 1966. – 509 s.
12. Porcig, V. Chlenenie indoevropskoj jazykovoje oblasti [Tekst] / V. Porcig. – M. : Progress, 1964. – 332 s.
13. Toporov, V. N. Iz indoevropskoj jetimologii III (1-3). Baltobalkanskoe *kēt, gour [Tekst] / V. N. Toporov // Jetimologija. 1982. – M. : Nauka, 1985. – S. 123–140.
14. Trubachjov, O. N. Nazvanija rek Pravoberezhnoj Ukrainy: Slovoobrazovanie, jetimologija, jetničeskaja interpretacija [Tekst] / O. N. Trubachjov. – M. : Nauka, 1968. – 289 s.

15. Трубачёв, О. Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян [Текст] / О. Н. Трубачёв // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 48–67.

16. Duridanov, I. The languages Thrakians, 1976. [Электронный ресурс]. – URL: <http://garshin.ru/linguistics/languages/nostratik/indo-european/paleo-balkan.index.html>

17. Walde, A. Lateinishes etimolgiices Wörterbuch [Текст] / A. Walde. – Heidelberg : Carl Winter`s universitätsbuchhandlung, 1910. – 1044 p.

15. Trubachjov, O. N. Rannie slavjanskije jetnonimy – svideteli migracii slavjan [Tekst] / O. N. Trubachjov // Voprosy jazykoznanija. – 1974. – № 6. – S. 48–67.

16. Duridanov, I. The languages Thrakians, 1976. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://garshin.ru/linguistics/languages/nostratik/indo-european/paleo-balkan.index.html>

17. Walde, A. Lateinishes etimolgiices Wörterbuch [Tekst] / A. Walde. – Heidelberg : Carl Winter`s universitätsbuchhandlung, 1910. – 1044 p.

**РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ПРИЗНАКОВЫХ ИМЕН БОГАТЫЙ,
БЕДНЫЙ (ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

О. В. Ильина

В статье на основе материалов толковых словарей досоветского, советского и постсоветского периодов прослежено развитие лексической семантики признаков имен богатый, бедный в русском языке. С помощью метода компонентного анализа выделены семантические доли значений слов богатый / бедный; обозначены элементы пропозиции, свернутой в семантике данных слов: признак «богатый» / «бедный», субъект-носитель признака «богатый» / «бедный», объект обладания, степень проявления признака.

Ключевые слова: словарь, пропозициональная модель, богатый, бедный, советский.

Дихотомия *богатый – бедный* отражает ключевые идеи русской языковой картины мира. «Можно считать лексическую единицу некоторого языка “ключевой”, если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком» [1. С. 295].

Вневременная востребованность социокультурных смыслов «богатый» и «бедный» подтверждается их вмонтированностью в системный каркас языка: богатством словообразовательных гнезд, наличием развитой антонимии и синонимии [2. С. 40]. Словообразовательное гнездо с заглавным словом *богатый* включает 44 единицы, с заглавным словом *бедный* – 42 единицы [3. С. 88, 106]. Единицы словообразовательного гнезда слова *богатый* вступают в антонимические отношения с единицами словообразовательного гнезда слова *бедный*: *богатеть – беднеть, разбогатеть – обеднеть, богато – бедно, богатство – бедность, богач – бедняк* и др. Антонимия охватывает и члены синонимических рядов с доминантами *богатый* и *бедный*: *малоимущий, неимущий, необеспеченный, нищий, убогий, нуждающийся, обездоленный – зажиточный, состоятельный, обеспеченный, имущий*.

Ключевая функция слов *богатый/ бедный* поддерживается их происхождением – они имеют праславянские корни. В этимологическом словаре Н. М. Шанского отмечено, что слово *богатый* об-

разовано посредством суфф. -ат- от сущ. *богъ* – «достояние, счастье, доля, участь». «Первичное значение слова *бог* – «податель; достояние, счастье, доля, участь», религиозное значение является вторичным и развилось в славянских языках позднее» [4]. От этого же праславянского корня происходит слово *убогий*, которое первоначально имело значение «лишенный богатства, бедный» [4]. В современном русском языке слово *убогий* используется как синоним слова *бедный* по отношению к хозяйству, жизни, обстановке, употребляется в значении «крайне бедный, нищенский» [5]. В этимологическом словаре Н. М. Шанского зафиксировано, что слово *бедный* образовано с помощью суффикса -ьн- (совр. -н-) от существительного *беда* [4]. То есть на начальном этапе развития в значении исследуемых слов сохранялся семантический участок, связанный с «наличием / отсутствием счастья».

Задачи нашего исследования: проследить развитие лексической семантики признаков слов *богатый*, *бедный* в русском языке; с помощью метода компонентного анализа выделить семантические доли значений слов *богатый* / *бедный*; обозначить элементы пропозиции, свернутой в семантике слов *богатый*, *бедный* и структурировать соответствующий фрагмент русской языковой картины мира.

Для семантического анализа имен *богатый*/ *бедный* проведем анализ соответствующих словарных дефиниций, проследив их развитие в разные временные периоды: с основной проекцией на советское время и с учетом тех особенностей, которые зафиксированы в словарях досоветского периода. Наиболее развернутое представление можно получить по словарям и справочникам советского времени. Совершая проекцию на досоветское время, мы берем свернутый материал, данный в известных нам словарях: «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Словаре русского языка XI–XVII вв.» и «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. «Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского «охватывает полный запас слов и речений языка Древней Руси, но вместе с тем совокупности всех слов языка церковнославянского, усвоенных и распространенных среди образованного класса древней Руси X–XV вв.», а также XVI–XVII вв. [6]. Словарь В. И. Даля охватывает лексику письменной и устной речи XIX века, а частично и словарный состав памятников древней письменности [7].

Будем опираться на методику компонентного анализа, разработанную Э. В. Кузнецовой [8. С. 35–40]. Выделенные семантические

участки значения слов *богатый/ бедный* позволят обозначить соответствующие узлы (типичные участки) пропозициональной модели ситуации, стоящей за словами *богатый/ бедный*. Мы исходим из того положения, что *богатый, бедный* – это слова со свернутой пропозициональной семантикой, «признаковые имена» [9. С. 32–47]; их семантическая структура задает пропозициональную модель ситуации, стоящей за данными именами. Анализ пропозиций в основном осуществляется в трудах по синтаксису при анализе предложений и высказываний. Мы же основываемся на том, что в словах с пропозициональной семантикой, признаковых словах, задана свернутая пропозиция. Речевая реализация этой пропозиции позволяет выявлять модели высказываний, функционирующих в речи. «Сигнификатом признаковых имен (будь то глагол или прилагательное) является обобщенное понятие отношения (как свойство к его носителю), расчленение и конкретизация содержания которого осуществляется исключительно через их отнесенность к конкретным категориям предметов, лиц, способных по логике вещей выступать в качестве субъекта действия и объекта, подверженного этому действию» [9. С. 37]. Так как предикатное (признаковое) имя обозначает признак «относительно двух основных предметных сфер – сферы субъекта и сферы объекта», оно выступает как «своеобразный макет будущего предложения» [9. С. 73].

Рассмотрим первичные и вторичные значения прилагательного *богатый* по «Словарю русского языка XI–XVII вв.»: «1. Обладающий большим имуществом, богатый, 2. Щедрый, обильный, 3. Роскошный, дорогой, 4. В знач. сущ. богач» [10]. Можно отметить значение «щедрый», которое подтверждается и устаревшими сегодня однокоренными словами: *богатный* – «щедрый, изобильный», *богатодавец* – «тот, кто щедро одаривает, наделяет чем-либо» [10]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *богатый* – «обильный, изобильный, избыточный, многий» – основное значение. Значение «обладающий большим имуществом, имением, богатством» дается как употребление [7].

В русском языке X–XVII вв. слово *бедный* многозначно. И. И. Срезневский дает четыре значения слова *бедный*: «1. В беде, в нужде находящийся, 2. Лютый, 3. Горестный, 4. Тягостный, трудный» [6]. Основное значение слова *бедный* содержит сему «беда»; внутренняя форма слова остается прозрачной. В основном значении выделяется семантический участок «недостаток необходимого». Во вторичных

значениях проявляются такие семы, как «горе/ печаль», «трудность». Слово закреплено за двумя сферами: эмоционально-психологической и материальной.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» в словарной статье слова *бедный* значения распределяются следующим образом: «1. Бедственный, чреватый бедой, 2. Несчастный, вызывающий жалость, сострадание, 3. Неимущий || Скучный» [10]. Во вторичном значении слово *бедный* используется как психологическая характеристика (значение «несчастный»). Значение «неимущий» (материальная сфера) в русском языке XI–XVII вв. выделилось в отдельное вторичное значение, а в современном русском языке стало основным. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *бедный* – «убогий, неимущий, скучный, недостаточный, нужный, то есть нуждающийся; о человеке, небогатый, у кого нет достатка, имущества, средств для жизни; о предмете, недостаточный <...>; несчастный, бедный счастьем, долей, достойный сожаления, вызывающий сострадание» [7]. Уже по результатам анализа данных словарных толкований можно выделить ряд позиций модели, задаваемых предикатными словами *богатый/ бедный* (в значении «обладающий/ не обладающий имуществом»): признак «обладание» («обладающий/ не обладающий»), субъект-носитель признака, объект владения («имущество, имение»).

На ранних этапах развития значений многозначных слов *богатый/ бедный* происходит распределение семантики по трем семантическим сферам: материальной, интеллектуальной и эмоционально-психологической. Чтобы подтвердить это, обратимся к сочетаемости, которую предлагают словари: *богатое воображение, бедное воображение* (интеллектуальная сфера); *будешь богат, будешь и скуп; богатый бедному не брат* (материальная сфера); *она, бедненькая, и не знает, что мать умерла* (эмоционально-психологическая сфера) [7]. Значение, связанное с материальным благополучием/ неблагополучием, не всегда являлось основным. В современном русском языке произошло постепенное перераспределение значений в семантической структуре исследуемых многозначных слов.

Обратимся к словарям современного русского языка. По определению С. П. Обнорского, создателем современного русского литературного языка явился А. С. Пушкин [11. С. 190]. В «Словаре языка Пушкина» находим следующие значения исследуемых нами слов.

«*Богатый* – 1. Обладающий большим имуществом, состоятельный || отличающийся обилием материальных ценностей. 2.

Обильный || содержащий в себе много нужного, ценного, разнообразного. 3. Ценный, дорогой || великолепный, роскошный, пышный» [12]. Контекстный смысл «содержащий в себе много нужного, ценного, разнообразного» со временем закрепился как отдельное словарное значение.

«Бедный¹ - 1. Небогатый, со скудным достатком || живущий в нужде, неимущий. В знач. сущ. || лишенный роскоши, скромный, простой. || Связанный с бедностью, материальными лишениями 2. Скудный, убогий, незначительный || недостаточный в каком-н. отношении, однообразный. Бедный² - 1. Несчастный, вызывающий сострадание || жалкий, невзрачный. 2. Полный лишений, бед, бедственный» [12]. Сохраняется первичное значение слова *бедный* «полный лишений, бед, бедственный» и закрепляются значения, характерные для современного русского языка. А. С. Пушкин акцентирует внимание на разных степенях бедности: «небогатый, обладающий скудным достатком» и «живущий в нужде, не обладающий ничем». Последнее позволяет выделить такой участок пропозициональной модели «бедный», как «степень проявления признака *бедный*». В языке А. С. Пушкина семантическая структура многозначных слов *богатый* и *бедный* существенно расширяется.

В словарях русского языка советского периода слова *богатый* и *бедный* подверглись семантическим изменениям. Идеологические представления о *богатых* и *бедных* были изменены, и это отразилось в словарных материалах (толкованиях и иллюстрациях). Отметим, что мы говорим о представлениях, отраженных в словарях и существовавших в рамках официальной точки зрения, а не в обыденном сознании. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее ТСУ) оппозиция *богатые* – *бедные* вписывается в базовую для языка советской эпохи идеологическую, «классовую по своей природе» оппозицию *социалистическое* (коммунистическое) – *капиталистическое* (буржуазное) [13. С. 12, 17]. Слова *богатый/ бедный* становятся идеологемами. В толкование основных значений этих слов включаются идеологизированные добавки: «в буржуазном обществе», «в эксплуататорском обществе», «в условиях социалистического общества», «эксплуатация», «капитал». Богатство трактуется как результат коллективного высокопроизводительного труда, а признак *богатый* приписывается трудовым коллективам. Идеологическими добавками становятся внедряемые в толкования и/ или иллюстративную часть значения

сигналы социалистического понимания основы богатства: «*коллективный труд*», «*завод*», «*колхоз*», «*страна*». Подобные идеологические добавки сопровождают толкования лексического значения и в других словарях советского времени. Например: *богатый* – 1. а) В условиях социалистического общества – личным или коллективным трудом достигший полной обеспеченности, зажиточности; зажиточный. *Богатый колхоз. Богатая артель*. б) В эксплуататорском обществе – обладающий большим, полученным путем эксплуатации или по наследству имуществом, главным образом, средствами производства и большим денежным капиталом (употр. часто в знач. сущ.) [14]. Как видим, формируются представления о способе достижения богатства, связанном с *коллективным трудом*, и представления о богатстве, добытом путем *эксплуатации*, а также доставшемся *по наследству*. Идеологическое приращение к признаку *богатый* «способ достижения богатства» варьируется в зависимости от общественной формации: представление о богатстве осмысливается в границах дихотомии *при социализме – при капитализме*.

Расширяется понимание субъекта-носителя признака «богатый». В иллюстрациях преобладают субъекты собирательные (*страна, край, колхоз, совхоз*). Так, прилагательное *богатый* в основном значении сочетается с собирательными субъектами – *Советская страна, Страна Советов* и др. Абсолютная истина: «наша страна – богатая страна». В «Толковом словаре языка Совдепии», который обобщает словоупотребления, характерные для речевой практики советского времени, однокоренное со словом *богатый* слово *богатство* определяется как «обилие материальных ценностей, природных ресурсов», которыми обладает страна, и приводится ряд устойчивых сочетаний и речений: *народное (национальное, общественное) богатство, всенародное богатство. Все более весомым становится вклад республики в национальное богатство страны* [15. С. 58].

Идея личного обогащения порицается, поэтому индивидуальные субъекты (носители признака *богатый*) встречаются реже. По отношению к частному лицу оппозиция *богатый – бедный* оказывается непримиримой и связывается с идеей классовой борьбы; по отношению к институциональным субъектам данная оппозиция осмысливается как динамическая и может быть нейтрализована. Например, бедный колхоз может стать богатым, об этом свидетельствуют и новые номинации: *Колхоз-миллионер* – «колхоз, получающий миллионные

прибыли». В 1945 году в округе был один колхоз-миллионер, сейчас их четыре [15. С. 255].

Язык советского периода прикрепляет признак *богатый* в значении «обладающий большим имуществом, полученным по наследству или путем эксплуатации» к субъекту-лицу – представителю капиталистического общества. Вводятся пространственно-временные ограничения личного богатства: «обладание средствами производства и денежным капиталом» соотнесено с дореволюционным временем и/ или пространством за пределами СССР («западные» страны, «капиталистические» страны). Синонимическое сближение слова *богатый* в значении существительного со словами *буржуй* (разг. ирон.), *капиталист* (устар. разг.) [16. С. 46] подтверждает отнесенность личного богатства к реалиям буржуазного, капиталистического общества и/ или дореволюционного времени (см. помету *устар.*). В «Толковом словаре языка Совдепии» даны следующие толкования этих слов. *Буржуй* – разг. презр. «представитель класса буржуазии». *Буржуазия* – «господствующий класс капиталистического общества». *Оголтелая буржуазия* (разг. неодобр.). *Капиталист* – презр. «представитель господствующего класса буржуазного общества» [15. С. 70–71, 240]. Как пишет Н. А. Купина, в ТСУ *буржуазии* «приписываются предикаты *эксплуатирующая, агрессивная, разжиревшая, зажравшаяся, подлая, трусливая, коварная* и др.», «капиталисты, помещики и буржуазия в целом – субъекты действий, совершаемых во вред трудящимся» [13. С. 68]. Буржуазия мыслится как «классовый враг». *Главным классовым врагом трудящихся, как подчеркивал Ленин, являлась буржуазия* (ИКПСС) [15. С. 96]. В стереотипных представлениях о *богатых* (людях) закрепляется отрицательная этическая и утилитарная оценка [17. С. 64–71].

В связи с этим необходимо назвать номинации «субъектов, обладающих [личным] богатством» и поэтому подлежащих чистке в социалистическом обществе: *кулак, середняк, мироед* и др. В словарях отмечаются номинации с отрицательной оценкой, идеологическая востребованность которых, в частности, отражается в развитии словообразовательных гнезд. Например: *кулак, кулацкий, кулачество, кулачье, подкулачник. Кулак* – «богатый крестьянин-собственник, *эксплуатирующий* батраков, бедняков». *Не только контрреволюционная свора внутри страны, но и сам римский папа поднял глас в защиту ликвидируемого кулака* (Жиров) [15. С. 296, 675]. *Уничтожить кулака как класс* [18]. В иллюстрациях отражены

соответствующие стереотипные презумпции: презумпция лишения имущества лиц, обладающих богатством, и презумпция уничтожения их. Эти же смыслы закрепляются в новых устойчивых сочетаниях: *экспроприация экспроприаторов, ликвидация кулачества как класса* [15. С. 297, 675].

В толкования слова *бедный* и его синонимов также включаются идеологические добавки. *Бедный* – «испытывающий нужду в средствах к существованию»; *нищий* – «совсем не имеющий средств к существованию»; *неимущий* – «крайне нуждающийся, не имеющий возможности обеспечить себе средства к существованию». «Все три слова характеризуют положение человека в буржуазном обществе» [19]. Отметим, что представленные три синонима отражают разные степени состояния бедности.

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [3] зафиксированы однокоренные со словом *бедный* номинации *беднота, комбед, бедняк, беднячество, бедняцкий, бедняцко-средняцкий. Беднота* - 3. Социальная группа маломощных хозяев-крестьян (нов. социол.). *Городской пролетариат, деревенская беднота и батрачество связаны общими интересами. Комитет деревенской бедноты* (нов. истор.). *Бедняк* – 2. Человек, входящий в состав деревенской бедноты как социальной группы, в отличие от кулака и середняка (нов. социол.). *Бедняцкий* – (нов. социол.) прил., по знач. связанное с деревенской беднотой; противоп. кулацкий и средняцкий. *Бедняцкие массы. Бедняцкие хозяйства. Объединение бедняцко-средняцких масс против кулачества* [18]. Номинации поддерживают идею классовости. *Беднота* рассматривается как новая социальная группа, выделяемая на идеологическом основании. Активные процессы словообразовательной и семантической деривации говорят об актуальности слова *бедный* для советского времени. Соединяются пометы *нов.* и *социол.*, что отражает преобразование классовых отношений. Толкованиями и иллюстрациями задаются оппозиции *бедняк – кулак* и *бедняк – середняк*, которые основаны на идее столкновения классов эксплуатирующих и классов эксплуатируемых.

В словарях русского языка советского периода осуществляется распределение по шкале «свой – чужой» как внутри оппозиции *богатый – бедный*, так и внутри лексического значения слова-идеологемы *богатый*. Оппозиция *богатый – бедный* мыслится как разрешившаяся победой бедных над богатыми, классов эксплуатати-

руемых над классами эксплуатирующих. В семантической структуре слова *богатый* происходит распределение значений на идеологическом основании. В тоталитарном языке слово *богатый* приобретает идеологические приращения и отрицательную коннотацию.

В словарях русского языка конца XX – начала XXI века идеологические добавки в лексических значениях исследуемых слов снимаются, устраняются пространственно-временные ограничители. Соответствующие понятия трактуются как универсальные.

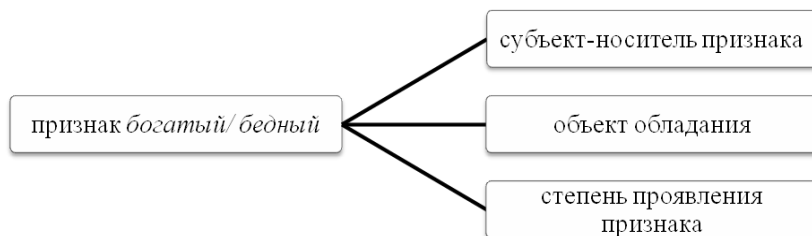
Словарные дефиниции опорных прилагательных *богатый/бедный* в современном «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой фиксируют основные, необходимые и достаточные для понимания семантические компоненты значения. *Богатый* – «обладающий большим имуществом, в том числе денежным, очень зажиточный». *Богатый фермер* [5]. *Бедный* – «то же, что неимущий». Словарь дает синонимическое (отсылочное) толкование. Неимущий – «не имеющий средств к существованию, нуждающийся» [5].

Типовые семантические доли основных значений слов *богатый/бедный* выявляются и при анализе других современных толковых словарей. Например: *Богатый* – «обладающий значительным капиталом, большими материальными ценностями» (*Богатый клиент. Богатая фирма*) [20]. *Капитал* – «стоимость, которая в результате использования наемной рабочей силы приносит прибавочную стоимость» [20]. В значении слова *богатый* в конце XX в. – начале XXI в. появляется семантический участок «получающий прибыль с помощью использования наемной рабочей силы». Типовая сочетаемость слов *богатый* и *бедный* показывает, что в русском языке новейшего периода снова возрождается отнесенность обозначаемых ими признаков к субъекту-лицу.

В словарной статье на слово *бедность* представлены актуальные сегодня устойчивые сочетания *порог бедности* в значении «признаваемый государством предельный уровень материальной обеспеченности человека, ниже которого невозможно поддерживать нормальное физическое состояние» и *черта бедности* в значении «уровень благосостояния граждан, обеспечивающий потребление материальных благ, товаров, услуг в минимальном объеме» [20]. В данных сочетаниях типовой участок пропозициональной модели «признак “обладающий”» конкретизируется с помощью смысла «потребление» («обладающий/ «потребляющий»). *Потребление* в русском языке

конца XX в. – начала XXI в. связано с преобладанием материальных ценностей над духовными (см. *потребление, общество потребления, потребитель, потребительский* [20]). Направления конкретизации типовых участков пропозициональной модели демонстрируют динамику стереотипных представлений о *богатых/ бедных*.

Итак, анализ семного состава лексических значений слов *богатый* и *бедный* позволяет выделить следующие типовые участки пропозициональной модели, свернутой в семантике слов *богатый* и *бедный*.

Проанализируем семантическую структуру многозначных слов *бедный* и *богатый*, представленных в современных толковых словарях. Перечислим вторичные значения слова *богатый*: 2. «Дорого стоящий, роскошный», 3. «То же, что обильный», 4. «*Перен.* содержащий много ценных качеств» [5]. Развитие значения «дорого стоящий, роскошный» происходит на основании метонимического переноса: *богатый* – *предназначенный для богатого*. При этом выделяется потенциальная сема, не представленная в основной дефиниции – «роскошь (излишество, великолепие)». Вторичные значения слова *бедный* выглядят следующим образом: 2. «*Перен.* имеющий недостаток в чем-нибудь, скудный», 3. «Несчастный, жалкий» [5]. Значение «несчастный, жалкий» сохраняет связь с основным значением. В словарях представлены такие ответвления семантики, которые показывают наличие эмоционально-оценочного отношения к бедным: *жалости, сострадания*.

Во все рассмотренные периоды развития языка единицами *богатый, бедный* охвачены три семантические сферы: материальная, интеллектуальная, индивидуально-психологическая. Обратимся к сочетаемости, которую фиксируют словари. ***Богатый спонсор. Богатая фирма*** (материальная сфера) [20]. ***Бедная фантазия*** (интеллектуальная сфера). ***Богатая натура*** (индивидуально-психологическая сфера) [21]. Отметим появление во вторичных значениях слов *богатый/*

бедный «духовного объекта обладания» (фантазия, мысли, качества души и др.).

Согласно «Толковому словарю русского языка начала XXI века» Г. Н. Складневской лексемы *богатый*, *богатство*, *богач*, *богачка*/*бедный*, *бедность*, *бедняк*, *бедствовать* переживают в наши дни семантическую перестройку [20]. Слово *бедный*¹ в значении «представитель социального слоя общества, состоящего из неимущих или малоимущих людей» и слово *бедный*² в значении «не имеющий достаточных средств к существованию» рассматриваются как омонимы. Также слово *богатый*¹ в значении «представитель социального слоя общества, состоящего из людей, имеющих значительный капитал, высокий уровень доходов» и слово *богатый*² в значении «обладающий значительным капиталом, большими материальными ценностями» представлены как омонимы [20. С. 112, 145–146]. Словарь демонстрирует разрыв семантических связей. Для нас важно то, что сильная дифференциация населения по уровню доходов в начале XXI века актуализировала семантический участок значения слов *богатый*/*бедный* «представитель социального слоя, противопоставленного другому социальному слою».

Итак, изменения социальных отношений приводят к варьированию типовых участков пропозициональной модели, стоящей за семантикой признаков имен *богатый*/*бедный*, и появлению смысловых приращений, обусловленных социокультурным контекстом. Как показывает анализ словарей, в советский период содержание, имеющее глубокие ментальные корни, политизировалось и получило идеологические добавки, которые прослеживаются на типовых участках модели. Если в дореволюционный период оппозиция *богатые* – *бедные* была универсальной, то в советский период она переместилась в другое пространство, приобрела другие «локусы». Локусная привязка оказалась вне границ *своего* пространства. Признак «богатый» толкуется как присущий субъекту-лицу – привилегированному представителю капиталистического общества. «Локусы»: в СССР нет *богатых*; на Западе/ в буржуазных странах есть *богатые* и *сверхбогатые*. Изменилась субъектная прикрепленность признаков слов *богатый* / *бедный*. В привязке к «своему» пространству предикцировались как *богатые* либо коллективно-собираательные субъекты, либо субъекты, которые подлежали уничтожению.

В постперестроечный период признаки *богатый*/*бедный* с точки зрения пристрастно-временной прикрепленности трактуются как

универсальные. Согласно словарным данным, в современном русском языке субъектом обладания имуществом/ деньгами выступает лицо либо коллективно-собирательный субъект. Объекты обладания (имущество/ деньги) конкретизируются видовыми номинациями и словами, обозначающими градуальность, разную количественную степень обладания.

Материалы толковых словарей, отражающие многозначность слов *богатый*, *бедный*, позволяют также сделать вывод о типовом разграничении материального и духовного богатства. Переключение данных понятий из материальной сферы в сферу духовную является типичным для русского языкового сознания.

Список литературы

1. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
2. Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента [Текст] / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1993. – № 1. – С. 33–41.
3. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка [Текст] / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1. – 854 с.
4. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2003. – 944 с.
6. Срезневский, И. И. Словарь ревнерусского языка: в 3-х т. [Текст] / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – Т. 1. ч. 1. А–Д. – 806 с.

List of literature

1. Shmelev, A. D. Russkij jazyk i vnejazikovaja dejstvitel'nost' [Tekst] / A. D. Shmelev. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – 496 s.
2. Shmeleva, T. V. Ključevye slova tekuwego momenta [Tekst] / T. V. Shmeleva // Collegium. – 1993. – № 1. – S. 33–41.
3. Tihonov, A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / A. N. Tihonov. – M. : Russkij jazyk, 1985. – T. 1. – 854 s.
4. Shanskij, N. M. Kratkij jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka [Tekst] / N. M. Shanskij. – M. : Prosvewenie, 1971. – 542 s.
5. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M. : Azbukovnik, 2003. – 944 s.
6. Sreznevskij, I. I. Slovar' revnerusskogo jazyka: v 3-h t. [Tekst] / I. I. Sreznevskij. – M. : Kniga, 1989. – T. 1. ch. 1. A–D. – 806 s.

7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : ГИС, 1955. – Т. 1. – 669 с.
8. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка [Текст] / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1982. – 152 с.
9. Уфимцева, А. А. Семантика слова [Текст] / А. А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова и А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1980. – С. 5–81.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1 : А–Б. – 372 с.
11. Обнорский, С. П. Избранные работы по русскому языку [Текст] / С. П. Обнорский. – М. : Учпедгиз, 1960. – 354 с.
12. Словарь языка Пушкина [Текст] // Отв. ред. академ. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. : в 4 т. – М. : Азбуковник, 2000. – 416 с.
13. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции [Текст] / Н. А. Купина. – Екатеринбург-Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. [Текст]. – М. ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1950–1965. – Т. 1, 9.
15. Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
7. Dal', V. I. Tolkovjy slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka: v 4 t. [Tekst] / V. I. Dal'. – M. : GIS, 1955. – T. 1. – 669 s.
8. Kuznecova, Je. V. Leksikologija russkogo jazyka [Tekst] / Je. V. Kuznecova. – M. : Vyssh. shk., 1982. – 152 s.
9. Ufimceva, A. A. Semantika slova [Tekst] / A. A. Ufimceva // Aspekty semanticheskikh issledovanij / Otv. red. N.D. Arutjunova i A.A. Ufimceva. – M. : Nauka, 1980. – S. 5–81.
10. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [Tekst]. – M. : Nauka, 1975. – Vyp. 1 : A–B. – 372 s.
11. Obnorskij, S. P. Izbrannye raboty po russkomu jazyku [Tekst] / S. P. Obnorskij. – M. : Uchpedgiz, 1960. – 354 s.
12. Slovar' jazyka Pushkina [Tekst] // Otv. red. akad. AN SSSR V.V. Vinogradov. 2-e izd., dop. : v 4 t. – M. : Azbukovnik, 2000. – 416 s.
13. Kupina, N. A. Totalitarnyj jazyk: slovar' i rechevye reakcii [Tekst] / N. A. Kupina. – Ekaterinburg-Perm' : Izd-vo Ural. un-ta, 1995. – 144 s.
14. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. [Tekst]. – M. ; Leningrad : Izd. AN SSSR, 1950–1965. – T. 1, 9.
15. Mokienko, V. M. Tolkovjy slovar' jazyka Sovdep'ii [Tekst] / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. – SPb : Folio-Press, 1998. – 704 s.

16. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка [Текст] / З. Е. Александрова. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 600 с.
17. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 339 с.
18. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М. : Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 1. – 1562 с.
19. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. [Текст] // Под ред. А. П. Евгеньевой. – Ленинград : Наука, 1970. – Т. 1. – 680 с.
20. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [Текст] / Под ред. Г.Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2006. – 1134 с.
21. Большой толковый словарь русского языка [Текст] // Гл. ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2001. – 1536 с.
16. Aleksandrova, Z. E. Slovar' sinonimov russkogo jazyka [Tekst] / Z. E. Aleksandrova. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1968. – 600 s.
17. Arutjunova, N. D. Tipy jazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M. : Nauka, 1988. – 339 s.
18. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Tekst] / Pod red. prof. D. N. Ushakova. – M. : Sovetskaja jenciklopedija: OGIZ, 1935–1940. – T. 1. – 1562 s.
19. Slovar' sinonimov russkogo jazyka: v 2 t. [Tekst] // Pod red. A. P. Evgen'evoj. – Leningrad : Nauka, 1970. – T. 1. – 680 s.
20. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka nachala XXI veka. Aktual'naja leksika [Tekst] / Pod red. G.N. Skljarevskoj. – M. : Jeksmo, 2006. – 1134 s.
21. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] // Gl. red. S. A. Kuznecova. – SPb. : Norint, 2001. – 1536 s.

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРВЕРСИИ В РАМКАХ ТЕОРИИ
СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Г. В. Кусов

В статье дан анализ лингвистических проблем, возникающих при проведении судебной лингвистической экспертизы, а также предложены лингвопрагматические модели, определяющие степень «оскорбительности» лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс.

Ключевые слова: оскорбление, иллокутивный речевой акт, диагностика оскорбления, теория судебной лингвистической экспертизы.

В последнее время исследование продуктов речевой деятельности стало актуальным и востребованным явлением в юридической практике в связи с серьезными изменениями по демократизации общественной и частной жизни. Обращение к судебной лингвистической экспертизе имеет нормативно-правовую основу, утвержденную приказом Минюста России № 36 от 09.03.06, узаконившим виды экспертиз, в том числе и проведение лингвистической экспертизы. Неудивительно, что насколько широк и многообразен может быть круг правовых обстоятельств, требующих для своего решения проведения лингвистических экспертиз, настолько сложен и противоречив предмет лингвистического исследования. В конечном итоге результаты лингвистической экспертизы представляют собой доказательственную базу, т. е. факты, имеющие юридическое значение по уголовным, гражданским или арбитражным делам.

К сожалению, на сегодняшний день не выработано единых критериев проведения лингвистических экспертиз, т. е. при достаточно высоком уровне понимании всей значимости решаемых лингвистами-экспертами задач, не разработана универсальная Техника проведения лингвистических экспертиз.

Технико-процедурное обоснование лингвистической экспертизы должно быть закреплено на законодательном или корпоративном уровне, чтобы избежать казуальности выбора метода ее проведения и избежать мнения о невозможности создания единых критериев

лингвистической экспертизы ввиду многозначности семантических единиц, т. е. полисемии языка.

Решение проблем техники проведения лингвистической экспертизы зависит, прежде всего, от однообразного понимания лингвистической и юридической терминологии, установления универсальных правил и требований в данной области экспертологии.

Социальные феномены представляют собой определенным образом выстроенные языковым сознанием «понятийные системы, формирование и дальнейшая эволюция которых подчинены законам общественного развития» [8. С. 23]. Право, несомненно, является феноменом любой культуры, поэтому нельзя не учитывать роль права в развитии лингвокультуры этноса, состоящей из стереотипных образований или компонентов ценностного содержания культурной системы общества (наряду с моральными, эстетическими, религиозными ценностями). Право и возникает в культуре как ценностный механизм социального обеспечения согласованности действий в обществе, призванный поддержать генетическую установку на выживаемость человека как биологического вида.

Правовая норма, как вид социальной нормы, является регулятором массового поведения, она опирается на единые и общие критерии, определяет меру дозволенного, должного и запрещенного, границы допустимого и обязательного вариантов поведения. Норма права – такой образец, который принимает форму безличного, всеобщего и общеобязательного требования, это всеобщий принцип поведения, результат обобщения массовой социальной практики – однотипных действий и поступков большого числа индивидов при множестве характерных ситуаций [2. С. 17].

Древнее человеческое сознание изначально при освоении действительности и формировании языка, как всеобщего кода познания путем отражения, разделило мир на полезные и бесполезные, хорошие и плохие, красивые и безобразные части. И. Кант заложил основу классификации понятий моральной антропологии, первоначальных задатков, лежащих в основании системы нравственных ценностей человека: а) задатки природные, животные (в форме стремления к самосохранению, продолжения своего рода и влечения к общительности); б) задатки человечности как существа разумного, которое судит о себе, сравниваясь с другими, добивается признания своей ценности во мнении других, но при этом хочет добиться превосходства над другими; в) задатки личности, выра-

женные в способности воспринимать уважение к моральному закону [5. С. 119].

Речь также является продуктом социальной жизни человека и, как социальное явление, детерминирована социальными правилами, следование которым приводит к достижению того результата, к которому стремится адресант при выборе речевых ходов, ведущих к успешной реализации невербальных целей. Кроме того, любой индивид, вступающий в коммуникативный акт, ожидает от собеседника адекватного к себе коммуникативного поведения, которое является частью единой «социальной системы, включающей права и обязанности» ее членов [6. С. 5].

Язык является источником социальной самоидентификации и референтной диверсификации. При формировании своих установок и убеждений или при осуществлении своих действий индивид сравнивает себя с сообществами себе подобных, чьи установки, убеждения и действия воспринимаются им как достойные подражания, или противопоставляет себя воображаемой референтной группе, которая воплощает в себе социальный «антиобразец», подчеркивая различие между собой и другим индивидом.

Адресат может и не принадлежать на самом деле к указанной в речи референтной группе. Но из-за того, что адресат не может быстро доказать при помощи средств логического отрицания принадлежность к социально непривлекательной группе (ксенолекту), у пассивных реципиентов создается негативное мнение об индивиде, который стал объектом вербальной агрессии. Осознание этого факта или его предположение вызывает у адресата чувство утратившего свою социальную значимость в глазах окружающих. Предоставление негативной информации об адресате, не соответствующей действительности приводит к искажению социального образа личности среди остальных членов общества, т. е. уменьшает ее социальную привлекательность.

Речевая единица, которая в своем прагматическом выражении опирается на систему социальных стереотипов осуждаемого поведения, автоматически включается во взаимодействие социальных субъективных оценок и изменяет сложившийся социальный портрет как адресанта, так и адресата. Адресная негативная информация о лице создает предпосылки образования в сознании окружающих его людей новый образ, который будет отличаться от первоначального своим искаженным или «извращенным» видом (ср., лат. *per-*

verto – губить, портить, извращать). Таким образом, при адресной направленности вербальной агрессии и ее способности понизить социальную привлекательность личности, можно говорить о том, что лицо подверглось насилию в виде коммуникативной перверсии [9. С. 45].

Искажение социального образа личности способно причинить моральный вред чувствам, т. к. наносит урон имиджу, портит социальный портрет и ведет к утрате предыдущей социальной значимости в глазах коллектива, от которого личность ждет социального признания. Не зря в древних обществах самым суровым наказанием признавалась социальная смерть в виде изгнания провинившегося из общины, что приводило к физической смерти или попаданию в зависимость [4. С. 14].

Коммуникативная перверсия инициирует протест против навязываемой в речи социальной идентификации с социально непривлекательной группой и порождает убежденность в необходимости восстановить в первоначальном объеме заниженный социальный статус при помощи норм социального контроля.

Коммуникативная перверсия имеет два плана определения: 1) искажение персональной информации о лице – социометрический критерий оценки, т. е. прямая негативная оценка качеств человека; 2) пренебрежение коммуникативной нормой – социально-стилистический критерий оценки, т. е. создание условий умаления качеств социальной репрезентативности языковой личности.

Явление коммуникативной перверсии заключается в преднамеренном или неумышленном речевом искажении социального статуса оппонента в негативную сторону с точки зрения норм морали. Эффект коммуникативной перверсии реализуется через индексы социальных отношений и приводит к коммуникативному конфликту.

Оскорбление – иллокутивный речевой акт, принимающий вид речевого поведения, результатом которого является вынесение оценки о моральном поведении или даже проступке адресата. Такое коммуникативное поведение предполагает наличие «условия единства собеседников в оценке друг друга в качестве лиц, полномочных осуществить данную конвенцию» [7. С. 289], т. е. конвенцию на вынесение и принятие оценки. В случае с оскорблением для адресата отсутствие такой конвенции и порождает чувство «незаслуженной обиды», которое он трактует как оскорбление. При реакции адресата на ругательство, брань или богохульство, которые могут и не содер-

жать негативной оценки адресата, также принимается во внимание отсутствие согласия или конвенции на стилистическую уместность словоупотребления, что воспринимается как *оскорбление* из-за того, что взламывается интимное пространство, ввиду отсутствия полномочий на проникновение в сферу приватного социальной личности (например, придание индивидуального колорита речи, выражение эмоционального состояния говорящего, для связи слов в предложении – «паразитарная» функция обценной лексики, номинация объекта действительности, выставление сакральных аксиом в неприглядном свете).

Оскорбление является иллюкутивным концептом, представляющим собой вербально-ментальную единицу, универсальные признаки которой проявляются при реализации в общении, раскрывающем этнокультурные, социальные и прагматические аспекты иллюкутивного речевого акта. Содержание концепта «оскорбление» в лингвокультуре сводится к следующим признакам: 1) предметно-образная сторона концепта отражает общественные отношения, возникающие по поводу социального статуса личности; 2) понятийная сторона передает этнокультурные представления о коммуникативном поведении, реализующим стратегии речевой агрессии, нарушающие нормы коммуникативного кодекса; 3) ценностная сторона отображает нормы аксиологического кодекса языка, санкционирующие ответственность за причинение вреда социальной привлекательности личности (за коммуникативную перверсию).

Разрешение правового спора по делам об «оскорблении», «клевете» или «защите чести, достоинства и деловой репутации» зависит от лингвистической экспертизы – особого вида исследования речевых объектов, устанавливающих поставленную под сомнение истинность или модальность описательных высказываний об объекте правой защиты. Поэтому, качество судебной лингвистической экспертизы опирается, в первую очередь, на существующих к данному моменту теориях языка и разработанных в лингвистике методиках исследования лингвистических объектов [3. С. 34].

Язык описания экспертизы также ставит ряд нерешенных вопросов: 1) эксперт-лингвист не может ссылаться на юридическую терминологию, он имеет особый статус участника процесса; 2) эксперт-лингвист не может использовать лингвистическую терминологию – текст экспертизы будет не понятен остальным участникам процесса ввиду отсутствия у них специальных познаний; 3) эксперт-лингвист,

в силу отсутствия специальных юридических познаний, не до конца понимает значение судебной лингвистической экспертизы, целью которой в конечном итоге является установление причинно-следственных связей, устанавливающих наличие\отсутствие юридических фактов.

Следовательно, при существовании разных уровней дискурсной реализации «оскорбления» перед исследователем возникает задача выработки критериев оценки оскорбления и оскорбительности, т. е. критериев детекции оскорбления в обыденном сознании и критериев его диагностики в праве. Проблема верификации валидности «оскорбления» в более широком смысле порождает требование выработки терминологического аппарата, описывающего некоторую «эталонность» методов исследования

В данной работе предлагается разделять лингвопрагматические модели коммуникативной перверсии на следующие виды:

I. Модель-символ (оскорбление проявляется как явный факт неуважения чести и достоинства другого лица).

Примеры:

1. Фаллическая символика (пошел на х...й, мудило).
2. Одиозная символика (Иуда, Гитлер, Геббельс).
3. Мат, обсценная лексика (запрет на использование ввиду высшей степени грубости: штопаный го...дон, долбо...еб).

II. Модель-свойство - оскорбление свойством слова нести отрицательную «энергетику» (вред чести и достоинству личности наносится эмоционально-экспрессивными свойствами слова).

Примеры:

1. Использование зоосемантических метафор (свинья, обезьяна, мокрая курица).
2. Использование слов и выражений, обозначающих преступную, антиобщественную, социально вредную деятельность (вор, мошенник, проститутка, алиментщик).
3. Использование медицинской терминологии (дебил, олигофрен, даун).
4. Использование пренебрежительной лексики идентификации лица по национальному или расовому признаку (чурка, гондураец).

III. Модель-демонизация (причинение вреда социальной значимости лица происходит за счет контекста или коннотативных значений слова).

Примеры:

1. Идентификация лица по профессиональному признаку (палач, клоун, холуй, сапожник, мент, горилла).
2. Идентификация лица по половому признаку (гей, голубой).
3. Сравнение с мифологическим или литературным персонажем, сравнение с типажом художественного произведения (Циклоп, Цербер, Чичиков).
4. Аморальное поведение, грехопадение (сатана, ренегат).
5. Использование лексики политического противостояния (спекулянт, валютчик, левый рейс).
6. Использование для характеристики лица лексики, определяющей личные деловые качества человека, его умственные способности, недостатки строения тела (делец, воротила, балда, карлик, дурак).
7. Использование негативно-оценочных прилагательных, адресованных конкретной личности (чокнутый, отмороженный).
8. Использование суффиксов субъективной оценки (работничек).
9. Отождествление лица с отходами жизнедеятельности (говно, падаль).

IV. Модель-фон (причинение вреда социальной значимости лица через эффект контекста).

Примеры:

1. Использование эвфемизмов, обозначающих антиобщественную деятельность (женщина легкого поведения)
2. Использование идиоматических и устойчивых выражений с негативной оценкой (черного кобеля не отмоешь добела, конь с яйцами, в гробу я тебя видел, в белых тапочках)
3. Использование «приращенного смысла» к нейтральной лексике («узколобый ковбой со своим послушным островным пуделем» - руководители США и Великобритании; «Правда», 25.03.03)

Список литературы

1. «О внесении изменений в Приказ Минюста РФ от 14.05.03 № 114 «Об утверждении перечня родов (видов) экспертиз», Приказ Минюста РФ от 09.03.06 № 36 // Новости Консультант Плюс [Электронный ресурс] – <http://content.mail.ru/arch/10330/1048039.html>

List of literature

1. «O vnesenii izmenenij v Prikaz Minjusta RF ot 14.05.03 № 114 «Ob utverzhdenii perechnja rodov (vidov) jekspertiz», Prikaz Minjusta RF ot 09.03.06 № 36 // Novosti Konsult'ant Pljus [Elektronnyj resurs] – <http://content.mail.ru/arch/10330/1048039.html>

2. Галяшина, Е. И. Теория и практика судебной экспертизы [Текст] / Е. И. Галяшина. – СПб : Питер, 2003. – 704 с.
3. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении [Текст] / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Барнаул : изд-во Алт. Ун-та, 1999. – С. 11–57.
4. Исаев, И. А. История государства и права России [Текст] / И. А. Исаев. – М. : Юрист, 1994. – 448 с.
5. Кант, И. Сочинения [Текст] / И. Кант. – Т. 2. – М. : Мысль, 1964. – 748 с.
6. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
7. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и вузов [Текст] / Е. В. Ключев. – М. : ПРИОР, 1998. – 320 с.
8. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография [Текст] / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
9. Кусов, Г. В. Коммуникативная перверсия как способ диагностики искажений при оскорблении [Текст] / Г. В. Кусов // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул : изд-во Алт. Ун-та, 2005. – С. 44–56.
2. Galjashina, E. I. Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy [Tekst] / E. I. Galjashina. – SPb : Piter, 2003. – 704 s.
3. Golev, N. D. Juridicheskij aspekt jazyka v lingvisticheskom osvewenii [Tekst] / N. D. Golev // Jurislingvistika-1: Problemy i perspektivy. – Barnaul : izd-vo Alt. Unta, 1999. – S. 11–57.
4. Isaev, I. A. Istorija gosudarstva i prava Rossii [Tekst] / I. A. Isaev. – M. : Jurist, 1994. – 448 s.
5. Kant, I. Sochinenija [Tekst] / I. Kant. – T. 2. – M. : Mysl', 1964. – 748 s.
6. Karasik, V. I. Jazyk social'nogo statusa [Tekst] / V. I. Karasik. – M. : Gnozis, 2002. – 333 s.
7. Kljuev, E. V. Rechevaja kommunikacija: ucheb. posobie dlja universitetov i vuzov [Tekst] / E. V. Kljuev. – M. : PRIOR, 1998. – 320 s.
8. Krasavskij, N. A. Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah : monografija [Tekst] / N. A. Krasavskij. – Volgograd : Peremena, 2001. – 495 s.
9. Kusov, G. V. Kommunikativnaja perversija kak sposob diagnostiki iskazhenij pri oskorblenii [Tekst] / G. V. Kusov // Jurislingvistika-6: Invektivnoe i manipuljativnoe funkcionirovanie jazyka. – Barnaul : izd-vo Alt. Un-ta, 2005. – S. 44–56.

**ДРЕВНИЙ ТЕКСТ
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

С. Е. Мишаткина

Настоящая статья посвящена актуальным проблемам теории текста, таким как определение понятия «текст», выделение основополагающих категорий и признаков текста в рамках различных лингвистических подходов. Так как в качестве объекта исследования автор рассматривает древние тексты, в статье предпринимается попытка формулировки определения понятия «древний текст», а также составления классификации наиболее релевантных для исследований по аналогичной тематике текстовых категорий.

Ключевые слова: теория текста, древний текст, коммуникативная единица, прагматическая направленность, автономный, кодифицированный, когерентность, дискретность, структурированность, модальность, коммуникативность.

В настоящее время возрождается интерес к изучению древних текстов в рамках различных направлений лингвистики. Однако, рассматривая древний текст в качестве объекта исследования, в первую очередь, необходимо ответить на вопрос, что собой представляет древний текст?

Признание текста коммуникативной единицей высшего порядка, венчающей иерархию уровней языка, стало провиденциальным следствием разработки функционального аспекта лингвистического исследования. Понимание текста как явления реальной коммуникации привело к переосмыслению его сущности, а именно: к рассмотрению его в качестве единицы коммуникативной системы. Рассматриваемый с позиции коммуникативно-прагматического подхода, фиксированный текст служит каналом передачи информации между адресантом-создателем текста и его адресатом в рамках опосредованной коммуникации.

Проблема формулировки исчерпывающего определения текста, а также разграничения языка и речи, рассматривается в работах таких исследователей, как И. Р. Гальперин [1981], А. И. Новиков [1983], Е. С. Кубрякова [2001], Л. Г. Бабенко [2006], и др. Тем не менее, од-

нозначный ответ на вопрос, является ли текст языковой единицей, и каково его место в системе языковых уровней до сего времени не найден.

Гетерогенность подходов к определению текста обусловлена активными различиями дисциплин, в рамках которых предпринимаются попытки формулировки дефиниции. Многоаспектность текста как лингвистического феномена делает возможным применение различных подходов к его изучению и объясняет множественность существующих на данный момент определений понятия текста, ни одно из которых не может претендовать на универсальность. К примеру, с позиций грамматики текст – это продукт речетворческого процесса, характеризуемый определенной степенью завершенности и представляющий собой систему суперсинтаксических единиц [19; 5; 10; 18]. В призмe психолингвистики текст высказывания рассматривается как коммуникативная единица, являющаяся результатом реализации речемыслительных операций и неотъемлемым элементом процесса порождения и восприятия сообщения [11; 16; 17; 6; 9]. Функциональная стилистика выводит текст за рамки собственно языковых явлений, рассматривая его как экстралингвистический феномен, функционирующий вне языковой системы в области широкой социокультурной коммуникации [12]. В контексте лингвосоциопсихологии текст представляет собой единицу общения, обладающую смысловой завершенностью, функция которой заключается в передаче интенций (замысла) коммуникантов [8; 14]. В прагмалингвистике текст рассматривается как инструмент воздействия говорящего на слушающего [4; 2; 21; 7].

Определение понятия «текст» имеет выраженную прагматическую направленность и отражает наиболее актуальные и значимые для конкретной отрасли лингвистики характеристики и признаки. Формулировка адекватного универсального определения понятия текста возможна лишь на основе интеграции различных подходов, вопрос о целесообразности разработки единой универсальной дефиниции данного понятия остается дискуссионным.

Мы не можем не обратиться к дефиниции, предложенной в 1981 г. крупнейшим исследователем в области теории текста И. Г. Гальпериным. Данное определение является одним из наиболее цитируемых в литературе по данной проблематике, очевидно, в связи с полнотой и логичностью описания сущности текста как объекта лингвистического исследования: «Текст – это произведение речетворческого

процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [5. С. 18].

Рассматривая в качестве объекта исследования древние тексты, мы не можем не предпринять попытку создания определения понятия «древнего текста», имеющего сугубо прагматический характер и применимого лингвистическим изысканиям, аналогичным нашему.

Таким образом, под «древним текстом» мы понимаем автономное, кодифицированное, структурированное, конвенционально оформленное, дискретное речемыслительное произведение, характеризующееся прагматической направленностью, лексической, грамматической, стилистической и логической связностью, являющееся вербализованным отражением конкретной исторической парадигмы. Древний текст представляет собой стабильный носитель информации, предполагающий возможность декодирования и интерпретации, основная функция которого заключена в сохранении и передаче зафиксированной в письменной форме информации о накопленном в определенном историческом периоде опыте той или иной общности людей.

Одной из наиболее актуальных проблем теории текста является вычленение и описание текстовых категорий. В настоящее время, общепринятое терминологическое определение понятия «категория текста» не сформулировано, что является одним из актуальных направлений в современном языкознании. Классификации текстовых категорий, разрабатываемые лингвистами в рамках различных подходов к изучению текста, варьируются и часто обусловлены утилитарной направленностью, а также объектом исследования.

Текстовые категории служат для описания единиц структурно более крупных, чем предложение. В настоящее время общепринятое терминологическое определение понятия «категория текста» не сформулировано, что является одним из актуальных направлений в современном языкознании. Наиболее изученными в теории текста являются глобальные категории целостности (когерентности), связности (когезии), завершенности, отдельности, в совокупности представляющие собой основу грамматики текста [1; 5; 18; 3].

И. Р. Гальперин в монографии «Текст как объект лингвистического исследования» основывается на философском и лингвограмматическом толковании категорий и формулирует следующие определение: «Грамматическая категория – обобщенный класс форм, выражающих определенное грамматическое понятие; грамматическое понятие – это логико-философская категория, преломленная в языковом сознании и определившая предмет грамматики» [5. С. 15].

И. Р. Гальперин выделял два класса взаимообусловленных, логически связанных текстообразующих категорий, а именно формально-структурные категории, имеющие содержательные характеристики, и содержательные категории, выраженные в структурных формах. [5. С. 5]. На основе данного разделения выделяются следующие категории текста: информативность, завершенность, интеграция, сцепление, ретроспекция, проспекция, партитурность, континуум, глубина (подтекст), пресуппозиция, и прагматика.

З. Я. Тураева справедливо настаивает на разделении категорий текста на две группы, первую из которых составляют категории, обусловленные структурными признаками текста, а вторую – отражающие признаки содержательного характера, обеспечивающие связь между текстом и объективной реальностью. Таким образом, к категориям первой группы относятся сцепление, интеграция, прогрессия / стагнация; в качестве категорий второй группы рассматриваются образ автора, художественное пространство и время, информативность, причинность, подтекст и некоторые другие [5. С. 18].

В. В. Красных рассматривает текст в качестве основной единицы дискурса, вследствие чего ее классификация текстообразующих категорий строится с позиций когнитивистики и психолингвистики. При этом в качестве дифференциальных признаков текста, отличающих его от «единиц иного рода» и вычлняющих из дискурса, рассматриваются тематическое, коммуникативное и структурное единство. Тематическое единство текста представлено тремя текстообразующими категориями: 1) концепт текста – максимально свернутая смысловая структура текста, воплощающая мотив и интенции автора; 2) смысловое (семантическое) строение текста – содержательная структура элементов смысла, формируемая количеством смысловых ядер, тем; 3) логическое строение текста – последовательность и структура представления смысловых элементов в процессе развертывания текста. Коммуникативная направленность определяет коммуникативное единство текста, представленное двумя текстообразу-

ющими категориями: 1) коммуникативное воздействие на сознание реципиента, провоцирующее ментальноовербальную реакцию; 2) эстетическое воздействие, вызывающее ментальноэмоциональной реакции. [13. С. 30–31]

Проблема текстовых категорий не теряет своей актуальности, их вычленение и характеристика являются предметом множества исследований, направленных на решение двух основных задач: определение содержания текстовых категорий и изучение средств, используемых для их выражения в различных отраслях лингвистики.

Приведенный обзор взглядов на проблему текстовых категорий демонстрирует, как и в случае с определением понятия «текст», тенденцию к вычленению тех или иных типологических признаков в зависимости от направленности исследования. В связи с этим, основываясь на накопленном опыте исследований по данной проблематике, представляется логичным составление классификации текстовых категорий, наиболее релевантных древним текстам. По нашему мнению, основными признаками, присущими древним текстам являются:

1. Когерентность. Древний текст представляет собой целостное, связанное образование, несущее ограниченный объем информации;

2. Дискретность. Как правило, древний текст имеет начало и конец и может быть разделен на значимые отрезки в соответствии с используемым принципом членения (композиционно, семантически, синтаксически и т. д.);

3. Структурированность. Древний текст состоит из логически интегрированных, взаимосвязанных частей, количество и взаиморасположение которых, обусловлено его семантическим строением;

4. Модальность древнего текста отражает интенции автора, причины, побудившие его к созданию текста, художественное пространство и время, а также заключенную в тексте сверхинформацию (подтекст, пресуппозиции и проч.);

5. Коммуникативность древнего текста предполагает воздействие на реципиента, результатом которого является ментально-эмоциональная реакция, и носит дуалистичный характер. Принимая во внимание значительную временную удаленность момента создания древнего текста, следует разделять гипотетическое коммуникативно-эстетическое воздействие на сознание реципиента-современника создателя текста, и реципиента – современного исследователя, производящего дешифровку древнего произведения.

Древний текст прямо и косвенно несет в себе информацию о социально-историческом контексте той эпохи, в которой он был

создан, соответственно объем информации, извлекаемый при дешифровке на современном этапе несколько меньше оригинального, так как исследователь воспринимает древний текст с позиции иной социально-исторической парадигмы. Таким образом, мы можем говорить об ограниченной коммуникативности древнего текста, обусловленной невозможностью его полного и адекватного толкования.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика декодирования: курс лекций [Текст] / И. В. Арнольд. – Л., 1974. – 76 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 7–22.
3. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка : учебник [Текст] / М. П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1983. – 271 с.
4. Гак, В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи [Текст] / В. Г. Гак // Иностраный язык в школе. – 1982. – № 5. – С. 11–17.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139с.
6. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики : учебное пособие [Текст] / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 1997. – 224 с.
7. Дейк, Т. А. Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т. А. Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 153–208.

List of literature

1. Arnol'd, I. V. Stilistika dekodirovanija: kurs lekcij [Tekst] / I. V. Arnol'd. – L., 1974. – 76s.
2. Arutjunova, N. D. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Tekst] / N. D. Arutjunova, E. V. Paducheva // Novee v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. 16. Pragmatika. – M. : Progress, 1985. – S.7–22.
3. Brandes, M. P. Stilistika nemetskogo jazyka : uchebnik [Tekst] / M. P. Brandes. – M. : Vyssh. shk., 1983. – 271s.
4. Gak, V. G. Pragmatika, uzus i grammatika rechi [Tekst] / V. G. Gak // Inostrannyj jazyk v shkole. – 1982. – № 5. – S. 11–17.
5. Gal'perin, I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija [Tekst] / I. R. Gal'perin. – M. : Nauka, 1981. – 139s.
6. Gorelov, I. N. Osnovy psiholingvistiki : uchebnoe posobie [Tekst] / I. N. Gorelov, K. F. Sedov. – M. : Labirint, 1997. – 224s.
7. Dejk, T. A. Strategii ponimaniya svjaznogo teksta [Tekst] / T. A. Dejk, V. Kinch // Novee v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. 23. Kognitivnye aspekty jazyka. – M., 1988. – S. 153–208.

8. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации : проблемы семиосоциопсихологии [Текст] / Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1984. – 268 с.
9. Залевская, А. А. Понимание текста: психолингвистический подход : учеб. пособие [Текст] / А. А. Залевская. – Калинин, 1988. – 95 с.
10. Зарубина, Н. Д. К вопросу о лингвистических единицах текста [Текст] / Н. Д. Зарубина // Синтаксис текста. – М. : Наука, 1979. – С. 79–83.
11. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие как сложная перцептивно-мыслительно-мнемическая деятельность [Текст] / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1976. – С. 5–7.
12. Кожина, М. Н. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв [Текст] / М. Н. Кожина. – Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). – Ч. I. / Под ред. проф. М. Н. Кожиной. – Пермь, 1996. – 380 с.
13. Красных, В. В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1999. – С. 30–31.
14. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка Л. П. Кры-
8. Dridze, T. M. Tekstovaja dejatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii : problemy semiosociopsichologii [Tekst] / T. M. Dridze. – M. : Nauka, 1984. – 268 s.
9. Zalevskaja, A. A. Ponimanie teksta: psiholingvisticheskiy podhod : ucheb. posobie [Tekst] / A. A. Zalevskaja. – Kalinin, 1988. – 95 s.
10. Zarubina, N. D. K voprosu o lingvisticheskikh edinicah teksta [Tekst] / N. D. Zarubina // Sintaksis teksta. – M. : Nauka, 1979. – S. 79–83.
11. Zimnjaja, I. A. Smyslovoe vosprijatie kak slozhnaja perceptivno-myslitel'no-mnemicheskaja dejatel'nost' [Tekst] / I. A. Zimnjaja // Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobwenija (v uslovijah massovoj kommunikacii) : sb. nauch. tr. – M. : Nauka, 1976. – S. 5–7.
12. Kozhina, M. N. Oчерки istorii nauchnogo stilja russkogo literaturnogo jazyka XVIII–XX vv [Tekst] / M. N. Kozhina. – T. II. Stilistika nauchnogo teksta (obwie parametry). – Ch. I. / Pod red. prof. M. N. Kozhinoj. – Perm', 1996. – 380 s.
13. Krasnyh, V. V. Struktura kommunikacii v svete lingvokognitivnogo podhoda (kommunikativnyj akt, diskurs, tekst) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 1999. – S. 30–31.
14. Krysin, L. P. Sociolingvisticheskie aspekty izuchenija sovremennoгo russkogo jazyka L. P.

- син. – М. : Наука, 1989. – 186 с.
15. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения [Текст] / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика: в 2 т. – Т. 1. – М. : СпортАкадемПресс, 2001. – С. 72.
16. Леонтьев, А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации [Текст] / А. А. Леонтьев // Синтаксис текста. – М. : Наука, 1979. – С. 18–36.
17. Леонтьев, А. А. Признаки связности и цельности текста [Текст] / А. А. Леонтьев // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М. : Наука, 1976. – С. 46–48.
18. Москальская, О. И. Грамматика текста. – М. : Высш. шк., 1981. – 360 с.
19. Николаева, Т. М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы [Текст] / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. VIII: Лингвистика текста. – С. 5–42.
20. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация. – М. : Наука, 1983. – 215 с.
21. Остин, Дж. Л. Слово как действие [Текст] / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С.322–362.
22. Тураева, З. Я. Лингвистика текста [Текст] / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
- Krysin. – М. : Nauka, 1989. – 186 s.
15. Kubrjakova, E. S. O tekste i kriterijah ego opredelenija [Tekst] / E. S. Kubrjakova // Tekst. Struktura i semantika: v 2 t. – T. 1. – M. : SportAkademPress, 2001. – S. 72.
16. Leont'ev, A. A. Vyskazyvanie kak predmet lingvistiki, psiholingvistiki i teorii komunikacii [Tekst] / A. A. Leont'ev // Sintaksis teksta. – M. : Nauka, 1979. – S. 18–36.
17. Leont'ev, A. A. Priznaki svjaznosti i cel'nosti teksta [Tekst] / A. A. Leont'ev // Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobwenija. – M. : Nauka, 1976. – S. 46–48.
18. Moskal'skaja, O. I. Grammatika teksta. – M. : Vyssh. shk., 1981. – 360 s.
19. Nikolaeva, T. M. Lingvistika teksta: sovremennoe sostojanie i perspektivy [Tekst] / T. M. Nikolaeva // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – M. : Progress, 1978. – Vyp. VIII: Lingvistika teksta. – S. 5–42.
20. Novikov, A. I. Semantika teksta i ee formalizacija. – M. : Nauka, 1983. – 215 s.
21. Ostin, Dzh. L. Slovo kak dejstvie [Tekst] / Dzh. L. Ostin // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. 17. Teorija rechevyh aktov. – M. : Progress, 1986. – S.322–362.
22. Turaeva, Z. Ja. Lingvistika teksta [Tekst] / Z. Ja. Turaeva. – M. : Prosvewenie, 1986. – 127 s.

**ТЕКСТ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЕДИНИЦА
СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНИКА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Е. А. Панкратова

В статье рассматривается проблема содержания учебника иностранного языка и правовой культуры. В качестве главной организационной единицы учебника предполагается текст – носитель правовой картины мира. Описываются критерии отбора правовых текстов.

Ключевые слова: учебник иностранного языка и правовой культуры, единица содержания учебника, критерии отбора правовых текстов.

Проблема совершенствования содержания и методической организации учебника иностранного языка находится в центре внимания исследователей в области методической науки [1].

Представляется, что главным организационным центром, вокруг которого проектируются остальные элементы учебника, выступает текст. Последовательность действий с произведением как носителем правовой картины мира включает подготовку к восприятию информации (визуальной и аудиовизуальной), работу с текстами и применение приобретённых знаний/умений через выполнение упражнений, список которых приведен ниже.

Первый этап работы с текстом – подготовка к восприятию информации – предусматривает выполнение предтекстовых упражнений. Первый шаг, нацеленный на активизацию знаний, предполагает выполнение упражнений на осмысление правовых концептов; актуализацию фреймов правовых ситуаций и их сценариев; разграничение социокультурной информации по степени владения ею; определение специфики лингвориторического поведения работников юридического труда; соотнесение концепта с его вербальным воплощением; предъявление/актуализацию грамматических структур, типичных для языка права. Второй шаг, связанный с ознакомительным чтением предваряющего комментария (если таковой необходим), включает упражнения на нахождение информации о данном

правовом тексте (название, год создания, автор или события связанные с ним); интерпретацию информации о биографии автора текста; характеристику автора текста по фотографии (рисунку).

На этапе работы с текстом выполняются текстовые упражнения. Первый шаг – просмотревое чтение/первичный просмотр – требует выполнение упражнений на выделение смысловых частей; определение основных действующих лиц; определение основных событий, описанных в тексте; выделение ключевых правовых концептов. Второй шаг, направленный на изучающее чтение/вторичный просмотр текста, связан с выполнением упражнений, имеющих целью проверку понимания общего содержания на уровне значения: определение логики текста, понимание значимой информации текста; а также на проверку понимания лингвориторического содержания на уровне значения: определение адресности текста; выявлении языковых средств смысловой связанности, аргументации и выразительных средств языка, использованных автором; определение особенностей невербального поведения. Кроме того, следует выполнять упражнения, направленные на проверку понимания общего содержания на уровне смысла: определение основной идеи; представление концептуальных структур с помощью графической наглядности; прогнозирование событий; и на проверку понимания лингвориторического содержания на уровне смысла: определение цели ратора; оценку результатов риторической деятельности; выявление положительного опыта вербального / невербального поведения оратора.

Завершающий этап работы с текстом имеет целью создание ситуаций для применения знаний/умений путем выполнения послетекстовых упражнений, к которым относятся упражнения на выражение собственного отношения к героям и событиям, описанным в тексте; комментирование высказываний знаменитых людей по теме текста или о его роли в инофонной культуре; сравнение правовых явлений в российской и изучаемой правовой культурах; сопоставление имеющих в сознании и формируемых концептов иной картины мира; имитацию лингвориторического поведения; произнесение собственных речей; обсуждение проблемных и философских вопросов права.

Описанная последовательность работы с текстом, реализованная автором в специально созданном пособии [2], не является жёстко регламентированной. Выбор упражнений зависит от класса/вида текста и значимости содержащейся в нём информации. Однако непреложным правилом должно являться изучение иностранного язы-

ка с опорой на концепты, фреймы, сценарии и базовые факты культуры, которые он отражает. Организация иноязычного обучения в этом случае требует соблюдения определённых правил: опора на сформированные в сознании учащегося универсальные концепты-ценности; расширение объёма национально-специфических концептов родной культуры за счёт включения в него иных концептуальных связей; дифференцирование культурно-правовых концептов по типу правовой культуры и конструирование связей внутри каждой подсистемы; включение уникально-правовых концептов в имеющуюся концептуальную картину за счёт создания новых связей; учёт сформированных концептов вербального и невербального лингвориторического поведения.

Вопрос совершенствования содержания учебника напрямую связан с проблемой целесообразного отбора текстов, которые будут создавать у обучающегося адекватную правовую картину мира, позволяющую её обладателям успешно участвовать в межкультурной коммуникации. Учитывая специфику проводимого исследования, мы считаем необходимым выделить следующие критерии: критерий аутентичности, ситуативно-тематический критерий, критерий социокультурной и социолингвистической ценности, критерий лингвориторической ценности, критерий прецедентности, критерий разнообразия текстового материала, критерий нравственно-правовой направленности.

Критерий аутентичности. Нам представляется значимым отбор текстов, для которых характерны лексико-фразеологическая аутентичность – использование аутентичной правовой лексики и фразеологии, употребление естественных грамматических форм; функциональная аутентичность – естественная вербализация правового знания при помощи языка права, уместного в типичной ситуации государственно-правовой сферы общения; структурная аутентичность и естественная форма – сохранение невербальных элементов подлинности дискурса. Отметим, что хотя слово «аутентичный» переводится с английского «естественный», однако, с позиций методики использование в учебной программе только текстов, созданных в условиях иной лингвокультуры и предназначенных ее носителям, может стать значительным препятствием для достижения учебных целей в условиях неязыкового вуза. В этой связи ученые высказываются за целесообразность определенной методической обработки таких текстов. Мы предполагаем выполнение следующих действий:

сокращение объема текста за счет исключения предложений, передающих не основную для данного государственно-правового явления информацию; составление списка слов с переводом для облегчения понимания текста; написание/отбор предваряющего комментария к тексту, в котором обозначается его важность в рамках мировой/иноязычной правовой культуры, описывается социально-исторический фон, указываются личности, стоящие за этими произведениями.

Ситуативно-тематический критерий. Согласно данному критерию тексты должны закреплять и расширять знания по обще профилирующим, специальным и языковым (русский язык) дисциплинам, а также служить стимулом для углубления уже имеющихся знаний о предмете избранной специальности. Отбираемые тексты должны относиться к текстовому пласту, созданному в рамках государственно-правовой сферы социального общения. Они должны отражать узловые вопросы, касающиеся деятельности государства, эффективности права и роли личности в государственно-правовой жизни. Тексты должны наглядно отражать фреймы и сценарии естественных коммуникативных ситуаций, типичных для данной сферы общения.

Критерий социокультурной и социолингвистической ценности. Мы выделили следующие положения для отбора текстов согласно данному критерию. Социокультурная окрашенность текста – отражение в произведении единых для иноязычного правового сообщества фоновых знаний, принадлежащих концептуальному уровню сознания инофона и соотносимых с концептуальной правовой картиной мира. Текст должен отражать основные универсальные концепты-ценности, национально-специфические, культурно-правовые и уникальные национально-правовые концепты, фреймы и сценарии типичных правовых ситуаций, основные факты и события государственно-правовой жизни страны, информацию о государственно-правовых и политических институтах, сведения о знаменитых личностях и их вкладе в правовой прогресс общества и цивилизации. Социолингвистическая насыщенность текста – выраженность в произведении языковых знаний, принадлежащих языковому уровню сознания инофона и соотносимых с языковой правовой картиной мира. В текстах должны употребляться правовая лексика и фразеология, эксплицирующие правовые концепты, грамматические формы и синтаксические структуры, типичные для языка права.

Критерий лингвориторической ценности. Для реализации данного критерия мы предлагаем учитывать следующие основания.

Принадлежность текста к судебной и социально-политическим родам ораторской речи. Образцовость – способность текста выступать в качестве идеала риторического государственно-правового дискурса. Он должен представлять значительную культурную ценность для американской/мировой правовой культуры и быть зафиксированным в сборниках риторических текстов. Типичность – имплицитное/эксплицитное отражение вербально выраженных и невербально выраженных лингвориторических концептов.

Критерий прецедентности. Этот критерий предполагает отбор тех текстов, которые являются символами правовой культуры, передаются от одного поколения юристов к другому, прошли испытание временем и существуют в современном государственно-правовом пространстве в форме логоэпистем, известны в среде образованных носителей языка, зафиксированы в лингвострановедческих словарях, сборниках документов, оставивших значительный след в истории страны.

Критерий разнообразия текстового материала. Достижение цели обучения будущих юристов связано с овладением правовой культурой через иностранный язык и иностранный язык через правовую культуру. А правовая культура понимается нами как сложно-строенный текст, состоящий из целого комплекса правовых текстов. Использование в учебном процессе материалов какого-либо одного вида явно приведет к искаженному восприятию инофонной культуры. Поэтому требуется отбор разных текстов, которые в совокупности адекватно воспроизводят иноязычную правовую картину мира.

Критерий нравственно-правовой направленности. Одной из важных функций, принадлежащих учебному тексту, как известно, является воспитательная. В связи с этим, приступая к отбору, необходимо учитывать критерий нравственно-правовой направленности содержания. Любые материалы, включаемые в процесс обучения иностранному языку студентов-юристов, должны быть ориентированы на формирование нравственных качеств профессиональной личности. Данный критерий призван обеспечить отбор текстового материала, который ориентирован на систему ценностей правовой культуры, выработанной всем человечеством, отражает прогрессивные ценности англосаксонской правовой культуры, направлен на формирование толерантности и критичности обучающихся по отношению к государственно-правовым идеям, принципам и нормам мировой/иноязычной правовой культуры.

Исходя из того, что текстам отводится первостепенная роль в качестве организационных единиц содержания и средств формирования иноязычной правовой картины мира у обучаемых, кажется логичным полагать, что набор текстов для обучения иностранному языку будущих специалистов в правовой области детерминирует наполнение всех компонентов содержания и определяет действенность учебника как системы.

Список литературы

1. Панкратова, Е. А. Проблема учебника для неязыковых вузов в методике преподавания иностранных языков [Текст] / Е. А. Панкратова // *Lingua Mobilis*. – 2010. – №4(23). – С. 120–127.
2. Панкратова, Е. А. *Readings in US Legal Culture* / Избранные страницы правовой культуры США: учеб. пособие по английскому языку для студентов-юристов [Текст] / Е. А. Панкратова. – Муром, 2004. – 343 с.

List of literature

1. Pankratova, E. A. *Problema uchebnika dlja nejazykovykh vuzov v metodike prepodavanija inostrannyh jazykov* [Tekst] / E. A. Pankratova // *Lingua Mobilis*. – 2010. – №4(23). – S. 120–127.
2. Pankratova, E. A. *Readings in US Legal Culture* / *Izbrannye stranicy pravovoj kul'tury SShA: ucheb. posobie po anglijskomu jazyku dlja studentov-juristov* [Tekst] / E. A. Pankratova. – Murom, 2004. – 343 s.

**ОППОЗИЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В РАЗВИТИИ
АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ**

В. М. Швецова

В статье анализируются особенности ассоциативных механизмов в развитии семантики слов; определяется их роль в процессе формирования семантического потенциала единиц языка и текста.

Ключевые слова: межсловные ассоциативные связи, текстовая единица с актуализируемым значением (голограмма), текстовая единица с актуализирующим значением (стимулятор), моделирование.

В настоящее время проблема актуализации системы ассоциативных ресурсов в отношении различных уровней языка вызывает у лингвистов наибольший интерес. В условиях текстовой репрезентации она выполняет особую роль. Ассоциации и возникающие на их основе связи принимают активное участие в моделировании текстовой семантики слова.

По нашему мнению, в данном процессе принимают участие два типа единиц: текстовая единица с актуализируемым значением (т.е. голографическая единица; именно ее содержание расширяется) и текстовая единица с актуализирующим значением (т.е. стимулятор, на основе которого развивается новое содержание) [8. С. 205–206]. Следовательно, характер возникающих между ними ассоциативных связей определяется нами как межсловный. Они могут устанавливаться на основе оппозиционных отношений, семантически определяющих связь между вещами, признаками и пр.

То есть в значении одной из указанных единиц репрезентируется положительное содержание, в другой – отрицательное. Таким образом «фиксируются» крайние точки (или информационные пределы) существования одного и того же предмета, признака и пр. или результаты их проявлений. Следовательно, при установлении ассоциативных связей между такими информационно разноплановыми компонентами появляется больше возможностей (много общих точек пересечения в значениях) для формирования на их основе расширенной текстовой семантики голограммы.

Более детально данный процесс формирования указанного типа межсловных ассоциативных связей, на основе которых впослед-

ствии развивается текстовая семантика голограммы, можно рассмотреть на следующем примере.

Во всем облике бабушки было *нечто религиозное*, не ханжески-богомольное, не иступленное, а проникновенно-религиозное, спокойное, даже отрешенное [7. С. 54].

В данном тексте значение голограммы *нечто религиозное* значительно шире того, что представлено в рамках словарных дефиниций. Ср.: *религиозный* – «верующий» [4. С. 626]; «обряд веры; верующий, твердый в вере» [3. С.90 – 91]; *нечто* – «что-либо, что-то, что-нибудь, чтобы ни было; кое-что, несколько, одна часть» [2. С. 561]; «что-то (в перен. знач. нечто удивительное)» [4. С. 367].

По нашему мнению, содержание исследуемой текстовой единицы актуализируется за счет взаимодействия стимуляторов *не ханжески-богомольное, не иступленное, проникновенно-религиозное, спокойное, даже отрешенное*. Следует отметить, что данные единицы делят смысловое поле текста на два вертикальных информационных участка, в которых репрезентируется противоположная семантика. Грамматически это выражается при помощи противительного союза *а* и отрицательной частицы *не*. Первый информационный участок: *нечто религиозное – не ханжески-богомольное – не иступленное*; второй информационный участок: *нечто религиозное – а проникновенно-религиозное – а спокойное – даже отрешенное*.

В первом информационном участке возникают ассоциативные связи, основанные на оппозиционных отношениях, которые определяют связь между признаками. В тексте изначально констатируется, что понятие *нечто религиозное* устанавливается через стимуляторы *ханжеское, богомольное, иступленное* (по нашему мнению, в данном случае единицы нужно рассматривать как текстуальные синонимы). Именно это содержание противопоставляется в значении голограммы (в качестве установленного факта) во втором информационном участке. Следовательно, стимуляторы семантически определяют предельные точки проявлений признаков одного понятия, фиксируя оппозиционную связь между ними. Ср.: отрицательная оценка понятия: *нечто религиозное – ханжеское; ханжески-богомольное; иступленное*; положительная оценка понятия: *нечто религиозное – проникновенно-религиозное; спокойное; даже отрешенное*.

В первом информационном участке взаимодействуют стимуляторы *ханжеский, богомольный, иступленный*, формируя на основе собственного содержания расширенное значение 1: *ханжеский –*

см. ханжа – «крайний лицемер» [4. С. 808]; «притворно набожный, лицемерный» [3. С. 542]; *богомольный* – «набожный» [6. С. 162]; «прилежно и часто молящийся; исполняющий все внешние обряды церкви; искренне молящийся, богобоязненный» [1. С. 104]. Следовательно, *ханжески-богомольный* – «притворно молящийся; но фанатично исполняющий обряды церкви с какой-то целью (личной, как правило, корыстной)»; *иступленный* – «фанатичный, свирепый; страстный сверх меры, выходящий за пределы рассудительного» [2. С. 36]. Таким образом, в границах первого участка актуализируется информация, связанная с обманом, ложью, подлостью, безрассудством. Следовательно, сформированное на ее основе расширенное значение 1 имеет следующий вид: «чувство, разрушающее в человеке истинную веру, подрывающее ее нравственные основы».

Во втором информационном участке значение голограммы *нечто религиозное* актуализируется за счет взаимодействия стимуляторов *проникновенно-религиозное, спокойное, даже отрешенное*. В опоре на их семантическое развитие формируется базовое значение 2: *проникновенный* – «с большим внутренним убеждением, волнующе искренний» [4. С. 566]; следовательно, *проникновенно-религиозный* – «истинно верующий; имеющий веру в своей душе»; *спокойный* – «находящийся в состоянии покоя, лишенный тревог; ведущий себя тихо, не беспокоящий; не раздражающий, мягкий» [4. С. 702]; «тихий, кроткий, миролюбивый; не тревожный, не взволнованный, ничем не возмущенный» [3. С. 294]; *отрешенный* – «отчужденный, проникновенный» [4. С. 431]; «отделившийся; исключенный» [3. С. 753]. Следует отметить, что наречие *даже*, входящее в состав стимулятора, усиливает данное семантическое направление: не просто отчужден от кого-то или чего-то кем-то другим, а отчужденный до предела (по своему желанию), от всего, что мешает его духовной свободе. Из всего вышеизложенного следует, что при участии системы стимуляторов в расширенном значении 2 реализуется следующая семантика: «внутреннее ощущение душевного покоя».

Таким образом, сформированные стимуляторами значения 1–2 разделяют лексико-семантическое поле голограммы *нечто религиозное* на две противоположных информационных зоны: не сумевший понять и принять истину в своей душе озлобляется на всех; он мечется в своем безрассудстве (через значение 1) – постигший истинную веру спокоен, лишен тревог; он духовно отчужден от пороков несовершенного материального мира; он находится в гармонии с собственным внутренним миром (через значение 2).

Следовательно, в формировании текстовой семантики голограммы оказывается вовлеченной система ассоциативных отношений, семантически определяющая связи между признаками, которые зафиксированы в значениях 1–2. То есть *нечто религиозное* – «озаряющее светом, нравственным чистотой; истинно святое».

Необходимо отметить, что в тексте есть единицы, непосредственно не принимающие участие в процессе семантического развития данной голограммы, но подтверждающие ее расширенное значение: *бабушка* и *облик*. Образ бабушка в человеческом сознании ассоциируется с обожанием внуков: в ее глазах всегда светится, озаряя все вокруг, вселенская любовь и доброта.

Слово *облик* («оклад и черты лица, общность вида и выражения лица» [2. С. 596]) в условиях смыслового поля данного текста ассоциируется с понятием *святой лик*. Ср.: *святой* – «духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения. Святые делятся церковью на *лики*, разряды» [3. С. 160]; *лик* – «лицо, облик, обличие; выражение лица; образ» [2. С. 252]; «лицо человека (устар. и высок.), а также изображение лица на иконах» [5. С. 297]).

Кроме того и в семантическом плане между ними прослеживается определенная близость: «лицо или образ кого-то». Следовательно, в смысловом поле данного текста у единицы *облик* доминантным является следующее значение: «нравственно и духовно чистый образ; лицо человека, излучающего свет, любовь и всеяющего веру (так на иконах изображены лики святых)». Единицы *бабушка* и *облик*, опираясь на собственные содержательно-ассоциативные ресурсы, поддерживают сформированную стимуляторами текстовую семантику голограммы *нечто религиозное*: «нравственно и духовно чистое, поражающее святостью, но поистине человеческое, а не сверхъестественное; озаряющее все вокруг верой, истиной».

Определяемый нами тип межсловных ассоциативных связей возникает в результате взаимодействия единицы с актуализируемым значением и стимуляторов на базе оппозиционных отношений, семантически определяющих связь между вещами, признаками и пр. Голограмма в процессе функционирования, опираясь на подобную систему ассоциативных представлений и связей, формирует собственную расширенную семантику.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка: В 4т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – Т. 1: А – З, 2003. – 699 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка: В 4т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – Т. 2: И – О. – 2003. – 799 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка: В 4т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – Т. 4: Р – У. – 2003. – 688 с.
4. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь: Около 35000 слов: 70000 словосочетаний [Текст] / В.В. Лопатин. – 7-е изд. – М. : Рус.яз., 2001. – 877 с.
5. Ожегов, С. М. Словарь русского языка: ок. 57000 слов [Текст] / С.М. Ожегов. – Изд. 11, стереотип. – М. : Рус.яз., 1975. – 847 с.
6. Толковый словарь русского языка. Т.1 [Текст] /под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Астрель: АСТ, 2000. – 748 с.
7. Рыбаков. А. Тяжелый песок [Текст] /А. Рыбаков. – М. : Изд-во «Известие», 1981. – 331 с.
8. Швецова. В. М. Лексико-ассоциативные ресурсы текстовых единиц [Текст] / В.М. Швецова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. № 1 (11). – Волгоград : ВолГУ, 2010. – С. 205–210.

List of literature

1. Dal', V. I. Tolkovjy slovar' velikorussskogo jazyka: V 4t. [Tekst] / V. I. Dal'. – M. : Rus. jaz. – Media, 2003. – T. 1: A – Z, 2003. – 699 s.
2. Dal', V. I. Tolkovjy slovar' velikorussskogo jazyka: V 4t. [Tekst] / V. I. Dal'. – M. : Rus. jaz. – Media, 2003. – T. 2: I – O. – 2003. – 799 s.
3. Dal', V. I. Tolkovjy slovar' velikorussskogo jazyka: V 4t. [Tekst] / V. I. Dal'. – M. : Rus. jaz. – Media, 2003. – T. 4: R – Y. – 2003. – 688 s.
4. Lopatin, V. V. Russkij tolkovjy slovar': Okolo 35000 slov:70000 slovosocetaniy [Tekst] / V.V. Lopatin. – 7-e izd. – M. : Rus.jaz., 2001. – 877 s.
5. Ozhegov, S. M. Slovar' russkogo jazyka: ok. 57000 slov [Tekst] / S.M. Ozhegov. – Izd. 11, stereotip. – M. : Rus.jaz., 1975. – 847s.
6. Tolkovjy slovar' russkogo jazyka. T.1 [Tekst] /pod red. D.N. Ushakova. – M. : Astrel': AST, 2000. – 748 s.
7. Rybakov. A. Tjzhelyj pesok [Tekst] /A. Rybakov. – M. : Izd-vo «Izvestie», 1981. – 331 s.
8. Shvecova. V. M. Leksiko-associativnye resursy tekstovyh edinic [Tekst] / V.M. Shvecova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie. № 1 (11). – Volgograd : VolGU, 2010. – S. 205–210.

**ПЕРЕВЕРТЫШИ ФОЛЬКЛОРА
КАК ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ
ВЫРАЖЕНИЯ НОНСЕНСА**

Е. А. Шкурская

В данной статье анализируется группа перевернутый мир как лексико-семантический способ выражения нонсенса в английском детском фольклоре, выделяются национально-культурные особенности обозначенной группы.

Ключевые слова: нонсенс, детский фольклор, перевертыши, способы выражения, противоположности.

Исследование нонсенса с позиции знаковых характеристик семантики (отношения знака к миру), синтактики (отношение знака к знаковой системе) и парадигматики (отношения знака к интерпретатору), дает возможность описать явление культуры в составе единой концептуальной схемы. В данной статье рассматривается наиболее частотный лексико-семантический способ выражения нонсенса, группа перевертыши.

Как известно, детская картина мира отчасти сближаема с мифологическим мышлением. Исследователи отмечают, что именно мифопоэтическая картина мира, которая с возрастом подчиняется эмпирико-прагматической картине мира, более всего характерна для ребенка [1. С. 158]. Ребенок заново открывает для себя мир, ищет ориентиры, определенную упорядоченность.

Становление мира в мифологическом понимании – это последовательное выявление противоположностей, контрастов природного и социального бытия. Мир представляется развернутой системой бинарных оппозиций, исходным материалом которых являются чувственные свойства, познаваемые пятью органами чувств [3. С. 505].

Е. М. Мелетинский выделяет большое число архетипических мотивов, повторяющихся в фольклоре разных стран, но также указывает на ряд семантических оппозиций: высокий – низкий, левый – правый, близкий – далекий, внутренний – внешний, теплый – холодный, сухой – влажный, светлый – темный, которыми оперирует мифологическая мысль. Наряду с семантическими оппозициями исследова-

тель выделяет специальные оппозиции, которые соответствуют простейшим пространственно-временным отношениям: небо – земля, земля – подземный мир, север – юг, запад – восток, день – ночь, зима – лето, солнце – луна; в мире социальном: свой – чужой, мужской – женский, старший – младший, низший – высший; на границе природы и культуры: вода – огонь очага, вареный – сырой, дом – лес, селение – пустыня, а также оппозиции, обозначающие фундаментальные антиномии: жизнь – смерть, счастье – несчастье; и главная мифологическая оппозиция: сакральный – профанный [4. С. 25].

В перевертышах фольклора инвертируются связанные между собой пары явлений окружающего мира, которые представляют собой описание пространственно-временных координат. В мифологической картине мира двоичные смысловые противопоставления обладают ярко выраженной симметричной топологией [5. С. 16].

Первоначальное понимание сущности перевертышей связывалось с простейшим приемом фольклора, вызывающим смех. Так В. Я. Пропп, исследуя проблемы смеха и комизма, обозначает перевертыши как алогизм, указывает на его комический характер.

Интерес к детям как носителям, хранителям и создателям своей субкультуры, которая определяется наличием своей “картины мира” привел к пониманию алогизмов или перевертышей как способу познания мира через установление нормы.

Небылицы-перевертыши широко распространены у всех народов. В английском языке такие тексты известны как *topsy-turvy rhymes* (стишки наизуворот, стишки – перевертыши), в немецком – *verkehrte Welt* (перевернутый свет) [2. С. 99].

Присутствие нонсенса в детском фольклоре отвечает мировидению ребенка. По словам бельгийского исследователя Эмиля Каммаэртса, нонсенс представляет собой «спонтанный вызов голосу Разума, некую враждебность ребенка по отношению к четко упорядоченному миру, с которым взрослые хотят его познакомить» [7. С. 18].

К. И. Чуковский писал: «Так уж устроен ребенок, что в первые годы его бытия мы можем насаждать в его душе реализм не только путем ознакомления с окружающим миром, но чаще и успешнее всего именно при посредстве фантастики» [6. С. 222]. Ребенок утверждается в реальности окружающих его предметов через нелепое, посредством игры овладевает огромным количеством знаний. Чуковский обращает внимание не только на познавательную функцию нонсенса, но и на его игровую природу.

К. И. Чуковский приводит следующую классификацию: А) перевертыши большого и малого; Б) перевертыши холодного и горячего; В) перевертыши еды (**съедобность несъедобных вещей**); Г) перевертыши явлений природы; Д) перевертыши ездока и коня; Е) перевертыши телесных недостатков; Ж) перевертыши действующих лиц [б. С. 244–245]. Проиллюстрируем данную классификацию примерами, которые нам встретились в английском детском фольклоре.

А) перевертыши большого и малого:

1. There was an old woman tossed up in a basket / Seventeen times as high as the moon [9. С. 232] (старушка носилась по небу в корзине, которая в семнадцать раз выше, чем луна). В **данном примере гиперболизруется** высота предмета.

2. This ram was fat behind, sir, / This ram was fat before, / This ram was ten yards high, sir, / Indeed he was no more. / The wool upon his back, sir, / Reached up into the sky, / The eagles built their nest there, / For I heard the young ones cry [9. С. 412]. Данный пример иллюстрирует гиперболизацию величины животного. Баран ростом в десять ярдов, его шерсть, в которой орлы выют гнезда, достигает неба.

3. Milk man, milk man, where have you been? / In butter-milk channel up to my chin / I spilt my milk and spoiled my clothes, / And got a long icicle hung to my nose [9. С. 416]. Молочник разлил молоко, испортил одежду и свалился в канаву из взбитых сливок по самый подбородок, на носу у него появилась сосулька. Данный пример иллюстрирует гиперболизацию глубины предмета канавы с человеческий рост, необычность сюжета дополняется невозможным положением дел – в канаве протекает взбитое молоко, а на носу у главного героя вырастает сосулька.

4. He lived on a tree as high as the moon [9. С. 418]. Главный герой живет на дереве высотой с луну.

Б) перевертыши холодного и горячего:

1. He burnt his mouth / With supping cold plum porridge [9. С. 156]. Герой обжегся холодной кашей из слив.

2. Three children sliding on the ice / Upon a summer's day [9. С. 71]. Трое детей скользят по льду в летний день.

3. Mr. South burnt his mouth / With eating a cold potato [9. С. 89]. Мистер Юг обжегся, поедая холодный картофель.

В данной подгруппе инверсии подвергаются качества предметов: холод-тепло, тепло-холод, что особо актуально в условиях изменчивого климата англичан.

В) перевертыши еды:

1. The dog has eaten the mop [9. С. 115]. Собака съела швабру.

2. The pot swallow the ladle [9. С. 115]. Горшок проглотил ковш.
Данный пример иллюстрирует анимизм детского восприятия.

3. There was an old woman called Nothing-at-all, / Who lived in a dwelling exceedingly small, / A man stretched his mouth to its utmost extent, / And down at one gulp house and old woman went [9. С. 174]. Жила-поживала в домишке у пня / Старушка по имени Негу-меня. / Однажды лесник мимо пня проходил / И дом со старушкой, зевнув проглотил [9. С. 517].

4. Robin the Bobin, the big-bellied Ben, / He ate more meat than four-score men; / He ate a cow, he ate a calf, / He ate a butcher and a half / He ate a church, he ate a steeple, / He ate a priest and all the people ! A cow and a calf, / An ox and a half, A church and a steeple, And all the good people, And yet he complained that his stomach wasn't full [ODNR 1988: 198]. Робин Бобин Барабек / Скушал сорок человек. / И корову, и быка, / И кривого мясника, / И телегу, и дугу, / И кривую кочергу, / Скушал церковь, / Скушал дом, / И кузнецу с кузнецом, / А потом и говорит: / “У меня живот болит!” [9. С. 526]. Данный пример иллюстрирует не только съедобность- несъедобность пищи, но и маркирует обжорство, неумеренность в трапезе. В русском переводе герой жалуется на то, что у него болит живот, в английском переводе на то, что не наелся.

5. The greedy man is he who sits/ And bites bits out of plates / Or else takes up an almanac / And gobbles all the dates [9. С. 428] Жадный человек - это тот, кто сидит, откусывает кусочки от тарелок и поглощает даты из альманаха.

Таким образом, группа перевертыши еды маркирует обжорство, а также аппозиции съедобный – несъедобный, а не вкусный - невкусный. Как известно, английская кухня не отличается изобилием, а сами англичане умеренны в употреблении пищи.

Г) перевертыши явлений природы:

1. Simple Simon went to look / If plumps grew on a thistle [9. С. 205] Простак Саймон пошел проверять, растут ли сливы на чертополохе.

2. I saw a blazing comet drop down hail / I saw a cloud with ivy circled round/ I saw a sturdy oak creep on the ground / I saw a raging sea brim full of ale / I saw the Sun even in the midst of night [9. С.156] . Я видел, что пылающая комета роняла град, я видел облако, которое обвивал плющ, я видел крепкий дуб, ползущий по земле, я видел

бушующее море, наполненное до краев элем, я видел солнце, сверкающее ночью.

3. A man in the wilderness, he asked me / How many strawberries grew in the sea; I answered him as I thought good, / As many as red herrings grew in the wood [9. С. 150] Спросил меня старец в пустыне великой: “Богаты ли нынче моря земляникой? / И я отвечал ему с чистой душой: - Клянусь, не богаче, чем рощи треской.

4. I saw a fishpond all on fire/ I saw a house bow to a squire/ I saw a parson twelve feet high/ I saw a cottage near the sky/ I saw a balloon made of lead / I saw a coffin drop down dead/ I saw two sparrows run a race /I saw two horses making lace [9. С. 156] Я видел пруд весь в огне, я видел как дом кланяется сквайру, я видел священника двенадцати футов, я видел коттедж на небесах, я видел воздушный шар, сделанный из свинца, я видел гроб, лежащий мертвым, я видел как два воробья бежали на перегонки, я видел как две лошади делали ожерелье. Данный пример иллюстрирует также анимизм детского восприятия (животные и предметы очеловечиваются).

5. The plumps they grew rotten / Before they grew ripe [9. С. 88] Сливы испортились, не созрев.

6. If all the world was apple pie / And all the sea was ink / And all the trees were bread and cheese / What should we have to drink? [8. С. 93]. Если бы весь мир был яблочным пирогом, а море чернилами, если бы все деревья были хлебом и сыром, что бы нам пришлось пить?

7. If the churches were built in the sea [9. С. 449]. Если бы все церкви строились в море.

В выделенной нами группе:

1) нечто растет в неполюженном месте или вопреки законам природы; появляется в неподходящее время; построено в неподходящем месте.

2) неправдоподобный мир представлен в виде лакомств или полезных вещей.

3) предмет выполняет несвойственную ему функцию, вопреки законам природы.

Рационализм для англичанина – строгое следование букве закона, вот почему так много примеров иллюстрируют идею противоречия законам природы или логики и тем самым создают аппозицию рациональности.

Д) перевертыши ездока и коня

1. Old Mother Goose/ When she wanted to wander/ Would ride

through the air / On a very fine gander [9. С. 167]. Матушка Гусыня, когда хотела путешествовать, ездила по небу верхом на гусеке.

2. Rub-a-dub-dub / Three men in a tub [9. С. 200]. Трое мужчин в тазу.

3. Three wise men of Gotham / Went to sea in a bowl / And if the bowl had been stronger / My song would be longer [9. С. 107] Три мудреца в одном тазу / Пустились по морю в грозу. / Будь попрочнее старый таз / Длиннее был бы мой рассказ [ODNR 1988: 482]. 4. I'll saddle my cock / And bridle my hen [9. С. 149] Я оседлаю петуха и запрягу курицу.

5. Richard Dick upon a stick / Sampson on a sow / We'll ride away to Colley Fair / To buy a horse to plough [9. С. 192] Ричард Дик на палке, Семсон на свинье отправились на ярмарку, чтобы купить лошадь для пахоты.

6. If the pony rode his master [9. С. 449] Если бы пони оседлала хозяина.

Как мы видим, логике “обратности” подвергается способ перемещения. В качестве средства передвижения выступают гусь, таз, курица, петух, палка,

свинья, чаша. Появление именно этой группы перевертышей не случайно, ведь мореплавание являлось единственным способом связи с окружающим миром. В английской грамматике корабль, в отличие от всех неодушевленных предметов, может заменяться на местоимение третьего лица единственного числа *She*. **Еще один пример**, когда «ездок» и «конь» меняются местами, представляет собой перемещение верха и низа, которое является традиционным фольклорным приемом.

е) перевертыши действующих лиц:

1. I saw a pismire swallow up a whale / I saw a house bow to a squire / I saw two sparrows run a race / I saw two horses making lace / I saw a kitten wear a hat [9. С. 95]. Я видел, как муравей проглотил кита, я видел как дом кланяется сквайру, я видел двух воробьев, бегущих на перегонки, я видел двух лошадей, делающих ожерелье, я видел, что котенок носит шляпу.

2. A frog he would a wooing go [9. С. 99]. Лягушка пошла свататься.

3. The bull did fight the humblebee / And scratched him in the face [9. С. 412] Бык сражался со шмелем и поцарапал ему лицо. Данный пример иллюстрирует не только анимистическое восприятие действительности ребенком, алогизм противостояния, но и гипербололизацию размеров животных и насекомых.

4. If the buttercups ate the cows. / If the cat had a dire disaster/ To be worried, sir, by the mouse. /If a gentleman, sir, was a lady. / If the butterfly courted the bee And the owl the porcupine [9. С. 449]. Если бы лютики ели коров, если бы мыши осмелились беспокоить кошек, если бы джентльмен был леди, если бы бабочка ухаживала за пчелой, а сова за дикобразом.

В иллюстрируемых нами примерах действующие лица меняются размерами (муравей больше кита, бык меньше шмеля), функциями (лютики едят коров, мыши беспокоят кошек, джентльмен становится леди). Анимистическое восприятие действительности проявляется в том, что животные ведут себя как люди (бегают на перегонки - спорт; делают ожерелье – трудовая деятельность, носят шляпу – правила этикета, ходят свататься, ухаживают – социальная организация жизни).

Е) перевертыши телесных недостатков:

1. Three blind mice, see how they run! / They all run after the farmer`s wife [9. С. 162] Три слепые мыши бегут за женой фермера.

2. And then he saw his eyes were out / He jumped into another bush / And scratched them in again [9. С. 215] Когда герой увидел, что у него нет глаз, он прыгнул на другой куст и вставил их на место.

3. There was a man who had no eyes; / He went abroad to view the skies [9. С. 152] Мужчина, без глаз пошел за границу, чтобы смотреть на небо.

4. There were two blind men went to see / Two cripples run a race [9. С. 412] Две слепые мыши пошли посмотреть, как калеки состязаются в беге.

Если проанализировать представленную классификацию с позиции выявления бинарного двойника, мы получаем: а) перевертыши большого и малого – норма размера (зрительный орган); б) перевертыши холодного и горячего – норма тактильного восприятия (орган осязания); в) перевертыши еды (съедобность несъедобных вещей) – норма вкуса (вкусовые рецепторы); г) перевертыши ездока и коня – мера передвижения в пространстве; д) перевертыши явлений природы – мера ориентации в пространстве; е) перевертыши действующих лиц – норма поведения или поступков; ж) перевертыши телесных недостатков - норма эстетического восприятия.

Таким образом, функция перевертышей заключается не только в осмыслении нормы, но и является одним из способов познания мира ребенком.

Контекстуальный анализ идеи «мира наизнанку» позволяет выделить следующие национально-культурные особенности: логике «обратности» подвергаются такие качества предметов, как холод-тепло, тепло-холод, данное противопоставление значимо в условиях холодного климата; выделяется съедобность или несъедобность пищи, англичанам с их умеренностью в еде не значимо и на языковом уровне выделение другой аппозиции. Национально-культурная специфика проявляется в том, что для британцев очень важно во всем и всегда следовать букве закона, вот почему в «мире наизнанку» профанации подвергаются именно законы природы и логики. Островное положение, навигация как единственный способ общения с окружающим миром, объясняют выделение такой подгруппы, как перевертыши ездока и коня. В группе перевертыши действующих лиц мы находим описание повседневной жизни, в которой есть место споту, труду, правилам этикета, проведению досуга и социальной организации.

Список литературы

1. Глотова, Г. А. Человек и знак: Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека [Текст] / Г. А. Глотова. – Свердловск, 1990. – 256 с.
2. Капица, О. И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание. Обзор материала [Текст] / О. И. Капица. – Л. : Прибой, 1928. – 224 с.
3. Мелетинский, Е. М. Мифология и фольклор в трудах К.Леви-Строса [Текст] / Е. М. Мелетинский // Леви-Строс. Структурная антропология. – М., 1985. С.467–522.
4. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика» [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М., 2000. – 170 с.
5. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как со-

List of literature

1. Glotova, G. A. Chelovek i znak: Semiotiko-psihologicheskie aspekty ontogeneza cheloveka [Tekst] / G. A. Glotova. – Sverdlovsk, 1990. – 256 s.
2. Kapica, O. I. Detskij fol'klor. Pesni, poteshki, draznilki, skazki, igry. Izuchenie. Sobranie. Obzor materiala [Tekst] / O. I. Kapica. – L. : Priboj, 1928. – 224 s.
3. Meletinskij, E. M. Mifologija i fol'klor v trudah K.Levi-Strosa [Tekst] / E. M. Meletinskij // Levi-Stros. Strukturnaja antropologija. – M., 1985. S.467–522.
4. Meletinskij, E. M. Ot mifa k literature. Kurs lekcij «Teorija mifa i istoricheskaja pojetika» [Tekst] / E. M. Meletinskij. – M., 2000. – 170 s.
5. Pitina, S. A. Koncepty mifologicheskogo myshlenija kak

- ставляющая концептосферы национальной картины мира [Текст] / С. А. Питина. – Челябинск. 2002. – 191 с.
6. Чуковский, К. И. От двух до пяти. Собрание сочинений в 6 томах. Т.1. «Лепые нелепицы» [Текст] / К. И. Чуковский. – М., 1962. – 735 с.
7. Cammaerts, E. The Poetry of Nonsense [Текст] / E. Cammaerts. – London : Geage Routledge & Sons Ltd, 1925. – 86 p.
8. Mother Goose Old Nursery Rhymes [Текст]. – Wordsworth editions Limited, 1994. – 124 p.
9. Mother Goose Rhymes. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes [Текст]. – М. : Raduga, 1988. – 684 p.
- sostavljajuwaja konceptosfery nacional'noj kartiny mira [Tekst] / S. A. Pitina. – Cheljabinsk. 2002. – 191 s.
6. Chukovskij, K. I. Ot dvuh do pjati. Sobranie sochinenij v 6 tomah. T.1. «Lepye nelepicy» [Tekst] / K. I. Chukovskij. – M., 1962. – 735 s.
7. Cammaerts, E. The Poetry of Nonsense [Tekst] / E. Cammaerts. – London : Geage Routledge & Sons Ltd, 1925. – 86 p.
8. Mother Goose Old Nursery Rhymes [Tekst]. – Wordsworth editions Limited, 1994. – 124 p.
9. Mother Goose Rhymes. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes [Tekst]. – M. : Raduga, 1988. – 684 p.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЙ СЛЕНГ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С. Ф. Булычева

Автор статьи рассматривает вопрос об общеупотребительном сленге в политическом дискурсе. В статье вскрываются причины появления этого сленга. Автор делает попытку раскрыть лингвистический механизм образования агрессивной лексики в комментариях к политической теме. Статья содержит большой иллюстративный материал.

Ключевые слова: общеупотребительный сленг, агрессивный дискурс, сниженная лексика, экспрессивность языка.

Лингвистический анализ комментариев интернета позволяет сказать, что современный дискурс заполняется новыми по стилистической принадлежности лексическими единицами – общеупотребительным сленгом. Это вызвано в первую очередь изменением в материальной и политической сфере существования человека в русском обществе. Возникла необходимость самостоятельно отвечать за свой общественный статус, самоутверждаться в конкурентной борьбе. Отсутствие честной информации в прессе, неустойчивость в сфере развития страны, отсутствие перспектив будущего и, главное, принятие государственных решений против воли народа – все это фрагменты нашей действительности. В результате характер социально-политических отношений в стране приобрел своеобразную напряженную диалогичность, а снятие социально-политических запретов по инерции распространилось и на сферу языка: ‘свобода’ в нем проявилась, в частности, в виде ненормированного словоупотребления.

Так появился качественно новый дискурс – агрессивный, риторический. Современный дискурс заполняется новыми по стилистической принадлежности лексическими единицами – общеупотребительным сленгом.

В публицистическом, политическом, художественном и других видах дискурса широко разрабатываются темы криминальной, по-

литической борьбы, наркомании и пьянства, секса, проституции. В обществе резко возросла активность отдельных социальных групп – носителей сниженных форм языка: коммерческой, уголовной, молодежной. Причем важным стилеобразующим, снижающим средством выступает нарочитая нестандартность.

Интенсивно развиваются полемические формы диалога. Большое распространение получили инвективы. Инвективы, будучи элементами ‘неофициального’ языка, воспринимаются субъектами речи в качестве одной из форм социального протеста, поэтому политическая свобода на бытовом уровне проявилась в психологической готовности публично использовать нецензурную лексику, которая в определенных социальных слоях, а главное в определенных ситуациях, перестала мыслиться как табуированная.

Однако не вызывает сомнений, что главными трансформаторами современного русского политического дискурса выступают экстралингвистические факторы. В разговорном дискурсе употребление инвектив диктуется необходимостью эмоциональной разрядки для субъекта речи. Матерные слова, благодаря своему особому положению в языке, создают при употреблении мощный резонанс, реализуя тем самым экспрессивную функцию.

Язык выражает настроение человека, его отношению к факту, событию. «Ведь язык – это и самое интимное, внутреннее переживание, это жизнь нашего сознания, но это и орудие общения <...> Сам язык – это социальный контроль», – пишет Г. Гусейнов. И далее: «сквернословие – инстинктивный ответ популяции на пустосвятство, на инфляцию высоких слов, на лживость мнимо чистенького общества» [1].

Лингвистический анализ комментариев на политическую информацию в интернете позволил нам выявить способы формирования инвектив.

Агрессивность слова достигается, согласно нашим наблюдениям, использованием словообразовательных элементов, которые придают общеупотребительному слову новое качество, отчетливо выраженное сниженностью. Новые лексемы образуются с явным нарушением традиционных словообразовательных механизмов. Это достигается за счет:

- усеченных слов-обрубков: преза, презик (президент), модер (модератор), Ходор (Ходорковский), едрасы, едирасы, Е-ровцы;
- аффиксов: либераст, либерастия, кремляди, пиаристы (работни-

ки СМИ), журналюга, фашики (фашисты), шедоврастично (отзыв на стих), медалько (медаль), америкосы;

- словосложения: одиночмосы (члены партии «Единая Россия»), медвепутики (поддерживающие Медведева и Путина), пиар-галимотья (на 1 канале), нанопрезидент, нанохандом, Питерстан, олигофрены (заложники олигархии), грантоеды, путизвоны (те, кто пляшет под начальство), Хамсуд (речь идет о Ходорковском), бюджетопилы, ЕвРейчики (члены ЕР), замкадыши (живущие за МКАДом), зомбоящик (телевизор);

- искажения фамилий: Пукин, Гризлик, ПуМе, товарищ Пу;

- орфографического и грамматического искажения слова: дефка, Ебипед (Египед), для людов (все для нас), джедаи (жиды),

- изменения значения лексемы: общак (российский бюджет и природные богатства);

- лингвистического «творчества» читателей: обрыш (о человеке), долбанная власть, похеренная конституция, облохотроненные россияне, забанить его с помощью левых движений, терпилы, чехметься (придется платить за хату), шаристый мужик.

Некоторыми высказываниями можно пополнить словарь политических афоризмов, например: нас дрюкают каждый день; ни капли не шарят ни в чем (члены правительства); наши теоретики всегда думают, как нас облагоденствовать; чиновничья машина несет народу обрицалово; кризис элит, когда не знают, что еще можно украсть.

Приведем некоторые примеры из комментариев на информацию в интернете от 26 марта 2011, 10:55 [«АН-online»]:

Государственная Дума, несмотря на протесты ученых и экспертов, с помощью парламентского большинства «Единой России» ратифицировали договор о передаче Норвегии сектора Баренцева моря с богатейшими биоресурсами и полезными ископаемыми.

Что интересно, ратификация прошла, можно сказать, «под грифом секретно». Впервые за последние годы об этом не сообщили центральные СМИ. Спрашивается, почему?

Комментарии приводятся в том виде, в каком ни были опубликованы.

- Самое страшное, когда дураки чем то руководят, а в нашем случае они еще и мерзские говнючки. Эх, видимо не скоро в России у власти, каким то чудом, окажется настоящий человек. Как надоела эта шолупень!

- Америке – Аляску, Украине – Севастополь, Норвегии – Баренцево море. Еще бы ЕдРо в придачу с правительством, президентом и премьером кому-нибудь втюхать!

- Да потому, что СМИ та же продажная метвепутская шайка!

- Знакомые бабушки не нарадуются Путлеру, мол и пенсию прибавил и жизнь в стране поднял, ай молодца.

- В стране процветает тупизм с одной стороны и дезинформация с другой, – так и профукаем страну.

- ...Но есть некая череда событий последних лет: сдача де-юре части дальнего востока желтым – это факт. Сдача почитай всего дальнего востока желтым – де-факто. Баренцево сдали. Втихаря более 3.000.000 га пахотных земель продали. Юг шантрапа дербанит как хочет. Недра скомуниздили – теперь и северный шельф делать будут с ВР. Значит и тут северные моря скомуниздят <...> Ребята! Вы извиняйте мой репит – не вычитал сразу. Перед Вами неудобняк вышел.

- Даже не сомневаюсь щас какое-нибудь послабление демонстративно сделают и сразу пидрила выйдет и заявит на всю страну да у нас прогресс да у нас экономический рост да мы опять кредиты всем желающим выдаем и все у нас отлично и опять многие обоссутся от радости и надежды, а потом гризли сделает злую морду и скажет вы лентяи вы бездельники и тунеядцы раз не можете в такой великой уруссии хорошо и достойно жить!

- ...Лучше бы Москву продали вместе с кремлем и его начинкой.

- Шлюхи. Наши предки присоединяли к Руси земли, а эти выродки все на распродажу выставили. Утопить их самих в Баренцевом море надо. Слава Руси! Долой едросню!

- Вот те мля и приплыли!

- Дерьмократы.

- Вспыльчивого поца Демона Медведева под суд за измену!!!

- Вот так и прочмокаем державу!

- И все втихаря, типично для едра.

Список литературы

1. Гасан Гусейнов, филолог, участник международного проекта The Future of Russian [Электронный ресурс]. – <http://lenta.ru/conf/guseinov/>

List of literature

1. Gasan Gusejnov, filolog, uchasnik mezhhdunarodnogo proekta The Future of Russian [Jelektronnyj resurs]. – <http://lenta.ru/conf/guseinov/>

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКSIКИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА)

М. В. Казакова

Статья посвящена проблеме взаимоотношения языка и идеологии. В ней рассмотрены основные языковые средства идеологического воздействия на примере языка национал-социализма.

Ключевые слова: язык, идеология, национал-социализм

Являясь важнейшим средством общения людей, язык является также и средством выражения и распространения идеологии.

В силу своей общественной природы он выражает действительность, а действительность в плане духовной культуры теснейшим образом сопряжена с идеологией. Идеология – сердцевина духовной культуры, ее важнейшая часть, дающая культуре историческую и классовую ориентацию. Она представляет собой систему идей, понятий, представлений, выраженных в различных формах общественного сознания (философии, политических взглядах, праве, морали, искусстве, религии). Идеология является отражением общественного бытия в сознании людей, и, раз возникнув, в свою очередь активно воздействует на развитие общества, способствуя ему (прогрессивная идеология) или препятствуя ему.

Идеология оказывает воздействие, только проявляясь материально в форме языка или соответственно в других знаках (например, в произведения искусства). Она должна быть коммуникативна.

По своей природе идеология не может не влиять на язык. Язык, таким образом, является средством идеологического воздействия на его носителей.

При анализе взаимоотношения языка и идеологии особое внимание уделяется отражению идеологии в лексико-семантической системе языка. Ю. Д. Дешериев отмечает, что речь располагает почти неограниченными возможностями выражения идеологической функции [4. С. 232].

Как совершенно правильно подмечает Р. М. Блакар: «Каждый языковой элемент является очень сложным и чувствительным инструмен-

том, на котором играет тот, кто пользуется языком. Таким образом, восприятие и понимание, рождающееся у получателя, зависит от того, как пользуется этим тонким инструментом отправитель» [2. С. 97].

Убедительным примером использования языка как средства воздействия на его носителей является идеология национал-социализма. Манипулируя общественным сознанием, используя обстановку хаоса и неустойчивости гитлеровцы пытались изменить саму систему мышления, логику и моральные критерии цивилизованных народов, в первую очередь немецкого народа.

С психолингвистической и прагматической точек зрения манипуляторство, как одно из средств идеологического воздействия, есть внедрение в сознание адресата информационных установок в режиме пониженного контроля с его стороны, что достигается специфическими типами подачи информации, «упаковкой» в форму высказывания, преподносящегося как заведомо истинное.

Одним из наиболее мощных орудий идеологической борьбы является пропаганда. Она «состоит в планомерном использовании любого средства общения для воздействия на умы и чувства данной группы людей с определенной, имеющей общественное значение целью, военной, экономической или политической» [1. С. 8].

Методы, приемы и формы пропаганды зависят от ориентации на аудиторию, ее социально-психологических характеристик. Наиболее распространенные из них следующие:

1. «Присвоение кличек» («навешивание ярлыков») – прием, рассчитанный на то, чтобы заставить аудиторию сформировать суждение без проверки, принять его на веру. Стремлением пропагандиста является апелляция к чувству ненависти и страха. Отдельным личностям и группам, нациям и расам, вере и идеалам присваиваются «плохие», негативно стереотипизированные, штампованные имена и ярлыки. Например, в нацистской пропаганде: «еврей»-(Jude), «недочеловек»-(Untermensch), «христианин»-(Christ) и т.д.

2. «Сверкающие обобщения» («наведение румян») – этот прием противопоставлен предыдущему. Пропагандист идентифицирует свою программу использованием «положительных» слов, обозначающих «блистательные» идеалы. Прием направлен на то, чтобы принимать идею на веру и одобрять без всякой проверки, Призван возбуждать эмоции и затуманивать мышление. Например: «Третий Рейх»-(Das Dritte Reich), «фюрер»-(Fuehrer), «настоящие германцы»-(echte Germanen).

3. «Перенос» – перевод различных языковых знаков в стереотипизированную систему сознательного, целенаправленного соотношения двух понятий. Его используют, чтобы перенести авторитет и престижность одного объекта на объект, выделенный пропагандистом. Например, удвоенная молния – это угловатая пиктограмма – «руно жизни», входит в образ SS, эсэсовских отрядов, а, будучи символом, связанным с определенным миропониманием, восходит – как спица солнечного колеса – к свастике.

4. «Свои ребята» – используется общественными и политическими деятелями, чтобы завоевать доверие публики, изобразив простого человека. В фашистской Германии в этих целях широко эксплуатировалось слово «народ»-(Volk) («народный канцлер»-Volkskanzler, «человек из народа»-Volksgenosse, «близкий народу»-volksnah и т.д.).

5. «Подтасовывание карт» – прием, в котором пропагандист использует все средства, чтобы завоевать поддержку себе, своей группе, нации, расе, прочей деятельности (например, использование в политических текстах слов из области спорта, медицинских терминов, бытовой терминологии с целью поиронизировать над чем-то или подчеркнуть важность и серьезность проблемы).

6. «Вместе со всеми» – заставить индивидов вести себя, как все, следовать за толпой на основании того, что так поступают все.

7. «Чучело», «Потухший вулкан» – муштрование искусственно созданного, социально малозначимого вопроса (в фашистской Германии – расовый вопрос) [8. С.51-54].

Широко используются при характеристике людей, организаций, событий *стереотипы*. Они до некоторой степени действуют подобно условным рефлексам, т. е. человек, который приучен к стереотипным реакциям, реагирует автоматически на определенную ситуацию.

Стереотипы духовной деятельности человека выражаются с помощью языковых стереотипов, т. е. определенных «нормированных» языковых средств, обозначающих определенные нормативные ситуации разных видов человеческой деятельности. Т. о., люди, события и идеи классифицируются в легко определяемые и узнаваемые категории.

Стереотипизация на вербальном уровне общения есть идеологически обусловленные стандарты. Стереотипы в языковой форме (слово, словосочетание, предложение) – это своего рода материальная оболочка, в пределах которой сосредоточено идеологическое содержание, которое по своим ценностным свойствам может быть как истинным, так и ложным.

Языковые стереотипы относительно самостоятельны. Они возникают в процессе формирования мыслительных стереотипов, но приобретают определенную самостоятельность и влияют, возникнув в свою очередь, на мышление, поскольку языковые выражения долговечнее выраженного ими мыслительного содержания.

Важное место в системе средств идеологической обработки масс занимает *символика*. В символе всегда содержится скрытое сравнение, прослеживается связь с природой, историческими фактами и событиями. Он характеризуется тем, что он не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Однако мотивированность символа не исключает условной связи между ним и обозначаемым им содержанием, т. е. того факта, что прямое значение символа не обнаруживает общих признаков с его символическим значением.

Процесс символизации слова обусловлен спецификой лингвострановедческого контекста, а само слово – символ отражает особенности культуры, истории, традиций и обычаев определенной этнической общности.

Особый интерес представляют имена с общеизвестной энциклопедической информацией, что позволяет использовать их в роли условного знака определенной информации, т. е. в роли символа. К ним относятся *антропонимы* и *топонимы*.

Антропонимы ассоциируются со знаменитыми государственными, политическими деятелями, полководцами, художниками, композиторами, писателями и другими известными людьми.

Использование символов тех или иных понятий опирается на страноведческие фоновые знания носителей языка – «сведения, которыми располагают все члены определенной этнической и языковой общности», и обуславливает возможность декодирования символического смысла [6. С. 56].

Топонимы не являются простыми терминами географической науки, они обладают яркими культурными компонентами в своей семантике. Иногда эти компоненты могут быть выведены из формы наименования (Новгород – новый город), но гораздо чаще наблюдается коннотация историко-социального плана: Хиросима – символ бедствий ядерного взрыва; Нюрнберг – город партсъездов в фашистской Германии; Третий рейх (das Dritte Reich) – обозначение национал-социалистской Германии с 1933 по 1945 годы, но для народов Европы символ агрессивной войны и античеловеческого обращения с людьми, символ горя и страданий.

Вскрыть второй, прагматический план топонима – в этом и состоит лингвострановедческая задача, занимающегося проблемой идеологии в лексико-семантической системе языка.

Широко используется в качестве слов-символов прилагательные, обозначающие цвет. Известным является, например, употребление слова **braun** для **наименования различного рода профашистских тенденций, лиц с нацистским прошлым: das Braunhemd – 1. Коричневая рубашка (форма членов нацистской партии в Германии); 2. Штурмовик, коричневорубашечник.** [9. С. 104].

Часто в качестве символов используются *знаки*. Например, в фашистской Германии древнегерманская руна расцвета и увядания – перевернутый факел – служил символом бренности, заменив в газетных сообщениях о смерти традиционный христианский крест, тогда как в нормальном положении стилизованный факел не только заменял место звездочки в извещениях о рождении, но и нашел применение в штемпелях аптекарей и булочников.

Одним из многочисленных эффективных инструментов политической и идеологической борьбы являются *плакаты и лозунги*. Их цель – сугубо прагматическая – оказать влияние на установки, оценки, мнения и поведение определенных слоев населения.

Одна из отличительных черт плакатного текста – эмоциональность. Для него характерна также запоминаемость, часто рифмованность. Нередко встречаются плакаты в форме риторического вопроса.

В целом язык транспарантного текста тяготеет к устной речи как более эмоциональной по сравнению с письменной и, что особенно важно, форма устной речи облегчает контакт с адресатом, а следовательно, увеличивается сила идеологического воздействия на него. Это средство идеологической борьбы было особенно популярным в фашистской Германии, где наиболее распространенными были лозунги: «*Kanonen statt Butter!*» (Пушки вместо масла!); «*Bis zum letzten Patrone!*» (До последнего патрона!); «*Mit unseren Flaggen zum Sieg!*» (С нашими флагами к победе! – плакат с множеством флагов).

После разгрома фашизма в 1945 году проблема использования языка как средства идеологического воздействия не стала для Германии менее насущной. Образование двух государств: ГДР и ФРГ, дало новый толчок в этом направлении. Принципиальное различие в социально-экономических, политических и культурно-идеологических основах и характере развития обоих государств не могли не отразиться на языке, и, прежде всего на его лексическом составе.

Существенные различия в языке ГДР и ФРГ касаются той части слов из области общественно-политической лексики, в *различном толковании* которых отражается различие идеологий. Это, например, такие слова, как Demokratie (демократия), Moral (мораль), Freiheit (свобода), Recht (права), fortschrittlich (прогрессивный) и т.д.

Дополнительные формы идеологической связанности можно увидеть, если исходить не из языкового выражения, а из внеязыкового предмета, из референта. Часто именно различные языковые выражения с различным значением соотносятся с одним и тем же (идентичным) референтом, так что возникают пары слов и синтагм, которые одинаковы в отношении референта, но *дифференцируют идеологически* в отношении семантического содержания. Например, antifaschistischer Schutzwall (антифашистский защитный вал – ГДР) – Berliner Mauer (Берлинская стена – ФРГ); Heimatvertriebener (изгнанники – ФРГ) – Neubürger (новые граждане – ГДР); Kollektiv (ГДР) – Team (ФРГ) и т. д.

Таким образом, изучение идеологического аспекта семантического анализа общественно-политической лексики помогает глубже проникнуть в сущность слов, почувствовать те нюансы, которые они могут принимать в зависимости от социальной и политической принадлежности говорящего человека или письменного текста.

Список литературы

1. Байков, В. Г. Манипулятивная семантика и контрпропаганда [Текст] / В. Г. Байков // Функционирование языка как средства идеологического воздействия : сб. науч. тр. – Краснодар, 1988.
2. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального воздействия. – М. : Наука, 1987.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е. М.

List of literature

1. Bajkov, V. G. Manipuljativnaja semantika i kontrpropaganda [Tekst] / V. G. Bajkov // Funkcionirovanie jazyka kak sredstva ideologičeskogo vozdejstvija : sb. nauch. tr. – Krasnodar, 1988.
2. Blakar, R. M. Jazyk kak instrument social'noj vlasti [Tekst] / R. M. Blakar // Jazyk i modelirovanie social'nogo vozdejstvija. – M. : Nauka, 1987.
3. Verewagin, E. M. Jazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo [Tekst] / E. M. Vere-

- Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990.
4. Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика: к основам общей теории [Текст] / Ю. Д. Дешериев. – М. : Наука, 1977.
5. Клемперер, В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога [Текст] / В. Клемперер. – М. : Прогресс-Традиция, 1998.
6. Муравлёва, Н. В. Слова-символы как лингвострановедческая проблема [Текст] / Н. В. Муравлёва // Лексические категории. На материале немецкого языка : сб. науч. тр. – Калинин, 1984.
7. Стриженко, А. А. Роль языка в системе средств пропаганды [Текст] / А. А. Стриженко. – Томск : изд-во Томского ун-та, 1980.
8. Стриженко, А. А. Психолингвистические основы социально-ориентированного общения. [Текст] / А. А. Стриженко. – Барнаул, 1981.
9. Немецко-русский словарь/ основной/ [Текст]. – М.: Русский язык, 1993.
- wagin, V. G. Kostomarov. – M. : Russkij jazyk, 1990.
4. Desheriev, Ju. D. Social'naja lingvistika: k osnovam obwey teorii [Tekst] / Ju. D. Desheriev. – M. : Nauka, 1977.
5. Klemperer, V. LTI. Jazyk Tre'tego rejha. Zapisnaja knizhka filologa [Tekst] / V. Klemperer. – M. : Progress-Tradicija, 1998.
6. Muravl'jova, N. V. Slova-simvoly kak lingvostranovedcheskaja problema [Tekst] / N. V. Muravl'jova // Leksicheskie kategorii. Na materiale nemeckogo jazyka : sb. nauch. tr. – Kalinin, 1984.
7. Strizhenko, A. A. Rol' jazyka v sisteme sredstv propagandy [Tekst] / A. A. Strizhenko. – Tomsk : izd-vo Tomskogo un-ta, 1980.
8. Strizhenko, A. A. Psiholingvisticheskie osnovy social'no-orientirovannogo obwenija. [Tekst] / A. A. Strizhenko. – Barnaul, 1981.
9. Nemecko-russkij slovar'/osnovnoj/ [Tekst]. – M.: Russkij jazyk, 1993.

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ МОНОГРАФИИ В. И. ЛЕНИНА
«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»**

С. А. Приходько

В настоящей статье рассматривается проблема прецедентных текстов. В качестве примера используется политический дискурс В. И. Ленина. Эта статья может быть полезна лингвистам, политикам, аспирантам и студентам.

Ключевые слова: дискурс, текст, коммуникативное лидерство, типы лидерства, типы компетенции политика, концепты прецедентных текстов, прецедентные тексты.

В лингвистической науке существует множество вариантов разграничения терминов «дискурс» и «текст». К примеру, ряд специалистов полагает, что дискурс представляет собой явление деятельностное, процессуальное, связанное с реальным речепроизводством, а текст играет роль продукта речепроизводства, имеющего определённую законченную и зафиксированную форму.

В свою очередь, Г. Кук рассматривает дискурс как единство и взаимодействие текста и контекста. Под текстом этот исследователь подразумевает «языковые формы, временно и искусственно с целью анализа изолированные от контекста» [6. С. 1]. Контекст, выступая в самом широком понимании, включает в себя лингвистические, экстралингвистические и прагматические параметры.

Власть в дискурсе непосредственно связана с понятием коммуникативного лидерства. В. В. Богданов раскрывает термин «коммуникативное лидерство» через три типа доминаций, повышающих коммуникативный статус говорящего - энциклопедическую, лингвистическую и интерактивную доминации: «Коммуникативный лидер – это человек, который обладает нетривиальной информацией с точки зрения данной ситуации общения, умеет выразить эту информацию в наилучшей форме и довести ее до сведения адресата посредством оптимального языкового контакта» [1. С. 30]. Более высокий социально-административный статус коммуниканта имеет тенденцию вызывать повышение и его коммуникативного статуса, но из этого вовсе не следует, что лицо, занимающее более высокое

административное положение в обществе, непременно обладает и более высокими энциклопедической, лингвистической и интерактивной компетенциями.

По мнению Е. И. Шейгал, в идеальных условиях социально-административный и коммуникативный типы лидерства должны совпадать: хороший политик обязан быть коммуникативным лидером. Энциклопедическая компетенция политика выражается в глубоком знании и понимании текущей политической ситуации, предшествующих процессов и исторического фона, а также в способности дать адекватное вербальное описание данной предметной области. Кроме того, понятие энциклопедической компетенции политика подразумевает и высокий общекультурный уровень, который в речи проявляется в апелляциях к прецедентным текстам данной культуры.

Лингвистическая компетенция политика, согласно теории Е. И. Шейгал, заключается в использовании престижной формы языка (в полном владении литературной нормой), во владении паремиологическим фондом и образными средствами языка, а также в умении их адекватно использовать.

Интерактивная компетенция политика состоит в соблюдении постулатов общения (с учётом их специфики в политическом дискурсе), а также во владении приёмами фасцинации, которые позволяют установить оптимальный контакт с аудиторией [5. С. 111–112].

Все единицы культуры телеологичны. Они создаются для удовлетворения определённых человеческих потребностей. Новые культурные единицы, по мнению Г. Г. Слышкина, всегда вызваны к жизни какими-либо лакунами в системе уже существующих единиц. Помимо образной, понятийной и ценностной составляющих, в структуру концептов также входят установки и стереотипизированные умения функционального использования концептов в процессе общения [4. С. 17]. При всём многообразии коммуникативного потенциала, свойственного каждому концепту, для любого концепта или тематической концептосферы можно выделить несколько основных функций.

Учёный перечисляет четыре функции, выполняемые концептами прецедентных текстов:

- 1) людическую;
- 2) номинативную;
- 3) парольную;
- 4) персуазивную [4. С. 17].

В своём аргументативном дискурсе В. И. Ленин многократно использовал прецедентные тексты. Для автора «Материализма и эмпириокритицизма» прецедентными текстами являлись и работы его идеологических сторонников (К. Маркса, Ф. Энгельса и т. д.), и творения его политических противников (Р. Авенариуса, Э. Маха и пр.), и различные литературные труды. Выявить причину применения Ильичом прецедентных текстов позволяет обращение к исследованиям Г. Г. Слышкина, в одном из которых он указывает: «Прецедентный текст, как правило, – текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение (иногда поклонение) у носителей языка. Этим обуславливается возможность использования прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения, т. е. апелляция к текстовому концепту в персуазивной функции. Подобное использование прецедентного текста характерно для таких речевых жанров, как спор и дискуссия» [4. С. 18].

Апелляции к концептам прецедентных текстов в номинативной функции редко мотивируются неспособностью автора дискурса выразить свои мысли иначе. Для номинативного употребления текстовых реминисценций характерно наличие сопутствующих оттенков смысла и дополнительных коммуникативных целей. Наиболее часто в их роли, в соответствии с концепцией Г. Г. Слышкина, выступают стремление к экспрессивности, тенденция к экономии языковых средств, ориентировка на эвфемизацию и на построение скрытого диалога с автором прецедентного текста [4. С. 17–18].

Поскольку прецедентные тексты во многих случаях имеют какой-либо культурный авторитет и вызывают к себе уважение или поклонение у носителей языка, концепты прецедентных текстов могут служить для убеждения оппонента в своей точке зрения. Тем самым концепты прецедентных текстов выполняют персуазивную функцию (функцию убеждения) [4. С. 18]. Концепты прецедентных текстов в ленинской аргументации практически во всех случаях выполняют именно персуазивную функцию, поскольку его дискурс, являясь полемичным по своей форме, нацелен на убеждение читающей аудитории в правильности идей материалистов и доказательство ошибочности теорий идеалистов.

Анализ учётных записей литературы, обнаруженной и, как можно предположить, изученной будущим творцом Октябрьской революции, позволяет сделать вывод о том, что В. И. Ленин разделил свои

находки на старые труды и новые работы. Доказательством того, что автор «Материализма и эмпириокритицизма», по меньшей мере, держал в руках эти издания и (или) соответствующие им каталожные карточки, служит следующий факт: помимо выходных данных (авторов, названий, мест выхода в свет, номеров и стоимости изданий, а также количества или номеров страниц), он указывал буквенные и цифровые библиотечные шифры [2. С. 340–342].

Монографию Ильича отличает, тем не менее, следующая особенность: в ней даже не упомянуто большинство тех авторов, с творчеством которых автор ознакомился в процессе работы в Сорбонне. Данный факт свидетельствует о том, что В. И. Ленин не был склонен афишировать, какие именно издания он изучал во французской библиотеке. Возможны и другие варианты. К примеру, создатель «Материализма и эмпириокритицизма» первоначально планировал применить полученную информацию, а затем, в процессе написания своей монографии, передумал. Также можно предположить, что Владимир Ильич не усвоил (или не стремился усваивать) научные тексты. В этом случае он, видимо, решил ограничиться составлением в первой половине 1909 года [2. С. 342] соответствующего списка иностранных трудов.

Очень небольшую часть авторов, с которыми В. И. Ленин познакомился в Сорбоннской библиотеке, он внёс в «Материализм и эмпириокритицизм». Безусловным лидером по количеству упоминаний в монографии является Э. Мах, значительно отстаёт от него Р. Авенариус. Каждый из этих основоположников идеализма упомянут сотни раз. Во много раз меньшей «популярностью» у вождя мирового пролетариата пользовался Л. Больцман, на которого В. И. Ленин сделал ссылки десятки раз [3. С. 105, 285, 308-311, 319]. Вышеприведённые обстоятельства дают право сделать вывод о том, что использование Владимиром Ильичом Лениным прецедентных текстов отличается оригинальностью и разнообразием.

Список литературы

1. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты [Текст] / В. В. Богданов. – Л., 1990. – 88 с.
2. Ленин, В. И. Из книг по естествознанию и философии Сорбоннской

List of literature

1. Bogdanov, V.V. Rechevoe obshchenie: pragmaticheskie i semanticheskie aspekty [Tekst] / V. V. Bogdanov. – L., 1990. – 88 s.
2. Lenin, V. I. Iz knig po estestvoznaniyu i filosofii Sorbonnskoj bib-

- библиотеки [Текст] / Ленин В. И. // *Философские тетради*. – М. : Политиздат, 1978. – С. 340–342.
3. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии [Текст] / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1989. – 508 с.
4. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук [Текст] / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : ВГПУ, 1999. – 20 с.
5. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Е. И. Шейгал. – Волгоград : ВГПУ, 2000. – 431 с.
6. Cook, G. *The Discourse of Advertising* [Текст] / G. Cook. – London; New York : Routledge, 1992. – 250 p.
- lioteki [Tekst] / Lenin V. I. // *Filosofskie tetradi*. – M. : Politizdat, 1978. – S. 340–342.
3. Lenin, V. I. *Materializm i jempiriokriticizm. Kriticheskie zametki ob odnoj reakcionnoj filosofii* [Tekst] / V. I. Lenin. – M. : Politizdat, 1989. – 508 s.
4. Slyshkin, G. G. *Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Tekst] / G. G. Slyshkin. – Volgograd : VGPU, 1999. – 20 s.
5. Shejgal, E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk* [Tekst] / E. I. Shejgal. – Volgograd : VGPU, 2000. – 431 s.
6. Cook, G. *The Discourse of Advertising* [Tekst] / G. Cook. – London; New York : Routledge, 1992. – 250 p.

ЯЗЫК СМИ

КОНЦЕПТ «ГЛАМУР» В ТЕКСТАХ СМИ

В. А. Буряковская

В статье рассматривается концепт «гламур» и его употребление в русской лингвокультуре. Анализ проводится на примере текстов масс-медиа. Рассматриваются наиболее частотные и типичные случаи употребления лексемы «гламур», выявляются положительные и отрицательные маркеры. В статье также указывается на семантические возможности лексемы с точки зрения богатого ассоциативного потенциала лексического значения.

Ключевые слова: концепт, лексема, понятийная группа, ассоциативный потенциал, манипулирование массовым сознанием, картина мира, лексическая сочетаемость, газетный заголовок.

Проблема воздействия языка на человека, его способ мышления и его поведение, напрямую связана со средствами массовой коммуникации. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль его коммуникативного поведения.

Появившись вначале как чисто технические способы фиксации, трансляции, консервации, тиражирования информации и художественной продукции, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание. Современная эпоха – это эпоха, прежде всего, информации. Согласно мнению философа Э. Тоффлера, мы являемся свидетелями возникновения нового типа цивилизации – цивилизации, в основу которой положена информация [5. С. 132]. Глобализация предполагает еще больший уровень информатизации, централизации управляемости. Тот, кто владеет информацией, тот владеет общественным сознанием, так как информация имеет решающее значение в области управления общественным сознанием. Степень влияния СМИ на общественное сознание сегодня необычайно велика. Специфика дискурсивной деятельности в условиях массовой коммуникации зачастую сводится к манипуляции, к заранее планируемой реакции адресата, сознательному иска-

жению информации. Все это свидетельствуют о становлении новой функции самого языка – функции управления поведением огромных масс людей и манипулирования их сознанием.

Потребление информации, особенно молодой частью населения, возрастает в последние годы стремительными темпами. Количество ее становится все большим, а потребление неразборчивым. Человеку становится все труднее усвоить, систематизировать и осознать весь объем получаемой информации. С учетом этого СМИ используют разнообразие информационные клише, цель которых – рационализация воздействия на потребителя и достижение максимального эффекта. В этой связи необходимо подчеркнуть, что общая прагматическая направленность и общая структурно-смысловая организация текстов СМИ, существование особой стратегии по их созданию, способствуют сближению языка массовой коммуникации на интернациональном уровне и делает дискурс СМИ все более глобалистским.

Мы считаем, что сегодня для дискурса СМИ характерны следующие черты:

- 1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации в СМИ (появление новых типов дискурса, новых форм общения);
- 2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ;
- 3) демократизация публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;
- 4) следование речевой моде;
- 5) «американизация» языка СМИ.

Картина мира современного россиянина претерпела значительные изменения за последние 30 лет. В немалой степени этому способствовали СМИ. В нашем сознании появились новые понятия, образы, картинки. Мы стали использовать новые слова. К таким словам и понятиям относится концепт «гламур». Так как концепт как ментальное образование маркируется лингвокультурной спецификой, то отношение носителей культуры распадается на осознание и неосознание, а в случае осознания – на одобрение, безразличие и неприятие. Неприятие чужих концептов может выражаться широким спектром отношений – активное противоборство, высмеивание, мягкий юмор, игнорирование [3. С. 184].

К концу 90-х годов XX века лексема «гламур» стала постепенно просачиваться в СМИ. Газета «Аргументы и факты» впервые осто-

рожно использует ее в своей статье: «Среди прекрасной половины наших звезд самой стильной признана Анжелика Варум. У нее есть то, что французы называют «гламур», что на русский язык переводится (весьма приблизительно) как «шик, элегантность, обаяние» и чему невозможно научиться. На январском «Музыкальном ринге» она за 20 минут успела сменить три туалета, и все три смотрелись шикарно: и костюм с широкими ниспадающими брюками – последний писк сезона, и клеенчатый блузон с прикольными широкими брюками на обручах...». В заголовках лексему «гламур» впервые в своих статьях употребили в 2001 году такие газеты, как «Коммерсант» – «*Гламур повседневности*», «Ведомости» – «*Гламур и Психея*». Автор статьи «Гламур повседневности» Игорь Гребельников описывает открытие в Москве выставки модного французского фотографа Робера Дуано. В статье употребляется сочетание *гламурная фотография*, которое в данном случае означает ‘красивое, нестандартное видение обычных вещей: «Для поклонников гламурной фотографии его работы – напоминание о неподдельной чувственности, для репортеров – урок филигранной симуляции действительности». Этот пример является хорошей иллюстрацией того, как в русском языке началось восприятие «гламура» по сравнению с английским, в котором сочетания *гламурная фотография* и *гламурная фотомодель* отсылают, прежде всего, к определенному жанру эротической фотографии, но в русском языке это, как видно из примера, стало не обязательным. Также, здесь мы можем видеть расхождение понятийных сторон формирующегося концепта на такие, как ‘что-то яркое, выделяющееся’ – «*неподдельная чувственность*» и ‘ненастоящее, поддельное’ – «*симуляция действительности*», причем на этом этапе второе значение имеет пока положительную коннотацию, так как эта «симуляция» является «*филигранной*», т.е. ‘утонченной, профессионально-оформленной’.

Среди заголовков газет мелькают фразы: «*Как мода стала идеологией*», «*Хорошо переваренный гламур*», «*Тувинский гламур*», «*Глянец – это маленький гламур*», «*Гламур на Охотном ряду*», «*Гламур вместо политики*», «*Приторная жизнь*». Все они объединены общей идеей, что «гламур» в современной России воспринимается как ‘показное и безоглядное потребление’. Поэтому в русской коннотации это понятие стало иметь «критический» подтекст, так как оно отчасти стало термином-символом тех внешних форматов поведения «первого поколения» публичных персонажей, которые фактически являются подражателями западным моделям. Анализ слов, исполь-

зуемых журналистами в заголовках, по мнению С. Г. Михейкиной, позволяет обнаружить языковой пласт, не привлекавшийся ранее к исследованию в ассоциативных и частотных словарях, но пользующийся популярностью в речевой практике носителей русского языка [1. С. 126–127]. Таким образом «гламур», появляющийся на страницах печати уже 10 лет, расширяет потенциал лексической сочетаемости, расширяет способы реализации своей семантики и используется для привлечения читательского внимания.

Не менее важным фактом, способствующим формированию отношения к данному концепту, послужила статья Т. Н. Толстой «Я планов наших люблю гламурье». Известная писательница обращает внимание читателей на популяризацию новых ценностей и выступает с критикой «чистого гламура», как повсеместно навязывающейся идеологии. В своем эссе автор отмечает: «Гламур – высшее, разреженное, лучистое, эфирное, запредельное состояние бытия. В гламуре гражданин – а тем более гражданка – уж не сеет, не жнет, не собирает в житницы. Все в ней гармония, все диво. В гламуре нет ни прыщей, ни вросших ногтей, ни кишечных коликов, ни заусениц, ни храпа: все это преодолено на более ранней стадии развития, на полпути превращения из свиньи в серафима, в малом глянце, в журналах «для секретарш». В гламуре нет заплаканных глаз, хлюпающего носа, уныния, отчаяния, наплевательства, ответственности, тревоги за родственников. Наконец, нет смерти, в лучшем случае – «неумирающая легенда». Гламурное существо – молодое, худое, извилистое, как правило, женского рода. Рожденное без родителей, оно мерцает на фоне безликих, но многочисленных «друзей», изредка имеет изящное гламурное дитя возрастом не более трех лет, которое неизвестно кто воспитывает. Оно не нуждается в деньгах, не берет и не дает в долг; источник его богатства неясен, но, очевидно, неистощим».

Выражение концепта представляет собой всю совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание [3. С. 91]. Рассмотрим языковую сторону концепта «гламур».

В современном английском языке лексема *glamour* представлена в Cambridge Advanced Learner's Dictionary и Merriam-Webster's Dictionary следующими языковыми единицами:

glamour – the special exciting and attractive quality of a person, place or activity. *Who can resist the glamour of Hollywood?*

glamour – 1 a magic spell. *the girls appeared to be under a glamour;*

2 an exciting and often illusory and romantic attractiveness; especially alluring or fascinating attraction — often used attributively. *glamour stock, glamour girls*.

Первая словарная фиксация лексемы «гламур» появилась в 2005 году в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина:

Гламур, а, мн. нет, м. [англ. *glamour* обаяние, чары; роскошь, шик <фр. *glamour* обаяние, привлекательность >]. Внешний блеск (в одежде, украшениях, косметике и т.п.), внешняя привлекательность.

Гламурный – внешне привлекательный, шикарный (преимущественно о женщинах)» [4. С. 208].

Что же касается прилагательного «гламурный», то оно имеет более ранние сроки словарной фиксации. В частности, «гламурный» впервые появляется в «Словаре иностранных слов» Н. Г. Комлева в 2000 году, а затем в 2003 году в «Новом словаре иноязычных слов» под редакцией Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комаровой и И. В. Нечаевой.

Электронная база сайта www.park.ru, который предоставляет услуги мониторинга и контент-анализа СМИ, предлагает вниманию 234 страницы ссылок на «гламур» в средствах массовой информации. Только среди выпусков газеты «Коммерсант» в период с 1 апреля 2001 года по 9 мая 2010 года насчитывается 300 статей, включающих в себя данную лексему, с периодичностью выхода 1-2 месяца. Анализ языковых единиц «гламур», «гламурный» показал, что самым частотным заголовком со словом «гламур» является «*Полный гламур*». Кроме этого, распространена конструкция ‘гламур + имя существительное в предложном падеже’: «*Гламур в стразах и дырках*», «*Гламур в избушке*»; и синтаксическая конструкция ‘гламур – это...’: «*Гламур – это вредно*», «*Гламур и глянец – это мир тотальной несвободы*», «*Гламур – это смерть*».

Пик популярности использования данной лексемы среди заголовков газетных статей приходится на 2007–2008 годы. К этому времени российский шоу-бизнес находится на пике своей «гламурной» жизни. Миллиардер Роман Абрамович уже купил английский футбольный клуб «Челси», Куршевель стал местом встреч всего отечественного бомонда, открылась «Барвиха Luxury Village» – подмосковная деревенька роскоши, по телевидению с успехом идут сериалы «Моя прекрасная няня» и «Секс в большом городе». Именно в этот период среди средств массовой информации начинается открытая конфронтация сторонников «гламура» и его противников, последователей так называемого «антигламура».

Такое внимание средств печати к данной проблеме позволяет наиболее полно обнажить скрытый потенциал лексической сочетаемости данного слова с точки зрения его функционирования в языке СМИ. Судя по публикациям того периода, «гламур» чаще всего выступает в сочетаниях со следующими словами: *безобразный, белый, в извращенной форме, всесильный и победительный, душеспасительный, коричневый, крутой, литературный, мертвый, многопудовый, московский, натуральный, остросоциальный, под взбитыми сливками, по-деревенски, под копирку, подозрительный, полный, российский, русский, свежий, сдержанный, скромный, с мужским лицом, спортивный, столичный, ТАТУированный, театральный, термоядерный, уездный, уличный, хоккейный, хорошо переваренный, цветочный* [1. С. 126–127].

В число других соединений также входят: *гламурный журнал, гламурное фото, гламурная модель, выездной гламур, гламурный фашизм (марксизм), гламурная партия, служители гламура, идеология гламура, система гламуризации, тотальность гламура, хищная пустота гламура, большой гламурный обман*. Таким образом, исследование данных дистрибутивных характеристик анализируемого концепта позволяет отметить расширение валентных возможностей слов с корнем «гламур».

Анализ словоупотреблений с корнем «гламур» дал возможность выделить такие дериваты: *гламурный, антигламурный, контргламурный, ультрагламурный, гламурно-глянцевый (журнал, обозреватель), гламурно-коммерческая (среда), стильно-гламурный (антураж), антигламур, гламурность, негламурность, гламурно, гламурненько, гламуризация, гламурье, прагламур, арт-гламур, ретро-гламур, треш-гламур, карго-гламур, диско-гламур, гламур-блеск, гламурище, гламуриянин, гламуриянка, гламурищик, приглагомурить, гламуричить, выглагомуриваться*. Развитие родственных слов ключевой леммы чаще всего происходит в разговорной речи. Причем, главным образом развивается ассоциативный потенциал значения – появляются такие признаки, как *ненатуральной, неестественный, поддельный, скопированный, мнимый*. В этом случае, мы можем видеть яркое проявление русской ментальности, когда вместо блеска и элегантности репрезентируется чрезмерная фальшь и конъюнктурность, что дает нам наиболее четкое представление об объективации изучаемого концепта в русской лингвокультуре.

Анализ сочетаемости языковой единицы «гламур» в текстах СМИ позволяет выделить следующие **понятийные группы**:

- что-то поддельное, ненастоящее, неприятное (*безобразный, мертвый, под копирку, подозрительный, хорошо переваренный*);
- затрагивающее определенную область или сферу деятельности (*литературный, театральный, спортивный, хоккейный*);
- характерный для жителя конкретного населенного пункта или сам пункт (*московский, российский, русский, уездный, уличный, столичный*);
- перенасыщенное или выделяющееся каким-либо признаком (*белый, крутой, под взбитыми сливками, цветочный, свежий, натуральный*).

Таким образом, анализ выявил, что лексема «гламур» обладает широким ассоциативным потенциалом, что способствует ее активному использованию в речи, в том числе в текстах СМИ, которые всячески популяризируют данный концепт.

Как справедливо отмечает С. Г. Михейкина, укрепление концепта «гламур» свидетельствует о постепенном развитии клипового мышления сначала среди продвинутой молодежи и активных участников светских тусовок, а затем, посредством масс-медиа, о переходе в одну из основных идеологий современной молодежи вообще [2. С. 33]. Развитие клипового мышления, в свою очередь, является одним из признаков смены ценностных приоритетов. Так как исследуемый нами концепт вошел в русскую лингвокультуру сравнительно недавно, то к числу дискуссионных можно отнести вопрос о том, может ли данное изменение ценностных приоритетов являться показателем изменения картины мира, изменения ее культурно-значимых социопсихических образований в русском коллективном сознании. Если мы рассматриваем вопрос изменения ценностных приоритетов в картине мира и связанный с этим процесс активной концептуализации и объективизации понятия «гламур», то появление и развитие масс-медиа играет одну из существенных ролей в этом процессе. Прежнее культурное достояние общества и индивида утрачивает свое значение, даже базовая система образования, принятая в обществе, также перестает играть прежнюю роль. Для молодого человека сегодня гораздо большее значение имеет не сумма знаний, получаемых в семье, школе или университете, а то, что он услышит по радио, увидит по телевизору или в кино, прочитает в Интернете, газете или модном журнале. В результате прежняя более или менее целостная система

знаний и ценностей заменяется набором переменчивых установок, на которые постоянно воздействует масс-медиа.

Таким образом, данный концепт приобретает следующую коннотацию – создание красивого, обворожительного, но во многом недостижимого для большинства населения образа жизни и стиля поведения в обществе, стремление к которому и объявляется главным и единственным смыслом человеческого существования. «Гламурный» человек пытается донести до других мысль о том, что он имеет доступ к гораздо более престижному потреблению, чем про него могли подумать. Одновременно с этим он старается объяснить окружающим, что их тип потребления гораздо менее престижен, чем они имели наивность думать. В свою очередь, в обществе наблюдается тенденция противодействовать «гламуру». Подводя итог всему вышесказанному, мы полагаем, что концепт «гламур» – биполярен. Ассоциативные признаки, которые выявляются у данного концепта, могут быть как положительно, так и отрицательно маркированы, причем разброс эмоциональных оценок концепта достаточно велик – от резко негативной до явно восторженной.

Список литературы

1. Михайкина, С. Г. “Полный гламур” [Текст] / С. Г. Михайкина // Русская речь. – 2009. – № 1. – С. 126–127.
2. Михайкина, С. Г. Языковые парадоксы нашего времени [Текст] / С. Г. Михайкина // Русская речь. – 2010. – № 5. – С. 33–35.
3. Карасик, В. И. Языковые ключи [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
4. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – 2-е изд., доп. – М. : Рус. яз., 2000. – 856 с.
5. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2008. – 560 с.

List of literature

1. Mihejkina, S. G. “Polnyj glamur” [Tekst] / S. G. Mihejkina // Russkaja rech'. – 2009. – № 1. – S. 126–127.
2. Mihejkina, S. G. Jazykovye paradoksy nashego vremeni [Tekst] / S. G. Mihejkina // Russkaja rech'. – 2010. – № 5. – S. 33–35.
3. Karasik, V. I. Jazykovye kljuchi [Tekst] / V. I. Karasik. – Volgograd : Paradigma, 2007. – 520 s.
4. Krysin, L. P. Tolkovyj slovar' inozjazychnyh slov [Tekst] / L. P. Krysin. – 2-e izd., dop. – M. : Rus. jaz., 2000. – 856 s.
5. Toffler, Je. Shok buduwego [Tekst] / Je. Toffler. – Moskva : AST, 2008. – 560 s.

**СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ОФИЦИАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГЕМ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Е. В. Каблуков

В статье показано, что официальные идеологиемы как компоненты государственной идеологии функционируют в трех контекстах – официальном, критическом и коммерческом. Первый предполагает использование официальной идеологема в ее первоначальном значении. В коммерческий контекст официальные идеологиемы вовлекаются коммерческими компаниями для получения прибыли. Попадая в критический контекст, идеологема теряет свое первоначальное значение и используется свободно, в т. ч. подвергается критике.

Ключевые слова: идеология, идеологема, медиадискурс, модернизация, инновация, нано.

Изучение идеологии, а также идеологем как ее компонентов, является сегодня достаточно популярным направлением лингвистики [см.: 1; 3; 4; 5; 7; 9; 10 и др.]. Традиционным материалом для таких исследований служит дискурс массмедиа. Мы рассмотрим, как функционируют некоторые официальные идеологиемы в современном российском медиадискурсе (медиадискурс понимается широко и включает не только дискурс традиционных и официально зарегистрированных СМИ, но и все публичное пространство интернета).

Под идеологемой мы вслед за Н. А. Купиной понимаем «вербально выраженную политическую или политизированную идею» [2. С. 518; 5. С. 182-183] и исходим из того, что существуют, скажем так, официальные идеологиемы как компоненты официальной (государственной) идеологии, а также неофициальные, т. е. такие, которые формируются и функционируют без поддержки государства.

Итак, в качестве примера для анализа возьмем современные российские официальные идеологиемы «модернизация», «инновация» и «нано», специфика функционирования которых зависит от контекста. Можно выделить три типа контекстов – официальный, критический и коммерческий.

Официальный контекст предполагает использование официальной идеологема в ее первоначальном значении – в качестве едини-

цы, формирующей и поддерживающей государственную идеологию. Лучший пример здесь, пожалуй, – выступления высших должностных лиц государства:

*Называя пять приоритетов технологического развития, предлагая конкретные направления **модернизации** политической системы, меры по укреплению судебной власти и противодействию коррупции, я исхожу из моих представлений о будущем России <...> Впечатляющие показатели двух величайших в истории страны **модернизаций** – петровской (имперской) и советской – оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников. Не нам судить наших предков. Но нельзя не признать, что сохранение человеческой жизни не было, мягко скажем, в те годы для государства приоритетом <...> **Модернизация** российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества [здесь и далее выделено нами. – Е. К.] (Дмитрий Медведев. 10.09.2009. URL: <http://президент.рф/transcripts/5413>).*

Это фрагменты из программной статьи Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» Именно такие тексты служат источниками идеологии, в них формируются новые идеологемы и переосмыслиются старые. Приведенный пример показывает, как лексема «модернизация» наполняется новым идеологическим содержанием. Естественно, слова президента активно цитируют и обсуждают как политики, так и журналисты, что приводит к распространению его идей, концентрированным выражением которых становятся идеологемы. Благодатной почвой для функционирования таких идеологем становятся выступления чиновников и политиков, поддерживающих линию президента:

*Э.Набиуллина: Для всех очевидно, что реализация поставленных задач по **модернизации** инноваций невозможна в замкнутом регионе, в замкнутой стране, и мы должны работать в широкой кооперации <...>*

*С.Лавров: Мы – Министерство иностранных дел – всемерно содействуем формированию благоприятной внешнеполитической среды. Это наша главная задача, главный вклад, я думаю, в решение поставленных задач в сфере **модернизации** (URL: <http://президент.рф/выступления/8110>).*

Массмедиа, с одной стороны, тиражируют подобные выступления, тем самым пропагандируя содержащиеся в них идеи:

*Главное – это призыв объединиться и действовать. Начать на практике решать стоящие перед нами стратегические задачи **модернизации** экономики, эффективности государства, повышения качества жизни в России, процветания и конкурентоспособности нашей страны <...> И старт этой задачи – наиболее очевидный тест на готовность всего общества, всех граждан участвовать в **модернизации** страны <...> Дебюрокрализация должна стать **первейшей** задачей модернизации страны <...> **Модернизация** страны, поставленная на службу человеку. Гуманная политическая система. Достойные условия жизни. И экономика, государственная система, общественные институты, правоохранительная система – все должно работать на интересы человека (Юрий Лужков. Россия, действуй! // Российская газета – Столичный выпуск. 14.09.2009).*

С другой стороны, журналисты анализируют, интерпретируют выступления чиновников и политиков. Тогда официальные идеологемы звучат из уст самих журналистов:

*Дмитрий Медведев для подготовки очередного Послания использовал новый подход. Прежде всего статей «Россия, вперед!», опубликованной в начале сентября, глава государства обозначил общую концепцию будущего выступления, которая исходит из стратегического видения стоящей минимум на ближайшее десятилетие перед страной задачи – задачи **модернизации** (Владимир Кузьмин. Послания к Посланию // Российская газета. 12.11.2009).*

Мы посмотрели, как идеологема рождается и функционирует в официальном контексте. Однако даже государственные и официозные СМИ в современной России склонны представлять различные точки зрения по поводу высказываний президента и высших должностных лиц страны. В результате в журналистских материалах формируется критический контекст, в который попадают и официальные идеологемы:

*Чтобы **модернизация** пошла, нужно предоставить максимум социально-бытового комфорта (а значит – свободы!) личности, обеспечить свободу и защиту собственности и вместе с тем не дать обрушиться – на голову тех же «свободных личностей» – всю государственно-политическую конструкцию, а значит, нужно сдерживать «свободно-политический разлив», чтобы не повторить 1989-1991 годы... Но может ли бюрократия, «удерживая*

Систему», одновременно давать личную и экономическую свободу?» (Леонид Радзиховский. Полеты во сне и наяву // Российская газета. 17.11.2009).

Автор материала политолог Леонид Радзиховский высказывает сомнения в возможности модернизации, к которой призвал президент страны. Естественно, подобные сомнения можно встретить и на страницах независимых газет:

Стоит ли удивляться тому, что правящая элита порождает оксюмороны вроде «консервативной модернизации»? Если сложить хорошее с хорошим, дурного не получится никогда. Что бы мы ни строили, получается пулемет. Какую бы партию ни создавали, получается КПСС. Как бы ни били себя в грудь, готовы быть униженными и зависимыми. Сколько бы ни требовали «контроля», уповаем на совесть тех, кто нами управляет. И – довольны собой (Станислав Минин. Нравиться самим себе // Независимая газета. 19.01.2011).

Модернизацией теперь будут называть все подряд. У нас появятся модернизация часовых поясов, модернизация мышления единороссов и даже модернизация сортиров с целью более эффективного мочения засидевшихся в них террористов. Появится лозунг: «Начни модернизацию с себя!» Неприятных людей (особенно тех, кто не вернул нам одолженную до получки сотню) мы станем называть противниками модернизации. А стремление догнать уходящий от остановки автобус будет интерпретировано не иначе как «догоняющая модернизация» (Дмитрий Травин. Модернизация по Медведеву и по науке // Новая газета в Санкт-Петербурге. 17-20.12.2009).

Из приведенных примеров видно, что журналисты подвергают критике официальные идеологемы. Для этого используются и юмор, и стеб [подробнее о стебе см.: 8].

Юмор традиционно используется для противостояния официальной идеологии. Н. А. Купина показывает, что анекдоты были одним из средств «языкового сопротивления» в Советском Союзе [3]. Они разрушали содержание официальных идеологем и противостояли государственной идеологии, однако, разумеется, были вытеснены из публичной сферы (по крайней мере, в период тоталитаризма). Интересно, что официальные идеологемы подвергаются высмеиванию и в современных анекдотах, которые, в отличие от своих предшественников, попадают в пространство медиадискурса:

Модернизация – это практически новая российская религия. Она, как Бог, – никто не видел, но все говорят, что есть; Быстрее всего в России проходит модернизация цен на продукты питания (цит. по: Юлия Садовская. Политические анекдоты на службе оппозиции // Независимая газета. 01.02.2011).

Таким образом, попадая в критический контекст, идеологема теряет свое «сакральное» значение и используется свободно, в т. ч. подвергается критике, обыгрывается, высмеивается, в результате чего происходит девальвация идеологического содержания и даже изменение оценки на противоположную.

Третий контекст – коммерческий – рассмотрим на примере идеологом «инновация» и «нано» (как часть сложных слов, которые благодаря данному компоненту приобретают идеологическое содержание). Показательно, что эти популярные сегодня языковые единицы не находят отражения в Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [6]. «Инновация» и «нано» стали общеупотребительными совсем недавно, после того, как наполнились идеологическим содержанием и в качестве официальных идеологом были растиражированы чиновниками, политиками и журналистами посредством массмедиа.

Коммерческий контекст предполагает использование официальных идеологом в коммерческих целях, т.е. для получения прибыли. Речь идет, прежде всего, о рекламных материалах и текстах, реализующих PR-задачи:

***NANO PHARM** – это инновационная линия средств по уходу за волосами, содержащая **наночастицы Железа, Цинка и Меди**. Благодаря высоким **нанотехнологиям** впервые удалось соединить самые важные элементы для здоровья и красоты волос. Размер биологически активных компонентов, настолько мал, что позволяет беспрепятственно проникать в глубокие слои эпидермиса и глубоко в структуру волоса (URL: <http://www.nano-pharm.ru/>).*

*Компания БизнесНефтеХим является официальным диллером компании «Максит» – мирового лидера в производстве строительной химии. Компания осуществляет оптовые продажи строительных материалов торговых марок Ветонит (растворы, бетоны, шпаклевки), Серпо (фасадные материалы), Дайтерманн (материалы для гидроизоляции). Предлагаемые материалы являются на сегодняшний момент **инновационными** продуктами, наиболее технологичными для выполнения различного рода работ в рамках их назначения (URL: <http://bnh-stroy.fis.ru/>).*

Как видно из приведенных примеров, коммерческие структуры используют государственную идеологию в своих целях. Они устанавливают связь между своими продуктами и популярными идеологиями. В результате коммерческая реклама усиливается государственной пропагандой, что облегчает продвижение данных продуктов и обеспечивает спрос на них. Однако такое использование может дискредитировать официальные идеологии, например, в тех случаях, когда продукт не соответствует заявленным свойствам и ожиданиям потребителей. Вот почему представители государства стремятся отмежеваться от паразитирующих на официальной идеологии компаний и их продуктов:

Первый вице-премьер Сергей Иванов посоветовал гражданам России не доверять телерекламе со словом «нано». Как сообщил С. Иванов на заседании правительственного совета по нанотехнологиям, в последнее время на телевидении началась реклама продукции с использованием слова «нано»: антикоррозийные материалы под названием «наноцинк», парфюмерная продукция «нанокрем». По словам первого вице-преьера, «ушлые торговцы и рекламодатели, ухватившись за популярное слово, по существу, уже начали душить народ» (РосБизнесКонсалтинг. 18.12.2007).

Итак, мы выделили три контекста, в которых функционируют официальные идеологии. Однако не следует забывать о том, что языковая единица, соответствующая официальной идеологии (как правило, лексема), может использоваться в своем первоначальном, «словарном» значении и не связываться с каким бы то ни было идеологическим содержанием:

Это означало, что военному ведомству придется отказаться от ряда проектов, в том числе от строительства новых авианосцев. Но как же быть со священной коровой британской стратегии – подводными лодками с ядерными ракетами «Трайидент»? Они стареют и требуют модернизации. Но кризис показал, что денег на это нет. Вчера, как сообщила британская печать, правительство приняло решение создать независимую комиссию, которой предстоит представить доклад кабинету к 2015 году о том, что делать с «Трайидентами» (Владимир Скосырев. Англия решает, сохранять ли ядерное оружие // Независимая газета. 10.02.2011).

Миниатюризация нанозлектроники достигла таких масштабов, что на поведении битов информации начинает сказываться эффект квантовых взаимодействий. Ученые давно мечтают об-

ратить этот «недостаток» в преимущество, используя для построения компьютеров не электроны, а их спины, или магнитные моменты (Александр Спиринов. Меньше, чем нано // Независимая газета. 09.02.2011).

На наш взгляд, представленные фрагменты не нацелены на актуализацию идеологического содержания лексем «модернизация» и «нанoeлектроника», однако следует признать, что в более широком контексте медиадискурса они могут приобретать ту или иную идеологическую направленность и участвовать, например, в пропаганде государственной идеологии.

В заключение отметим, что в одном тексте одна и та же идеология может быть использована в разных контекстах, например, в официальном и критическом. Особенно это свойственно журналистским материалам, в которых представлены различные – часто противоположные – идеологические позиции.

Список литературы

1. Гусейнов, Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х [Текст] / Г.Ч.Гусейнов. – М. : Три квадрата, 2003. – 272 с.
2. Купина, Н. А. Тоталитарные мифологемы в речевом пространстве уральского города [Текст] / Н.А.Купина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 516–534.
3. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции [Текст] / Н.А.Купина. – Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.
4. Купина, Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры [Текст] / Н.А.Купина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 176 с.

List of literature

1. Gusejnov, G. Ch. Sovetskie ideologemy v rusском diskurse 1990-h [Tekst] / G.Ch.Gusejnov. – M. : Tri kvadrata, 2003. – 272 s.
2. Kupina, N. A. Totalitarnye mifologemy v rechevom prostranstve ural'skogo goroda [Tekst] / N.A.Kupina // Jazyk vrazhdy i jazyk soglasija v sociokul'turnom kontekste sovremennosti. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2006. – S. 516–534.
3. Kupina, N. A. Totalitarnyj jazyk: Slovar' i rechevye reakcii [Tekst] / N.A.Kupina. – Ekaterinburg ; Perm' : Izd-vo Ural. un-ta, 1995. – 144 s.
4. Kupina, N. A. Jazykovoe soprotivlenie v kontekste totalitarnoj kul'tury [Tekst] / N.A.Kupina. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1999. – 176 s.

5. Kupina, N. A. Jazykovoe stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem [Tekst] / N. A. Kupina // Russkij jazyk segodnja. – M.: Azbukovnik, 2000. – S. 182–189.
6. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M.: Azbukovnik, 1999. – 944 s.
7. Piontek, B. Ideologema kak rechevaja leksicheskaja edinica obwestvenno-politicheskogo diskursa i kak koncept obwestvenno go soznanija sovremennoj jazyko voj lichnosti v Rossii i Pol'she [Tekst] / B.Piontek // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2010. – № 1. – S. 85–95.
8. Solganik, G. Ja. O jazyke i stile gazety [Tekst] / G. Ja.Solganik // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М. Н. Володиной. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 261–268.
9. Epstein, M. Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology [Tekst] / M.Epstein. 1991 [электронный ресурс]. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/ideolanguage1.html>.
10. Van, Dijk T. A. Discourse analysis as ideology analysis [Tekst] / T. A.Van Dijk // Language and Peace. Aldershot: Dartmouth Publishin, 1995. – P. 17–33.
5. Kupina, N. A. Jazykovoe stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem [Tekst] / N. A. Kupina // Russkij jazyk segodnja. – M.: Azbukovnik, 2000. – S. 182–189.
6. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M.: Azbukovnik, 1999. – 944 s.
7. Piontek, B. Ideologema kak rechevaja leksicheskaja edinica obwestvenno-politicheskogo diskursa i kak koncept obwestvenno go soznanija sovremennoj jazyko voj lichnosti v Rossii i Pol'she [Tekst] / B.Piontek // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2010. – № 1. – S. 85–95.
8. Solganik, G. Ja. O jazyke i stile gazety [Tekst] / G. Ja.Solganik // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М. Н. Володиной. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 261–268.
9. Epstein, M. Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology [Tekst] / M.Epstein. 1991 [электронный ресурс]. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/ideolanguage1.html>.
10. Van, Dijk T. A. Discourse analysis as ideology analysis [Tekst] / T. A.Van Dijk // Language and Peace. Aldershot: Dartmouth Publishin, 1995. – P. 17–33.

**ДВУЯЗЫЧИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ
МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ**

Л. В. Прошак

Статья раскрывает понятие «двуязычие». Особое внимание в работе автор концентрирует на том, что с помощью универсума языка будет создана, по сути, новая концепция значения языковых и ценностных «норм».

Ключевые слова: медиафилософия, двуязычие, деконструкция, миф, кальки.

Медиафилософия вынуждена заниматься анализом языка, как традиционного инструмента масс-медиа, создавая, по сути, новую концепцию значения языковых «норм», если подразумевать под последними попытку масс-медиа подчинить себе другие языковые практики. Впрочем, нормы эти, как и любые другие правила, являются выражением тоталитарных тенденций, но имеют силу лишь в том случае, если нормы (правила) принимаются.

Таким образом, *язык и сам по себе реальность*. Но является ли язык границей мышления в медиареальности, где виртуальный образ красноречивее всяких слов? Безусловно, да, потому что мышление вне языка – бессмыслица.

Лингвистический, семиотический поворот — вот предтеча деконструкции (определение В. А. Кутырева [4]). На этой основе и после него решается «основной вопрос философии», снимаются противоречия, веками мучившие человеческий дух и являвшиеся источником его восхождения к вершинам мысли. Язык – это субстанция, воплощающая в себе тождество бытия и мышления. Язык тождественен миру, он – «наше все». Мы живем в универсуме языка [2].

Но это уже не столько письмо, сколько речь, с помощью которой человек (возможно, только мысленно) интерпретирует свое отношение к медиареальности, а опосредованно, через нее, и к реальности. Собственно говоря, медиаактор конструирует медиареальность, которая в свою очередь реконструирует реальность, а человек, интерпретируя образы, занят ни чем иным как *деконструкцией*. Он вы-

нужден препарировать их структуру на части, известные и понятные ему лично. По сути, он ищет заменители образов в соответствии с тем, что сумел в них усмотреть.

Еще в 90-е годы западный масс-медийный секонд-хенд получил в России свою третью жизнь. Первую жизнь вся эта продукция прожила у себя на родине. Вторую жизнь ей отчасти даровали «кальки», заполнившие российское медиaprостранство мифом о гаджетах и красивой жизни, которая ассоциировалась с англоязычной фразой LIFE STYLE.

Это потребовало от национального самосознания некоего двуязычия в буквальном и переносном смысле этого слова. Английский язык из средства делового общения стал превращаться в язык символов гламура (дежавю: Россия проходила это не однажды, пытаясь говорить то по-немецки, то по-французски), который можно квалифицировать как «синдром гаджета», которым оказался поражен в той или иной степени весь этносоциум, заговоривший вдруг по-английски.

Медиа человек вторичен по отношению к медиареальности, которую он воспринимает как данность. В таком случае у него тоже нет выбора, его сознание и бытие определяется миром виртуальных вещей. Поскольку новый образ отражается от уже имеющегося образа, то возникает как бы образ образа, который называется «самообраз» или «виртуал» (Н. А. Носов). Причем, если начальный образ есть итог первичного отражения, то новый образ – итог вторичного или «отражения отражения» (П. Е. Солопов, Л. А. Шелепин). От каждого такого самообраза возможно бесконечное генерирование виртуалов последующих уровней: *пределов для отражения отражения нет.*

Новая медийная культура рождается на стыке постмодернистских идеалов и бурного развития информационных технологий, которые все в большей степени приобретают виртуальный характер, начиная не отражать, а *симулировать реальность*. Правда жизни полируется глянцем гламура, над человеком торжествует имидж, над реальностью – миф. Заказное слово оплачивается человеческими иллюзиями.

Разразившийся кризис 2009 года не поставил масс-медиа перед выбором между доверием аудитории и рекламодателей. Приоритеты остались прежними. Российское медиaprостранство, сформированное кризисом 1998 года, изменило свои количественные, но никак не качественные характеристики.

Словом, кризис уничтожил невостребованное рекламодателями. Реклама не исчезла, она перераспределилась, равно как и медиаактивности. Они устремились в тот сегмент медиарынка, который сулит отдачу: в Интернет (эксперты прогнозируют ему лидирующие позиции не только в привлечении инвестиций, но и в 60-70% темпах прироста аудитории), в смешанные инвестиции (журнально-онлайновые). Таким образом, медиабизнес все реже имеет дело с разработкой контента, но все чаще – с постоянно совершенствующимися технологиями передачи информации. Экспортируя технологии, мы экспортируем и идеологию, культуру, образ мышления.

Язык – знаковое выражением работы сознания, а реальное поведение – отражение выработанных сознанием стереотипов. Медиа-реальность же оказывается той виртуальной средой, в которой осуществляется примирение *homo sapiens* с *homo media*, с его вторым виртуальным «Я». Освоение медиареальности требует от человека не только стремления утолить информационный голод, но и, как минимум, начального уровня киберкультуры, которая благодаря всемирной Сети только на первый взгляд сверхнациональна. Все что относится к языку, относится и к дискурсу. Усваиваются нравственные ценности того общества, на языке которого разрабатывался проект.

«Метаастазы новояза» не могли не затронуть ценностный конструкт, поскольку язык и религия являются центральными элементами любой культуры. Отсюда – противоречия между внешней принадлежностью индивидов к определенному этносу и государству и внутренней солидарностью с культурными стандартами, не совпадающим с национальной традицией.

Тенденции развития. Этноконфессиональный вектор, усиленный расизмом российских прогрессистов, приводит к тому, что противоречия порождают ответную реакцию в форме религиозного или националистского экстремизма, дающем о себе знать прежде всего в интернет-пространстве. «Новые для России геополитическая и международная ситуация создает прямую угрозу национальной безопасности страны. Имеет место целенаправленное сознательное вмешательство иностранных государств и международных организаций во внутреннюю жизнь народов России, ослабление роли русского языка как государственного языка Российской Федерации» [4].

В настоящее время ситуация дополнилась еще и проблемой сохранения самобытности больших и малых народов нашего многонационального государства. Национальные языки в этой ситуации

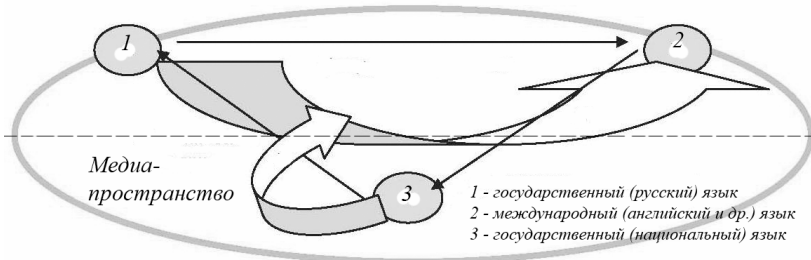
должны служить не только символическим элементом региональной субкультуры, но и государственным языком наряду с русским. Это своего рода гарант толерантности.

1) *вероятный сценарий*: язык – традиционный инструмент масс-медиа. С его помощью будет создана, по сути, новая концепция значения языковых «норм»: английский язык как первоисточник киберкультуры и проектов, отражающих в первую очередь мир мифов гаджетов, и ненормативный русский язык («албанский») и пр. формы, эмоционально подкрепленные языком «смайликов») как средство общения и выражения своих мыслей. Реализация принципа такого двуязычия уже находит свое воплощение не только в интернет-пространстве, но и на страницах печатных изданий. Таким образом, стремление Сети подчинить себе другие языковые практики на полпути к успеху.

2) *предпочтительный сценарий*: принцип двуязычия, основанный на утверждении качественной новой личностной, этнонациональной и гражданской идентичности в единстве многообразия. Двуязычие электронных и печатных масс-медиа, основанное на двух государственных языках (русском и национальном) повлечет за собой то переформирование медиaprостранства, которое будет способствовать устранению «разрыва между этнонациональной и политико-гражданской сущностью» [1] медиачеловека в нашем полиэтничном, многоконфессиональном государстве. Религия, нравственные качества, культура и интеллект – таково духовное трехполье, дающее в сумме ...*совесть*, если подразумевать ее как «*состояние нравственной очевидности*» [3, с. 181]. Впрочем, для человека очевидно то, во что он верит: в Бога, в деньги, в любовь, в гомункула в себе. Во что верим, тому и служим.

Рисунок 1.

Прогностическая модель реализации принципа двуязычия
в медиaprостранстве

Список литературы

1. Абдулатипов, Р. Г. Создание российской нации – проект для XXI века [Текст] / Р. Г. Абдулатипов // Российская газета. – 2003. – № 3284.
2. Албакова, Ф. Ю. Кризис государственной системы как катализатор этнополитической напряженности [Электронный ресурс]. – CA&CC Press® AB /Central Asia & Central Caucasus Press AB.
3. Ильин, И. А. Религиозный смысл философии [Текст] / И. А. Ильин. – М., 2003. – С. 181.
4. Концепция национальной безопасности.
5. Кутырев, В. А. Философия Иного, или небытийный смысл трансмодернизма. Тела мысли [Текст] / В. А. Кутырев. – СПб., 2010.

List of literature

1. Abdulatipov, R. G. Sozdanie rossijskoj nacii – proekt dlja XXI veka [Tekst] / R. G. Abdulatipov // Rossijskaja gazeta. – 2003. – № 3284.
2. Albakova, F. Ju. Krizis gosudarstvennoj sistemy kak katalizator jet-nopoliticheskoj naprjazhennosti [Jelektronnyj resurs]. – CA&CC Press® AB /Central Asia & Central Caucasus Press AB.
3. Il'in, I. A. Religioznyj smysl filosofii [Tekst] / I. A. Il'in. – M., 2003. – S. 181.
4. Koncepcija nacional'noj bezopasnosti.
5. Kutyrev, V. A. Filosofija Inogo, ili nebytijnyj smysl transmodernizma. Tela mysli [Tekst] / V. A. Kutyrev. – SPb., 2010.

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕКЛАМНОГО КОДА

Л. А. Кочетова

В статье рассматривается культурный код с точки зрения основания взаимодействия рекламы и культуры. Культурный код представляет иерархическое образование и воплощается в рекламе через определенные страгатеми.

Ключевые слова: рекламный дискурс, рекламный код, культурный код, страгатема.

Особую значимость в исследовании рекламной коммуникации имеют вопросы выявления механизмов и способов взаимодействия институционального дискурса рекламы и контекста культуры, которые неоднократно обсуждались в литературе [1], [3]. Исследователи отводят рекламе следующие диаметрально противоположные роли в этом процессе: пассивную роль фиксатора общественных и социальных изменений, в которой реклама метафорически описывается как «зеркало», отражающее текущее состояние общества; роль агенса, активно воздействующего на культуру, трансформирующего ее ценности и влияющего на нормы и модели поведения, принятые в обществе. Между тем, следует отметить, что взаимодействие рекламы и культуры не является столь однозначным, отличается сложной природой, и требует поиска некоторого основания, позволяющего определить точки соприкосновения двух предметных областей, способы и направление векторов их взаимодействия, которым, на наш взгляд, может выступать культурный код.

Понятие культурного кода базируется на признании одной из важнейших функций культуры коммуникативной функции, что позволяет интерпретировать культуру как коммуникативное пространство. Данное пространство состоит из набора элементов, знаков и символов, связанных определенными правилами и образующими культурные коды. Понятие культурного кода рассматривается в различных аспектах:

- 1) онтологическом, т. е. как универсальная категория бытия;

2) гносеологическом, в котором коды понимаются как вторичные моделирующие системы, имеющие семиотическую природу, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов;

3) аксиологическом, интерпретирующем культурные коды как ценностно-значимые образования для определенных групп людей;

4) коммуникативном, определяющем код как систему коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с определенными наборами смыслов и образующими структуру обеих систем.

Культурные коды или языки культуры дифференцируются по отнесенности к определенной области действительности или человеческой деятельности, знаковой принадлежности, смысловой выразительности, ориентации на определенный образ восприятия, определенные коммуникативные и трансляционные ситуации и др. [7. С. 424]. Таким образом, можно полагать, что в процессе своего исторического развития каждый тип институционального дискурса как разновидность культурной практики, опираясь на культурный код, вырабатывает свой собственный (рекламный, политический, педагогический, массово-информационный и др.), являющийся совокупностью институциональных правил коммуникации, в которых фиксируются нормы и ценности институционального общения, статусные характеристики участников и т. д.; знаков различных семиотических систем, включающих помимо вербальных знаков артефакты и символы. Стоит отметить, что динамические процессы в границах институционального кода в разных типах дискурса и жанрах неравномерны и определяются степенью их зависимости от дискурсивной ситуации, понимаемой в узком смысле как непосредственной ситуации общения, а в широком как культурного контекста дискурса.

С точки зрения семиотической ценности его составляющих культурный код представляет собой динамичную иерархическую структуру, в которой элементы на разных этапах развития культуры обладают различной степенью значимости. Коды подразделяются на «доминирующие», «остаточные» и «зарождающиеся» [9], в названиях которых заложены основы их подвижности и изменчивости. «Остаточный» код включает разрозненные, присутствующие в минимальном количестве, фрагменты кода занимавшего доминирующее положение в прошлом. «Доминирующий» культурный код объединяет идеи, ценности, модели поведения, принятыми в обществе и разделяемыми большинством его членов нормами. «Зарождающийся» код

соотносится с нормами, проявляющимися фрагментарно в текущий период времени, но имеющими тенденцию к доминированию в будущем. Помимо вышеперечисленных разновидностей культурного кода культура содержит мифологемы, архетипы, базовые концепты, которые позволяют говорить об архаичном культурном коде, являющемся неотъемлемой инвариантной частью любой культуры.

Анализируя функции дискурсивных практик общества массового потребления, специалисты подчеркивают социокультурную значимость стратагемного дискурса [2], разновидностью которого является реклама. Стратагемно-тактический подход, применяемый к изучению специфики рекламного воздействия [см. 1, 2, 5, и др.], основывается, на наш взгляд, на использовании элементов культурного кода.

Архаичный код проявляется в использовании мифопоэтических элементов и обращении к «архетипам бессознательного» (по К. Юнгу), что позволяет рассматривать воздействие в данном типе дискурса как «принцип наложения эмоциональной энергии рекламного сообщения на психическую, имплицитно присущую рекламе энергию архетипа» [6. С. 11] и позволяет говорить о мифологической стратагеме. Рекламные тексты, основанные на мифологических стратагемах, рассматривает Е. Ю. Кармалова, которая делит их на 1) мифологические; выступающие средством трансляции мифа в современное масс-медийное пространство (использование семантики цвета, образов первостихий, архетипов «героя», базовых концептов: «свой»-«чужой», «хаос»-«порядок», «война»-«мир» и т. д.); 2) реалистические (совмещающие визуальный натурализм с фольклорно-мифологическими элементами, например, с волшебными помощниками); 3) смеховые, содержание которых апеллирует к фонду анекдотов и народных сказок; 4) эротические, использующие семиотику эротики, восходящую к различным контекстам архаической культуры [3].

Использование доминантного кода культуры, в основе которого лежит нормативная стратагема проявляется в апелляции рекламных образцов к темам и ценностям, являющимся наиболее актуальными в дискурсивном пространстве социума. Например, анализ рекламных текстов автомобилей начала и середины 1990-х годов показывает, что в этот период значительно увеличивается число обращений к экологическим ценностям, что было созвучно росту обеспокоенности в обществе и средствах массово-информационного дискурса проблемами охраны окружающей среды. В общественном сознании этого периода концепт «окружающая среда» интерпретируется как

уязвимая и хрупкая вещь, испытывающая на себе негативное воздействие технологического прогресса, и поскольку автомобиль является источником опасности для экологии, рекламодатели стремились акцентировать заботу об окружающей среде. Например, рекламный текст автомобиля *Honda* содержит изображение канарейки в клетке рядом с выхлопной трубой автомобиля и надпись: *If he was just relying on a cat he'd be dead*. Текст обыгрывает общераспространенное значение лексемы *cat* и сокращенное название технического термина *cat-back exhaust system* – выхлопная система, обозначающие реалии в равной степени смертельно опасные для птицы. Основное содержание текста сообщает, что специальная конструкция мотора автомобиля позволяет сократить вредные выбросы в атмосферу, что делает его безопасным для животных.

К доминантному коду относятся языковые средств и невербальные образы, содержащие нормативно-прескриптивные элементы культурного кода такие, как пословицы, поговорки, фразеологизмы, прецедентные феномены. Например, в следующем тексте значение идиомы *a bird in hand* интерпретируется как факт, предполагающий, что потенциальные клиенты при покупке акций будут иметь гарантированную долю, и рекламное предложение является абсолютно надежным вложением средств.

A NEW ISSUE

Bird in hand

5 YEAR SHARES

12.25 %

17.50 % GROSS IF YOU PAY INCOME TAX AT BASIC RATE

Withdrawal at 3 months notice

* 1.50 % above the prevailing ordinary share rate currently 10.75 %

[...]

Текст сообщает, что адресат не только имеет возможность получить гарантированный доход, что актуализирует вторую часть пословицы *birds in the bush*, присутствующую в языковом сознании адресата рекламы, но ему обещают высокий уровень дохода при любых обстоятельствах – *a bird in hand*. Аллегорический смысл текста пословицы дублируется небольшим черно-белым рисунком птицы, который актуализирует буквальный смысл фразы. Рекламный текст передает дидактический смысл идиомы, наставляя адресата в вопросах управления финансами, в соответствии с зафиксированными в пословице нормами поведения.

Присутствие «остаточного» культурного кода в рекламе, содержащего нормативные стратагемы предшествующего периода, обнаруживается, например, в использовании жанра свидетельства, занимавшего доминирующую позицию в 1930-е гг., и играющего второстепенную роль в современной рекламе. В ранней рекламе XVIII-XIX веков нормы институционального поведения требовали использования перформативных глаголов, направленных на сохранение «негативного лица» адресата рекламы, например: Samuel Belcher “*begs to leave to acquaint Passengers going to the East or West Indies, Private Families, and others, that they may be supplied with every article of Ready-made Linen*” (The Times April 11, 1825). В современной рекламе перформативные глаголы используются окказионально, например: *To acquaint all readers of the Independent with the easy-to-follow rules for developing a mastery of English, we, the publishers, have printed full details in a fascinating introductory booklet, “Good English – the Language of Success”, sent on free request* (The Independent June 29, 2005).

Как отмечает Е. В. Якимович, «соответствие нормативному состоянию не привлекает внимание, общепринятые модели поведения оставляют адресата равнодушным» [8. С. 80]. Отличительной особенностью современной рекламы является размывание границ между предметными видами действительности, осуществляемыми в границах более широкого культурного пространства и видами деятельности, порождаемыми рекламой. В силу данной причины рекламная коммуникация активно стремится к использованию элементов зарождающихся кодов, отражающих желаемые потребителем и отвечающие его потребностям характеристики товара, стиль жизни, модели поведения и т. д. Реклама чаще обращается к тому, что желательно для потребителей, а не к тому, что является нормативным в обществе, другими словами вступает в противоречие с доминирующим культурным кодом и лежащими в его основе ценностями, формируя новый культурный код и задавая новые нормы, модели поведения и культурные практики.

В основе данного типа взаимодействия лежит синергетическая стратагема, ориентированная на зарождающиеся тенденции в культуре, которые отражаются в стиле и содержании рекламных текстов. Реклама, пребывающая практически в полном синергизме с культурными тенденциями, находится в адаптационном, самонастраивающемся режиме, который определяет способ ее существова-

ния, создавая динамическое взаимодействие между коммуникативным кодом рекламы и социальными стилями жизни.

Синергетическая стратегия реализуется посредством различных тактик, в число которых входят: использование свидетельств знаменитостей, эксплуатация в рекламных кампаниях актуальных направлений моды, музыкальных предпочтений; использование интертекстуальных ссылок на популярные фильмы, музыку, другие рекламные тексты, детабуизация отдельных областей и табуирование других; продвижение новых моделей поведения. Примерами подобных тактик может служить участие в начале 2000-х гг Раша Лимбора (Rush Limbaugh) знаменитого ведущего ток-шоу, известного своими консервативными взглядами, выступающего с критикой феминизма и антропогенного фактора в глобальном потеплении, в рекламе популярного безалкогольного напитка *Snapple*. В начале 2000-х годов механизм адаптации языковых средств к новым потребностям аудитории и их синергетический эффект находят выражение в специфике лингвосомиотической номинации брендов, многие из которых содержат элементы, относящиеся к сфере высоких технологий. В современном информационном обществе престижно обладать компьютерной грамотностью, демонстрировать умение пользоваться технологическими устройствами (гаджетами), различными системами поиска информации в интернете. Нормы, соответствующие данной модели поведения, находят отражение в использовании буквенной символики, например, буквы *i* в названиях брендов, что вызывает ассоциации с передовыми технологиями, интернетом, интеллектом, например: *iCaps, iCom, iMac, iMark, iPod, iPad, iTunes, iZod*. В эпоху глобальных коммуникаций и Интернета наблюдается общая тенденция к экономии языковых средств, проявляющаяся в использовании аббревиатур, акронимов, фонетических замен, словосложения и замена символа, что также отмечается и в названиях брендов: *AvantGuide, FedEx, Co-Vantage, Mentium, Oriens, Verison, Vonage, WorldWide* и др.

Синергизм рекламной коммуникации и массовой культуры приводит к образованию названий товарных знаков способами, заимствованными из коммуникативного стиля электронной коммуникации, например: *2BFree* (одежда); *2CE* (компьютерное программное обеспечение); *4Ever Nails* (лак для ногтей); *4 Runners Only* (спортивная обувь); *H2Optix* (оптика), *XM4Home* (радиосистема); *Skin-Eze* (крем для кожи), *Minds@Work* (цифровое оборудование). Указанные способы именования брендов находятся в русле тенденций массовой

культуры, стремящейся к графическому отображению звучания слов и несоблюдению орфографических норм языка [см. 4. С. 44–48].

Особую актуальность приобретают синергетические стратегемы, используемые для поддержания лояльности бренду, целью которых является установление постоянных контактов с потребителями, создание сообществ людей покупающих данный бренд в социальных сетях таких, как *Facebook*, *Twitter*. Неотъемлемым атрибутом веб-сайтов компаний становится гиперссылка *Join Us on Facebook* или *Join Us on Twitter*, в которой референциальная область местоимения *us* обозначает некое сообщество потребителей товара, например, *Snapple Fans*. Коммуникативный акцент смещается от одностороннего воздействия средств массовой коммуникации на потребителей в сторону их соучастия в коммуникативном процессе продвижения бренда посредством обмена мнениями, распространения информации о товаре, личном опыте его использования, рекомендаций или критики в глобальной сети Интернет.

Таким образом, основанием институционального рекламного кода выступает код культуры, реализуемый через различные типы стратегем. Культурный код является динамичным иерархическим образованием, образуемый элементами различной культурной значимости, выступающими основой формирования и функционирования рекламного кода.

Список литературы

1. Ильинова, Е. Ю. Рекламный дискурс: ценности, образы, ассоциации [Текст] / Е. Ю. Ильинова // Рекламный дискурс и рекламный текст. – Волгоград : Перемена, 2010. – С. 30–45.
2. Карасик, В. И. Языковые ключи [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
3. Кармалова, Е. Ю. Мифопоэтические и жанровые коды в телекоммуникации: реклама и «развлекательная журналистика» : автореф. дис. ... д-ра филол.

List of literature

1. Il'inova, E. Ju. Reklamnyj diskurs: cennosti, obrazy, asociacii [Tekst] / E. Ju. Il'inova // Reklamnyj diskurs i reklamnyj tekst. – Volgograd : Peremena, 2010. – S. 30–45.
2. Karasik, V. I. Jazykovye kljuchi [Tekst] / V. I. Karasik. – Volgograd : Paradigma, 2007. – 520 s.
3. Karmalova, E. Ju. Mifopozjeticheskie i zhanrovye kody v telekommunikacii: reklama i «razvlekatel'naja zhurnalistika» : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk

- наук [Текст] / Е. Ю. Кармалова. – СПб., 2008. – 42 с. [Tekst] / E. Ju. Karmalova. – SPb., 2008. – 42 s.
4. Кочетова, Л. А. Лингвосомиотические характеристики товарных знаков в динамическом аспекте [Текст] / Л. А. Кочетова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 45. – 2010. – № 21 (202). – С. 43–48. 4. Kochetova, L. A. Lingvosemioticheskie harakteristiki tovarnyh znakov v dinamicheskom aspekte [Tekst] / L. A. Kochetova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie. – Vyp. 45. – 2010. – № 21 (202). – S. 43–48.
5. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса [Текст] / А. В. Олянич. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с. 5 Oljanich, A. V. Prezentacionnaja teorija diskursa [Tekst] / A. V. Oljanich. – M. : Gnozis, 2007. – 407 s.
6. Орлова, Н. В. Реклама в пространстве информационного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук [Текст] / Н. В. Орлова. – Саратов, 2007. – 19 с. 6. Orlova, N. V. Reklama v prostanstve informacionno obvestva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [Tekst] / N. V. Orlova. – Saratov, 2007. – 19 s.
7. Шейкин, В. Г. Язык культуры [Текст] / В. Г. Шейкин // Культурология: XX век. Энциклопедия. – СПб. : Университетская книга, 1998. – С. 424. 7. Shejkin, V. G. Jazyk kul'tury [Tekst] / V. G. Shejkin // Kul'turologija: XX vek. Jenciklopedija. – SPb. : Universitetskaja kniga, 1998. – S. 424.
8. Якимович, Е. В. Нормативная концепция рекламного дискурса [Текст] / Е. В. Якимович // Рекламный дискурс и рекламный текст : кол. моногр. – Волгоград : Перемена, 2010. – С. 79–87. 8. Jakimovich, E. V. Normativnaja koncepcija reklamnogo diskursa [Tekst] / E. V. Jakimovich // Reklamnyj diskurs i reklamnyj tekst : kol. monogr. – Volgograd : Peremena, 2010. – S. 79–87.
9. Williams, R. Problems in Materialism and Culture: Selected Essays [Текст] / R. Williams. – London : Verso, 1980. – 277 p. 9. Williams, R. Problems in Materialism and Culture: Selected Essays [Tekst] / R. Williams. – London : Verso, 1980. – 277 p.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

МЕТАФОРА В КОНТЕКСТЕ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ПСАЛТИРИ

О. А. Гладушина

Приведен краткий анализ и выделены основные характеристики, функции и модели образования метафорических слов и выражений, употребленных в псалмах.

Ключевые слова: псалтирь, псалом, метафора, метафорическое выражение, образ, ассоциация, логическая совместимость, семантическая аналогия.

Известно, что сакральные тексты и их широкое распространение в виде переводов в различных странах на этапе формирования наций и государственных образований оказали огромное влияние на последующее развитие национального литературного языка. Псалтирь входит в группу библейских ветхозаветных книг и была написана непосредственно для использования в иудейском богослужении, а затем эта традиция была воспринята христианами и крепко утвердилась в богослужебной практике. По своей структуре Псалтирь делится на 151 песню или псалом, которые были составлены согласно нормам и обычаям еврейской поэзии.

«Я думаю, что в словах этой книги измерены и описаны словом вся жизнь человеческая, и душевные расположения, и движения помыслов, и сверх изображенного в ней ничего более не отыщется в человеке», – писал о Псалтири Афанасий Великий, христианский святой 4 века [5. С. 17]. И, действительно, тот факт, что данная книга остается одной из самых читаемых на протяжении столетий, свидетельствует о ее неизмеримой ценности и значении для общества. Она необходима человеку, поскольку именно ее словами он может лучшим образом выразить свои чувства и переживания, ощутить ту любовь и преданность к Богу, которую питали составители псалмов, и приобщиться к древней культуре и вере, охватившей весь мир и наложившей свой отпечаток на все сферы жизни.

Смысловое содержание псалмов весьма разнообразно по темам: обращение к Богу с просьбой или покаянием, восхваление Госпо-

да за Его благодеяния, размышления о принципах жизненного пути каждого человека, повествование об исторических событиях, пророчества о пришествии Мессии. Затрагивая такие глубоко волнующие темы, авторы псалмов описывают их благодаря использованию сложной лексической и синтаксической системы языка, что особенно усиливает выразительность слова и его воздействие на чувства читателя. В данной статье анализируется функционирование такой образной фигуры речи как метафора во франкоязычном варианте Псалтири. Для более глубокого осмысления каждый приведенный пример будет сопровождаться русским эквивалентным переводом.

Метафора является одной из наиболее обширных риторических фигур, использующей слова или выражения в переносном значении, построенном по принципу аналогии, сходства. В современном языкознании существуют различные теории классификации метафор, однако все они основаны на семантической двойственности, поскольку метафора как языковая единица соединяет в себе план содержания и план выражения. При восприятии метафорического оборота реципиент гипотетически догадывается о его подлинном смысле, что создает условия для сугубо личностного характера толкования значения метафоры. Метафорическая ассоциация одного предмета с другим не меняет полностью понятие о первоначальном объекте, непременно остается представление о каком-либо признаке, зафиксированном за данным предметом. Исследуем некоторые примеры метафор, используемых во франкоязычной Псалтири.

Псалом 3, стих 4

Mais toi, ô Éternel! tu es mon bouclier, Tu es ma gloire, et tu relèves ma tête.

Но Ты, Господи, щит предо мною, слава моя, и Ты возносишь голову мою.

Псалом 26, стих 1

L'Éternel est ma lumière et mon salut: De qui aurais-je crainte? L'Éternel est le soutien de ma vie: De qui aurais-je peur?

Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?

Автор псалма, пророк Давид, словами *bouclier, gloire, lumière, salut* указывает на то, что на протяжении всей его жизни Бог помогал ему во всяком деле, был для него оградой и на войне и в других трудных обстоятельствах. Это образное выражение относится к двучленной конструкции метафор дескриптивного типа, поскольку в

предложении представлено определяемое (*Éternel*) и определяющее (*bouclier, gloire, lumière, salut*). Такое построение метафор отождествляет два понятия, относящихся к разным логическим категориям, что создает семантическое противоречие. *Relever la tête* означает, что способствуя успеху Давида в его делах, Бог тем самым прославляет Давида. Здесь уже присутствует одночленная метафора, принадлежащая к когнитивному типу и образующая сложный для восприятия логический слой.

Псалом 7, стихи 4-6

Éternel, mon Dieu! si j'ai fait cela, S'il y a de l'iniquité dans mes mains, Si j'ai rendu le mal à celui qui était paisible envers moi, Si j'ai dépouillé celui qui m'opprimait sans cause, Que l'ennemi me poursuive et m'atteigne, Qu'il foule à terre ma vie, Et qu'il couche ma gloire dans la poussière!

Господи, Боже мой! если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мною в мире, – я, который спасал даже того, кто без причины стал моим врагом, – то пусть враг преследует душу мою и настигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою, и славу мою повергнет в прах.

Данный отрывок насыщен различными метафорами, которые по своей структуре относятся к сентенциальному виду, поскольку прослеживаются на протяжении всего фрагмента речи. Выражение *l'iniquité dans mes mains* по смыслу можно приравнять к слову «грех», *rendre le mal* – «мстить»; *fouler à terre la vie, coucher la gloire dans le poussière* – «погубить, унижить». Также эти образы являются находкой автора псалма, и именно благодаря таким приемам он строит неповторимые по выразительности символы.

Псалом 25, стихи 2, 3

Sonde-moi, Éternel! éprouve-moi, Fais passer au creuset mes reins et mon coeur; Car ta grâce est devant mes yeux, Et je marche dans ta vérité.

Искуси меня, Господи, и испытай меня; расплавь внутренности мои и сердце мое, ибо милость Твоя пред моими очами, и я ходил в истине Твоей.

Давид говорит о том, что непричастен к тем порокам, в которых его обвиняли завистники, он свидетельствует о своей невиновности и о том, что всегда старался делать только благочестивые дела и не таил в себе злых намерений. *Passer au creuset mes reins et mon coeur* расшифровывается, как «понять самые сокровенные чувства,

которые таятся в человеке». Эта метафора выполняет оценочно-экспрессивную функцию и совмещает в себе иррациональные элементы, стирает логические границы, что позволяет отнести ее к образной аналогии.

Псалом 71, стих 3

Les montagnes porteront la paix pour le peuple, Et les collines aussi, par l'effet de ta justice. Да принесут горы мир людям и холмы правду.

В данном стихе можно увидеть модель метафоризации, при которой атрибуты одушевленного объекта переносятся на неодушевленный. Помимо персонификации, здесь присутствует и символические образы: *les montagnes* и *les collines* подразумевают иудейских правителей и судей, которые призваны заботиться о благополучии народа, о водворении справедливости в обществе.

В Псалтири много случаев использования олицетворения как стилистического приема для изображения природы, наделенной свойствами человека:

Псалом 113, стих 3

La mer le vit et s'enfui. Море увидело и побежало.

Псалом 18, стихи 2, 3

Les cieux racontent la gloire de Dieu, Et l'étendue manifeste l'oeuvre de ses mains. Le jour en instruit un autre jour, La nuit en donne connaissance à une autre nuit. Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещают твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание.

Псалом 148, стихи 3

Louez-le, soleil et lune! Louez-le, vous toutes, étoiles lumineuses! – Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света.

Псалом 148, стихи 7-9

Louez l'Éternel du bas de la terre, Monstres marins, et vous tous, abîmes, Feu et grêle, neige et brouillards, Vents impétueux, qui exécutez ses ordres, Montagnes et toutes les collines, Arbres fruitiers et tous les cèdre. Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны, огонь и град, снег и туман, бурный ветер, исполняющий слово Его, горы и все холмы, деревья плодородные и все кедры.

Псалом 88, стих 10

Tu domptes l'orgueil de la mer; Quand ses flots se soulèvent, tu les apaises. Ты владычествуешь над яростью моря: когда воздымаются волны его, Ты укрощаешь их.

Интересно еще употребление метафоры, которая наделяет человека свойствами и признаками природы или животных:

Псалом 71, стих 7

En ses jours le juste fleurira, Et la paix sera grande jusqu'à ce qu'il n'y ait plus de lune. Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира, доколе не престанет луна.

В псалме говорится о правлении Соломона, когда будет царить в Израиле мир и правосудие, высоко поднимется нравственность в обществе, и всякий человек, придерживающийся правил благочестия, будет жить в изобилии и довольстве.оборот *le juste fleurira* относится к резкой метафоре, выраженной в предикативной форме и оформленной в виде глагола. Такие небесные тела как луна или солнце являются образами постоянности, вечности, поэтому данное метафорическое выражение *jusqu'à ce qu'il n'y ait plus de lune* можно уподобить по смыслу словам «вечно, всегда».

Псалом 90, стихи 3, 4

Car c'est lui qui te délivre du filet de l'oiseleur; De la peste et de ses ravages. Il te couvrira de ses plumes, Et tu trouveras un refuge sous ses ailes; Sa fidélité est un bouclier et une cuirasse. Он избавит тебя от сети ловца, от губельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его.

Истина – это заповеди веры. Если человек их соблюдает, то он будет чувствовать себя защищенным, поскольку будет иметь надежду на помощь Всевышнего. Основанием для создания данного образа служит наблюдение за поведением птиц: как птица укрывает своих птенцов крыльями, если чувствует приближающуюся беду, так и Бог защитит угнетенного человека на жизненных перепутьях, даруя ему безопасность и спокойствие. И в другом месте Псалтири автор прибегает к тому же образному сравнению:

Псалом 16, стих 8

Garde-moi comme la prunelle de l'oeil; Protège-moi, à l'ombre de tes ailes. Храни меня, как зеницу ока; в тени крыл Твоих укрой меня.

Псалом 118, стихи 54, 55

Tes statuts sont le sujet de mes cantiques, Dans la maison où je suis étranger. La nuit je me rappelle ton nom, ô Éternel! Et je garde ta loi. Уставы Твои были песнями моими на месте странствований моих. Ночью вспоминал я имя Твое, Господи, и хранил закон Твой (Пс. 118, ст. 54, 55).

В псалме 118 пророк сравнивает заповеди Божии с приятной песней, утешающей и ободряющей его. Ночь изображает трудные жизненные неурядицы, которые порой кажутся бесконечными. С точки зрения морфологии, в обоих случаях метафора выражена существительным и относится к номинативному типу.

Псалом 118, стих 103

Que tes paroles sont douces à mon palais, Plus que le miel à ma bouche! Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим.

Образ основан на качественном восприятии: мед сладок – заповеди радостны. Именно такая аналогия вызывает самые полновесные ассоциации и помогает построить яркий образ того, что автор хотел показать этой метафорой.

Псалом 118, стих 136

Mes yeux répandent des torrents d'eaux, Parce qu'on n'observe point ta loi. Из глаз моих текут потоки вод от того, что не хранят закона Твоего.

В стихах пророка *les torrents d'eaux* – это обильные слезы, которые вызваны нарушением заповедей. Пример одночленной метафоры, восприятие которой осложнено логической несовместимости двух основных компонентов высказывания *les yeux* и *les torrents d'eau*, однако расшифровка возможна благодаря семантическому окружению метафорического выражения.

Псалом 138, стихи 9, 10

Si je prends les ailes de l'aurore, Et que j'aie habiter à l'extrémité de la mer, Là aussi ta main me conduira, Et ta droite me saisira. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя.

Здесь хотелось бы обратить внимание на авторское метафорическое словосочетание *les ailes de l'aurore*, которое следует понимать, как «стремительно двигаться». Данное выражение построено на ассоциации с лучами восходящего солнца, которые с необыкновенной

быстротой озаряет всю землю. В ином псалме также находим подобную метафору, однако, в этом случае, вторая часть метафорического оборота изменена:

Псалом 17, стихи 10, 11

*Il abaissa les cieux, et il descendit:
Il y avait une épaisse nuée sous ses
pieds. Il était monté sur un chéru-
bin, et il volait, Il planait sur les
ailes du vent.*

*Наклонил Он небеса и сошел, — и
мрак под ногами Его. И воссел на
Херувимов и полетел, и понесся на
крыльях ветра.*

Употребление в речи такой метафоры *les ailes du vent* стало уже традиционным и ее часто используют в произведениях фольклора и художественной литературы.

Псалом 140, стихи 3, 4

*Éternel, mets une garde à ma bou-
che, Veille sur la porte de mes lè-
vres! N'entraîne pas mon coeur à
des choses mauvaises, A des ac-
tions coupables avec les hommes
qui font le mal, Et que je ne prenne
aucune part à leurs festins!*

*Положи, Господи, охрану устам
моим, и огради двери уст моих;
не дай уклониться сердцу моему к
словам лукавым для извинения дел
греховных вместе с людьми, дела-
ющими беззаконие, и да не вкушу я
от сластей их.*

Царь Давид обращается к Богу с мольбой о том, чтобы Бог руководил его мыслями и словами, не допустил согрешить и сказать что-либо противное Его заповедям. Метафоризация создана на аналогии того, что охранники никого не пропускает, пока не убедятся, что входящий человек не опасен для них; двери закрываются, чтобы оградить хозяина от нежелательных посетителей. Эти метафоры сходны по своим синтаксическим конструкциям и семантическим связям, и воспринимаются как целостное образное высказывание.

На основании приведенных фрагментов можно утверждать, что используемые в Псалтири метафоры широко отображают быт, мораль, ценностные ориентации. При этом набор метафорический рядов характеризуется такими параметрами как мультиплицирование, дублирование, акцентирование, соотнесение реальных образов человека с образами животных, природных явлений. Рассмотренные примеры, конечно же, не охватывают всего метафорического потенциала, который сокрыт в бесценных строках франкоязычной Псалтири. Эта книга является неисчерпаемым источником исследований для ученых-лингвистов, писателей и переводчиков. Каждый

человек, читая псалмы, будет видеть что-то новое, переосмысливать изображенные образы и символы, поскольку неотъемлемое свойство всякой метафоры – субъективное видение. Разгадка смысла метафорического выражения всегда зависит от личности реципиента, в силу тех ассоциаций, которые вызывают у него предложенные образы.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское общество, 2002.
3. Долинин, К. А. Стилистика французского языка : учеб. пособие [Текст] / К. А. Долинин. – М. : Просвещение, 1987.
4. Лопухин, А. П. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета [Текст] / А. П. Лопухин. – М. : Белый город, 2006.
5. Святитель Афанасий Великий. Толкование на Псалмы [Текст]. – М. : Благовест, 2009.
6. La Sainte Bible. Nouvelle version Segond révisée [Текст]. – P., 1988.

List of literature

1. Arutjunova, N. D. Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M.: LIBROKOM, 2009.
2. Biblija. Knigi Svjavennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. – M. : Rossijskoe Biblejskoe obwestvo, 2002.
3. Dolinin, K. A. Stilistika francuzskogo jazyka : ucheb. posobie [Tekst] / K. A. Dolinin. – M. : Prosvewenie, 1987.
4. Lopuhin, A. P. Tolkovaja Biblija, ili Kommentarii na vse knigi Sv. Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta [Tekst] / A. P. Lopuhin. – M. : Belyj gorod, 2006.
5. Svjatitel' Afanasij Velikij. Tolkovanie na Psalmy [Tekst]. – M. : Blagovest, 2009.
6. La Sainte Bible. Nouvelle version Segond révisée [Tekst]. – P., 1988.

**ФУНКЦИИ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ
НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ О «ERLKÖNIG»**

А. А. Иванченко

В статье дается краткий анализ понятия «вторичный текст» и «вторичная литература»; выделяются две функции вторичных текстов, а именно функция сохранения культурного наследия и функция отражения социальной действительности; проводится сопоставление вторичных текстов, имеющих первоисточником германскую легенду о Лесном короле, а именно баллада И. В. фон Гете «Erlkœnig» и песня немецкой группы Рамштайн «Dalai Lama».

Ключевые слова: вторичный текст, миф, легенда.

В данной статье мы рассмотрим две важные функции вторичных текстов. Вторичные тексты с древних времен использовались в функции сохранения и осмысления культурного наследия народа, а также для отражения социальной действительности. Первые формы таких текстов носят название «миф». Миф характеризуется тем, что он фиксирует повторяющийся стандартный опыт людей. Так представления о богах и героях, их деяниях, о структуре и законах мира миф превращает в готовое полноценное знание.

Первичными текстами для мифов были предания полудиких племен, которые были записаны и структурированы в качестве носителей знаний. Человечество всегда стремилось запечатлеть свой опыт и культуру, чтобы они были доступны последующим поколениям. Таким образом, создание вторичных текстов можно понимать как направляемое локальным социумом превращение первичных текстов во вторичные для решения определенных задач. Сам вторичный текст можно определить как продолжение, развитие и функция исходного текста [2].

Современное общество может предложить множество форм вторичных текстов, среди которых можно называть школьные изложения, конспекты, рефераты, пародии, киносценарии, римейки на

основе художественных текстов, переводные тексты и так далее.

Ряд ученых, например, немецкий лингвист Геро фон Вилперт, говорят о таком явлении как «вторичная литература», куда входят все вышеназванные типы вторичных текстов. Область вторичной литературы обширна и на данный момент слабо изучена [6].

В данной статье мы поговорим о двух типах вторичных текстах, которые стали формами сохранения и передачи народной германской легенды о лесном короле. Первая форма – это стихотворение в виде баллады. Среди немецких романтиков рубежа XVIII-XIX веков была очень распространена такая форма обращения к народному эпосу.

Иоганн Вольфганг фон Гёте использовал за основу датскую легенду об Ольховом короле или короле эльфов. При переводе возникла путаница вследствие схожести в немецком языке слов ольха (нем. *die Erle*) и эльф (нем. *die Elfe*). В конечном итоге злой дух у Гёте получил образ Лесного короля.

В наше время одной из самых популярных форм вторичных текстов является песенный жанр. Немецкая индустриальная группа Раммштайн в лице её лидера Тиля Линдемманна часто обращается в своих текстах к немецкому эпосу: не обошли они стороной и легенду о злом духе леса.

Через анализ и сопоставление двух вторичных текстов мы проследим, как изменялся исходный текст легенды. Проводя анализ данных вторичных текстов, мы пришли к выводу, что авторы в обоих случаях стилизовали, «осовременивали», то есть «подгоняли» под своё время взятую за основу легенду.

Нужно учитывать, что для «Dalai Lama» первичным текстом была не только народная легенда, но главным образом баллада «Лесной король» Гёте: таким образом, песня является вторичным текстом сразу двух источников. Отсюда и общие моменты в фабуле текстов.

<i>«Wer reitet so spät durch Nacht und Wind? Das ist der Vater mit seinem Kind Er hat den Knaben wohl in den Arm Er fasst ihn sicher, er hält ihn warm»</i>	<i>«Ein Flugzeug liegt im Abendwind, An Bord ist noch ein Mann mit Kind Sie sitzen sicher, sitzen warm Und gehen so dem Schlaf ins Garn»</i>
(Goethe, «Erlkönig»)	(Rammstein, «Dalai Lama»)

Во времена Гёте люди перемещались преимущественно на лошадях («reiten»), самом быстром транспортном средстве того периода; Т. Линдемманн пересаживает лирических героев на самолет («Flug-

zeug»). Отсюда и различные имена злых духов – Лесной король («*Erlkönig*») у Гёте и группа синонимов у Т. Линдеманна: Король ветра («*der König aller Winde*»), Властитель неба («*der Herr im Himmel*») и Погонщик облаков («*der Wolkentreiber*»). Это первый пример стилизации первичного текста. Стоит заметить, что даже звучание данных произведений очень схоже.

В обоих текстах события разворачиваются вечером: «*Nacht und Wind*» у Гёте и «*Abendwind*» у Т. Линдеманна. Лирические герои в обоих случаях одинаковые – это отец и его сын. Первые строфы обоих текстов не предвещают какой-либо беды.

«Mein Sohn, was birgst du so bang dein Gesicht?»	«Das Kind hat noch die Zeit verloren
Siehst Vater, du den Erlkönig nicht!	Da springt ein Widerhall zu Ohren
Den Erlenkönig mit Kron' und Schweif?	Ein dumpfes Grollen treibt die Nacht
Mein Sohn, es ist ein Nebelstreif»	Und der Wolkentreiber lacht»
(Goethe, «Erlkönig»)	(Rammstein, «Dalai Lama»)

Ребенок у Т. Линдеманна более беспечный и беззаботный («*Das Kind hat noch die Zeit verloren*»), в то время как ребенок у Гёте уже во второй строфе начинает съезживаться от страха («*Was birgst du so bang dein Gesicht*»).

Следующий пример стилизации выражается в том, что ребенок у Гёте видит Лесного короля («*mit Kron' und Schweif*») и удивляется, почему его отец ничего не видит; у Т. Линдеманна ребенок не видит злого духа, а только слышит эхо раскатов грома («*Ein dumpfes Grollen treibt die Nacht*»), которые насылает Король ветров – однако этого оказывается достаточным для того, чтобы ребенком овладел ужас. Мы считаем, что Т. Линдеманн хотел подчеркнуть тот факт, что современные дети видят по телевидению слишком много ужасов, отчего их психика становится неустойчивой. Дети же эпохи Гёте в этом вопросе были более стойкими, отчего, чтобы напугать ребенка, поэт вводит Лесного короля в облаке тумана.

Но этот же момент порождает и следующее стилистическое отличие: злой дух у Т. Линдеманна нарисован более жестоким и суровым существом. Этим автор хотел показать, что градус жестокости со времен Гёте сильно возрос и современное общество резко отличается от времен создателя Фауста.

«Willst feiner Knabe du mit mir geh'n? Meine Töchter sollen dich warten schön, Meine Töchter führen den nächtlichen Reihn Und wiegen und tanzen und singen dich ein» (Goethe, «Erlkönig»)	«Der Mensch gehört nicht in die Luft So der Herr im Himmel ruft Seine Söhne auf dem Wind Bringt mir dieses Menschenkind» (Rammstein, «Dalai Lama»)
---	--

Злой дух у Гёте сначала пытается уговорить и заманить ребенка к себе («*leise verspricht*», «*Du, liebes Kind, komm, geh mit mir*»), в то время как Король ветров приказывает доставить ему «человеческого детеныша» («*Bring mir dieses Menschenkind*»). Посланники так же отличаются: Лесной король себе на помощь призывает своих дочерей («*Töchter*»), Король ветров – сыновей, целый хор («*Söhne*», «*der Chor*»). В данном случае снова наблюдается стилизация: Гёте, романтик, отдает предпочтение красоте; Т. Линдемманн показывает, что в наше время важную роль играет сила.

Композиционным фоном у Гёте выступает лес, старые ивы; у Т. Линдемманна роль фона играет «человеческий груз» («*Menschenfracht*»), толпа, которая летит вместе с лирическими героями. В эпоху Гёте проблема толпы не стояла так остро: напротив, было много героев, одиночек, скачущих в ночи на лошади. В наше время героев мало: большинство людей представляют собою лишь безликую толпу, которая способна только кричать («*In Panik schreit die Menschenfracht*»).

«Dem Vater grauset's, er reitet geschwind, Er hält in den Armen das ächzende Kind, Erreicht den Hof mit Mühe und Not, In seinen Armen das Kind war tot» (Goethe, «Erlkönig»)	«Der Vater hält das Kind jetzt fest Hat es sehr an sich gepreßt Bemerkt nicht dessen Atemnot Doch die Angst kennt kein Erbarmen So der Vater mit den Armen Drückt die Seele aus dem Kind» (Rammstein, «Dalai Lama»)
--	---

Момент гибели представляет собой следующее стилистическое отличие. У Гёте мы не видим процесса убийства ребенка: отец обнаруживает мертвое тело по приезду на постоялый двор. У Т. Линдемманна ребенок гибнет от рук собственного отца, который в страхе «выдавливает» душу из своего ребенка. Автор показывает, что «у страха глаза велики» («*Doch die Angst kennt kein Erbarmen*») и люди не справляются с ситуацией: отец подвергся общей паники человеческого груза, стал его частью и в припадке страха убил собственного сына («*So der Vater mit den Armen drückt die Seele aus dem Kind*»).

В обоих текстах отец не обращает внимания на страхи своего ребенка: если у Гёте отец реагирует короткими фразами, стараясь успокоить своего сына, то у Т. Линдеманна отец не реагирует абсолютно.

Мы считаем, что оба автора хотели показать зависимость взрослых от мировоззрений, которые они сами придумали и в которые верят. Возгласы их детей о чем-то, что не вписывается в это мировоззрение, остаются не услышанными.

Трактовка обоих вторичных текстов раскрывает идею о том, что люди постоянно проникнуть туда, куда им не следовало бы проникать. Отец с ребенком у Гёте скачут сквозь лес ночью: время, когда Лесной король царствует безраздельно; У Т. Линдеманна человек дерзает подняться в воздух подобно птицам и это нередко кончается катастрофами (отсылка к частым авиакатастрофам).

Таким образом, чтобы отразить современное общество оба автора прибегли к древнему германскому эпосу, который нашли наиболее подходящим для нужд времени. Легенда о лесном короле представляет собою общегерманское знание, опыт, культурную ценность: при прочтении или прослушивании данных вторичных текстов она вызывает к архитепичным образам германского народа и помогает таким образом понять смысл и назначение данных текстов: то есть достигается выполнение вышеназванных функций сохранения культурного достояния и отражения социальной действительности.

Список литературы

1. Владимирова, О. А. Эволюция вторичных текстов в 40-90-е годы XIX века на примере творчества А. Майкова [Текст] / О. А. Владимирова // Жанрологический сборник. – Вып. 1. – Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2004. – С. 43–48.
2. Касавин, И. Т. Текст, контекст, индивид [Электронный ресурс]. – <http://journal.iph.ras.ru/textkontextindiv.html>

List of literature

1. Vladimirova, O. A. Jevoljucija vtorichnyh tekstov v 40-90-e gody XIX veka na primere tvorcestva A. Majkova [Tekst] / O. A. Vladimirova // Zhanrologicheskiy sbornik. – Vyp. 1. – Elec : EGU imeni I. A. Bunina, 2004. – S. 43–48.
2. Kasavin, I. T. Tekst, kontekst, individ [Jelektronnyj resurs]. – <http://journal.iph.ras.ru/textkontextindiv.html>

3. Майданова, Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов// Человек-текст-культура [Текст] / Л. М. Майданова. – Екатеринбург : Институт развития регионального образования, 1994. – С. 81–104.
4. Kartheuser, Timm. Zwischen Lyrik, Lyrics and Rockmusik: eine intermediale Untersuchung der Lieder von Rammstein [Текст] / Timm Katheuser. – Norderstedt : Grin Verlag, 2008. – 30 с.
5. Spisla, David. Die Songtexte der Band Rammstein aus dem Blickfeld der Literaturwissenschaft [Текст] / David Spisla. – Norderstedt : Grin Verlag, 2006. – 40 с.
6. Von Wilpert, Gero. Sachwörterbuch der Literatur [Текст] / Gero von Wilpert. – Stuttgart : Kröner, 1989. – 335 с.
3. Majdanova, L. M. Rehevaja intencija i tipologija vtorichnyh tekstov// Chelovek-tekst-kultura [Tekst] / L. M. Majdanova. – Ekaterniburg : Institut razvitija regional'nogo obrazovanija, 1994. – S. 81–104.
4. Kartheuser, Timm. Zwischen Lyrik, Lyrics and Rockmusik: eine intermediale Untersuchung der Lieder von Rammstein [Tekst] / Timm Katheuser. – Norderstedt : Grin Verlag, 2008. – 30 с.
5. Spisla, David. Die Songtexte der Band Rammstein aus dem Blickfeld der Literaturwissenschaft [Tekst] / David Spisla. – Norderstedt : Grin Verlag, 2006. – 40 с.
6. Von Wilpert, Gero. Sachwörterbuch der Literatur [Tekst] / Gero von Wilpert. – Stuttgart : Kröner, 1989. – 335 с.

**О СПОСОБЕ УНИФИКАЦИИ СЛОВ
В СОСТАВЕ АНТОНИМО-СИНОНИМИЧЕСКИХ БЛОКОВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Е. А. Литвинова

Статья посвящена описанию одного из методов, позволяющих унифицировать слова, составляющие антонимо-синонимические блоки английского языка, учитывая их стилистические и семантически отличия, которые мы объединяем в категорию «интенсивность эмоциональной нагрузки». Слова с наиболее выраженным коннотативным компонентом располагаются по краям шкалы, а по мере приближения к центру интенсивность эмоциональной нагрузки снижается.

Ключевые слова: антонимы, синонимы, шкала, эмоциональная нагрузка.

При овладении языком первостепенное значение имеет усвоение лексики. Однако словарный запас любого языка – система открытая, характеризующаяся в количественном отношении практически бесконечным множеством лексических единиц. Наиболее известные способы организации лексики – объединение слов в синонимические ряды и антонимические пары. Целый ряд направлений семантического описания лексики английского языка связан с проблемой смысловой однонаправленности и разнонаправленности слов. Современный уровень развития лексикологии требует все новых методов для работы с категорией количества. С нашей точки зрения, возможно и необходимо использовать парадигму антонимо-синонимических блоков для всестороннего описания этого феномена и расширения рамок общей теории парадигматических объединений слов. В самом деле, синонимический ряд состоит из слов, одинаковых или близких по значению, который, вследствие этого, удобно запоминается. Антонимическая пара объединяет слова, противоположные по значению, которая, вследствие этой их противоположности, тоже легко запоминается. Но более эффективно для запоминания объединение синонимов и антонимов в одном антонимо-синонимическом блоке. Суть в том, что антонимы противопоставляются друг другу только

потому, что в своем значении имеют общее логическое основание для противопоставления, т. е., в сущности, тождественны по значению (антонимы – тоже своего рода синонимы), а синонимические ряды часто включают в свой состав слова, обладающие противоположными значениями. [7. С. 4].

О важности антонимо-синонимического словаря говорится в статье Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова. Говоря о практической значимости задачи комплексного описания синонимов и антонимов английского языка, следует отметить, что, собственно, все без исключения синонимические и антонимические словари составлялись для использования их как практических справочных пособий, прежде всего в практике изучения и преподавания английского языка как иностранного.

Упражнения по сравнению материала русского и английского языков занимают особое место в практике преподавания английского языка, обеспечивая развитие операций анализа и синтеза, выделения общего и различного, обобщения. Методика параллельного изучения языковых явлений обуславливает выбор в качестве материала исследования антонимо-синонимических блоков русского и английского языков, их сходство и различие, принципы построения, валентность входящих в их состав единиц.

Слова внутри антонимо-синонимических блоков (АСБ) организуются посредством единства следующих признаков: 1) **объединительного**, выражающего общие смысловые признаки в значении слов данного АСБ; 2) **различительного**, выражающего различие между значениями двух синонимических рядов; 3) **градуального** признака, выражающего различие между словами внутри синонимических рядов. В отличие от первых двух – качественных – признаков, последний признак является количественным, поскольку выражает степень качества первых двух признаков.

Значения слов, входящих в АСБ, настолько индивидуальны, что если не пытаться их обобщать, то объединение АСБ друг с другом почти невозможно. Даже внутри одного АСБ упорядочение связей между словами – без обобщения – оказывается затруднительным. Необходим поиск такого понятия, которое позволяло бы достигать этого обобщения. Таким понятием мы выбрали «интенсивность эмоциональной нагрузки».

Эмоциональная нагрузка слова (ЭНС) – это количественный эквивалент эмоциональности слова как компонента АСБ в сравнении

с другими его членами, различные проявления отношения субъекта к тому, насколько эмоциональная заряженность слова соответствует ситуации общения. Наше понимание ЭНС позволяет увязывать ее с индивидуальным сознанием и со словом как единицей речевой способности человека.

Неоднократно отмечаемые исследователями трудности в разграничении компонентов коннотации дают основание предполагать, что элементы, квалифицируемые как коннотативный компонент значения слова, представляют собой взаимодействие комплекса признаков, каждый из которых является микрофрагментом общей ЭНС.

Исходя из современных представлений философов о роли эмоций в формировании субъективного образа объективного мира, о неразрывности интеллектуальной и эмоциональной сфер психики человека, можно предположить, что каждое слово несет определенную ЭНС, которая, кстати, не всегда поддается экспликации при анализе слова как единицы АСБ.

Поскольку решающей чертой эмоционального состояния, определяющей его исключительность по отношению к другим состояниям, является его интегративность, эмоции могут быть абсолютным сигналом для определения уместности того или иного слова из парадигматического объединения в данном контексте.

Исследователи иногда, характеризуя лексические или фразеологические единицы, используют просто термин «интенсивность». Мы, объединяя все возможные виды «интенсивностей» (признака, качества, действия и др.), будем использовать термин «интенсивность эмоциональной нагрузки», поскольку сема интенсивности актуализируется в семантической структуре единиц, составляющих АСБ и вступающих в градуальные отношения, характеризующиеся количественными отличиями «усиления» признака.

Именно ЭНС наихудшим образом определяется говорящим на иностранном языке, часто пребывающем в затрудни относительно выбора конкретной лексемы из парадигмы синонимов своего словарного запаса, или даже из словаря. Существующие словари синонимов и антонимов английского языка, если и описывают различные варианты употребления отдельных синонимов, не дифференцируют их значение по признаку эмоциональной нагрузки, ограничиваясь только денотативно-сигнификативными семами. При этом нелишне отметить, что, в отличие от русского языка, английский язык обладает довольно малым количеством «активных» эмоциональных глаголов.

А. Вежбицкая отмечает, что в русском языке гораздо больше слов оценочного типа. Это свойство не только русского языка, но русской культуры в целом – русский характер склонен к моралистике намного больше, чем английский. Для русских людей важна именно выраженная в словах оценка. Этим объясняется такое обилие оценочной лексики. Кстати, в русском языке, в отличие от английского, оценочные слова довольно часто применяются говорящим к самому себе.

Одновременное синкретичное выражение в одной лексической единице и качественного, и количественного компонентов, и признака, и его степени, позволяет нам осуществлять градуирование слов в АСБ при помощи категории **интенсивность эмоциональной нагрузки** (ИЭН), достигая тем самым единства различения слов в синонимическом ряду и существенно упрощая выбор конкретной лексемы, соответствующей насущным интенциям говорящего.

Градуальность и интенсивность – количественные понятия, свидетельствующие о постепенном 1) возрастании и 2) убывании некоторого качества (в нашем случае – это ИЭН). Практически это выражается в виде шкалы с делениями, на которую накладываются различные качественные состояния какого-либо явления. В результате достигается однозначная характеристика (измерение) изменения исследуемого явления, несмотря на то, что по своей качественной природе это явление может быть самым разным (семантические и стилистические отличия синонимов, рассмотренные ранее). Ядро блока представляет норма, а на периферию выходит модификация значений, т.е. возрастание или убывание меры степени, качества, действия по отношению к норме.

Пр.: (+) *enormous* → *immense* → *monstrous* → *mammoth* → *tremendous* → *huge* → *monumental* → *vast* → *giant* → *gigantic* → *gargantuan* → *enormous* → *grandiose* → *colossal* → *prodigious* → *imposing* → *whacking* → *grand* → *great* → *extensive* → *gross* → *copious* → *voluminous* → *massive* → *king-sized* → *spacious* → *good-sized* → *man-sized* → *sizable* → *hulking* → *chunking* → *bulky* → *substantial* → *considerable* → *lumping* → *healthy* → *walloping* → *goodly* → *large* → *big* → *ample* / *low* → *petite* → *short* → *small* → *little* → *elvish* → *elfish* → *vest-pocket* → *undersized* → *thumbnail* → *pinheaded* → *pony* → *pony-size* → *pint-size* → *slight* → *light* → *slim* → *nominal* → *puny* → *minor* → *wee* → *weeny* → *minute* → *diminutive* → *miniature* → *itty-bitty* → *teeny* / *teeny-weeny* / *tiny* (-).

Из примера видно, что в понятии «интенсивность эмоциональной нагрузки» мы объединяем все возможные виды «интенсивно-

стей» (признака, качества, действия), поскольку сема интенсивности актуализируется в семантической структуре единиц, составляющих АСБ и вступающих в градуальные отношения, характеризующиеся количественными отличиями «усиления признака».

Такая семантическая амплитуда (наряду со стилистической), при которой один член может отклоняться от другого в разных отношениях, требует тщательного рассмотрения для установления единой системы унификации слов в составе АСБ.

Подобной градации по степени интенсивности эмоциональной нагрузки могут подвергаться не только признаковые слова, но и другие классы слов, например, оценочные и абстрактные имена существительные глаголы:

Пр.: (+) *triumph* → *smash* → *victory* → *palm* → *conquest* → *win* → *hit* → *wealth* → *prosperity* → *affluence* → *riches* → *welfare* → *well-being* → *achievement* → *accomplishment* → *attainment* → *fortune* → *luck* → *good* → *success* / *nonsuccess* → *discomfiture* → *dud* → *miss* → *lemon* → *miscarriage* → *lesion* → *licking* → *failure* → *beating* → *defeat* → *muff* → *failing* → *fizzle* → *reverse* → *overthrow* → *whipping* → *overturn* → *fiasco* → *rout* → *flop* → *bust* → *poverty* → *debacle* → *washout* → *checkmate* → *bomb* → *ruin* (-).

Пр.: (+) *warfare* → *war* → *arms* → *sword* → *hostilities* → *battle* → *combat* → *fighting* → *conquest* → *rebellion* → *insurgency* → *engagement* → *hostility* → *struggle* → *strife* → *clash* → *conflict* → *unrest* / *calm* → *quie* → *quietude* → *accord* → *order* → *amity* → *rapport* → *concord* → *pax* → *peacetime* → *peace* (-).

Одно из двух слов, почти тождественных по значению, может иметь приставку, суффикс или какое-либо иное средство, которое может сигнализировать о присутствии в значении этого слова «добавки», свидетельствующей о наличии интенсивности признака (свойства, действия). Градация конкретно-предметных имен существительных возможна также с суффиксами субъективной оценки, количество которых в английском языке значительно ниже, чем в русском. Один и тот же суффикс может употребляться для выражения положительной, отрицательной коннотации или просто указания на малый размер.

Пр.: *manling* – *man*.

Пр.: *snakeling* – *snake*.

Пр.: *kinglet* – *king*.

Пр.: *islet* – *isle* – *island*.

Этот прием унификации слов в антонимо-синонимических блоках приобретает весомое практическое значение при изучении русского языка как иностранного. Учитывая большое семантико-стилистическое многообразие синонимов в английском языке, важно обладать средствами для их унификации. По нашему мнению, удобнее всего эту унификацию провести по степени интенсивности эмоциональной нагрузки.

Несмотря на то, что семантические и эмоционально-стилистические различия слов в синонимическом ряду находятся в разных качественных аспектах, они, тем не менее, находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, при этом стилистические отношения доминируют, семантические и стилистические различия можно выразить с помощью количественного понятия степени и тем самым достигнуть единства в различении всех слов в синонимическом ряду.

Список литературы

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка [Текст] / З. Е. Александрова. – М. : Русский язык, 2001. – 567 с.
2. Вежбицкая, А. Русский язык [Текст] / А. Вежбицкая // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – С. 33–88.
3. Колесникова, С. М. Категория градуальности в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / С. М. Колесникова. – М., 1999. – 44 с.
4. Мезенина, М. В. Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М. В. Мезенина. – М., 1991. – 16 с.
5. Фаворин, В. К. Синонимы в русском языке [Текст] / В. К. Фаворин. – Свердловск, 1953. – 71 с.

List of literature

1. Aleksandrova, Z. E. Slovar' sinonimov russkogo jazyka [Tekst] / Z. E. Aleksandrova. – M. : Russkij jazyk, 2001. – 567 s.
2. Vezhbickaja, A. Russkij jazyk [Tekst] / A. Vezhbickaja // Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. – M. : Russkie slovary, 1996. – S. 33–88.
3. Kolesnikova, S. M. Kategorija gradual'nosti v sovremennom russkom jazyke : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Tekst] / S. M. Kolesnikova. – M., 1999. – 44 s.
4. Mezenina, M. V. Gradual'nost' v paradigmатике leksiki nemeckogo jazyka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Tekst] / M. V. Mezenina. – M., 1991. – 16 s.
5. Favorin, V. K. Sinonimy v russkom jazyke [Tekst] / V. K. Favorin. – Sverdlovsk, 1953. – 71 s.

6. Федосов, Ю. В. Идеографический антонимо-синонимический словарь русского языка [Текст] / Ю. В. Федосов. – Волгоград : Перемена, 2001. – 102 с.
7. Федосов, Ю. В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка [Текст] / Ю. В. Федосов. – Волгоград: Перемена, 2001. – 190 с.
8. Шейгал, Е. И. Градация в лингвистической семантике [Текст] / Е. И. Шейгал. – Куйбышев, 1990. – 95 с.
9. Cambridge Dictionaries On-line [Электронный ресурс]. – <http://dictionary.cambridge.org>.
10. Merriam-Webster Dictionary: OnLine [Электронный ресурс]. – <http://www.merriam-webster.com>.
11. Oxford Advanced Learner's dictionary of Current English : Oxford University Press, fifth edition, 1998, Ed. by Jonathan Crowther.
12. Wierzbicka, A. Emotional Universals [Текст] / A. Wierzbicka // Language Design. – 1999. – № 2. – P. 23–69.
13. Wordsmith The Educational Dictionary Thesaurus [Электронный ресурс]. – <http://www.wordsmith.net>.
6. Fedosov, Ju. V. Ideograficheskiy antonimo-sinonimicheskiy slovar' russkogo jazyka [Tekst] / Ju. V. Fedosov. – Volgograd : Peremena, 2001. – 102 s.
7. Fedosov, Ju. V. Principy postroeniya ideograficheskogo antonimo-sinonimicheskogo slovarja russkogo jazyka [Tekst] / Ju. V. Fedosov. – Volgograd: Peremena, 2001. – 190 s.
8. Shejgal, E. I. Gradacija v lingvističeskoj semantike [Tekst] / E. I. Shejgal. – Kujbyshev, 1990. – 95 s.
9. Cambridge Dictionaries On-line [Jelektronnyj resurs]. – <http://dictionary.cambridge.org>.
10. Merriam-Webster Dictinary: OnLine [Jelektronnyj resurs]. – <http://www.merriam-webster.com>.
11. Oxford Advanced Learner's dictionary of Current English : Oxford University Press, fifth edition, 1998, Ed. by Jonathan Crowther.
12. Wierzbicka, A. Emotional Universals [Tekst] / A. Wierzbicka // Language Design. – 1999. – № 2. – P. 23–69.
13. Wordsmith The Educational Dictionary Thesaurus [Jelektronnyj resurs]. – <http://www.wordsmith.net>.

РОЛЬ АВТОАПЕЛЛЯЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ ДИАРИСТИКЕ

О .В. Петешова

В статье доказывается факт принципиальной автокоммуникативности немецкоязычного сетевого дневника, проявляющейся на фоне его общей адресованности внешнему читателю.

Ключевые слова: дневник, блог, апеллятивность, адресованность, автокоммуникация, автоапелляция.

Сетевые дневники как распространенный в современной мировой культуре речевой жанр представляют собой одну из разновидностей блогов, авторами которой являются частные лица, фиксирующие в сети Интернет свои впечатления, мысли и переживания, не претендующие на общественную значимость.

В большинстве работ по теории блога подчеркивается изначальная сущностная направленность сетевых дневников на потенциального адресата-читателя или адресата-комментатора. Подобную коммуникативную ориентацию сетевой диаристики подтвердили результаты социологического опроса «Как я веду блог?!», проведенного в Германии в октябре 2005 года. В ходе опроса выяснилось, что целью деятельности 49 % немецких блоггеров является обмен переживаниями с другими людьми; 33,4 % назвали в числе своих целей обмен знаниями, 33,2 % - поддержание контактов с друзьями и знакомыми, 27,2 % - установление новых контактов.

Вместе с тем, ряд коммуникативных целей, перечисленных опрошенными диаристами, свидетельствует об автокоммуникативности порождаемых ими дневниковых записей, не исключающей одновременной адресованности блогов широкой публике: 61,7 % блоггеров отметили, что электронные заметки выполняют, с их точки зрения, мнемоническую функцию, а 44,5 % упомянули о ярко выраженном терапевтическом действии дневникового письма такого рода [2. Р. 24].

Не менее важным доказательством автокоммуникативной ориентации текстов сетевой диаристики следует считать данные лингвистического анализа ее апеллятивных элементов, где под апеллятивными элементами мы, вслед за Е. В. Комлевой, понимаем все марке-

ры побуждения адресата (в нашем случае – побуждения диаристом самого себя) к любым речевым и посткоммуникативным действиям, а именно собственно побудительные конструкции, вокативные конструкции (то есть номинации адресата или обращения к адресату, побуждающие его, как минимум, к прослушиванию или прочтению последующих текстовых фрагментов) и интеррогативные конструкции (то есть вопросительные предложения, требующие от адресата некоторой ответной реакции) [1].

Число автоапелляций на страницах отобранных нами методом сплошной выборки текстов 300 немецкоязычных сетевых дневников, размещенных на пяти различных Интернет-платформах, сравнительно невелико: в материале исследования фигурируют 337 автоапеллятивных элементов, в то время как число апелляций диаристов к множественному адресату блогов и к конкретным единичным адресатам составляет 859 и 566 элементов соответственно. Однако присутствие эксплицитных автоапелляций более чем в 25 % рассмотренных дневников, по нашему мнению, является вполне достаточным импульсом для дальнейшего изучения обозначенного аспекта сетевой коммуникации.

Автоапеллятивные элементы, представленные в современных он-лайн-дневниках, подобно апеллятивным конструкциям, использованным в других типах текста, могут быть разделены на три неравновеликие группы:

1. **Вокативные автоапелляции.** В целом для блогов они не типичны и употребляются лишь в 3 дневниках из всего проанализированного нами массива. Автокоммуникативность характерного для подобных текстовых фрагментов местоимения “*du*” устанавливается только с учетом общего контекста заметки. Например, блоггер Ламиа (Lamia) следующим образом призывает себя почувствовать одиночество во время пешей прогулки: “*Kann man gehen und sich dabei alleingelassen fühlen? Ich gehe. Schritt für Schritt. Nicht hinfallen. Nicht zurückgucken. Mach die Augen zu. Lass die Kälte in dich hinein...*” [6].

2. **Побудительные элементы** (всего 53 конструкции). В отличие от адресованных побуждений, в качестве ключевого компонента которых глаголы выступают лишь примерно в 45 % контекстов (причем, как правило, в императиве и в сочетании с компонентом *bitte*), 83 % побудительных автоапелляций имеет в своем составе глагольный инфинитив, задающий жесткий, требовательный характер автокоммуникативных побуждений.

Не случайно в семантическом плане 28,3 % соответствующих автоапелляций может быть отнесено к разряду требований (например, *“Bis Zuhause warten und einen Salat machen!”* [7]), а 66,04 % - к числу планов, практически обязательных для исполнения. Примером последнего типа побудительных элементов служит следующая конструкция из сетевого дневника Жюли (Joulie): *“Morgen mit Sabse was machen & morgen Schule + Arbeit zurückbekommen”*[6].

3. Интеррогативные элементы. Они образуют основную массу зафиксированных автоапелляций (281 наименование) и употребляются в 23 % изученных нами блогов дневникового типа.

На первый взгляд, вопросительные конструкции с автокоммуникативной и адресованной ориентацией разграничить довольно сложно, тем не менее, исследование показало, что интеррогативные автоапелляции обладают определенными специфическими признаками. Так, во-первых, чаще всего они используются в текстовых пассажах с общей минорной тональностью, посвященных философским рассуждениям авторов сетевых дневников. В частности, блоггер Индифферент (Indifferent), размышляя о греховной природе человека, ставит сам себе такие вопросы: *“Warum machen Menschen das? Warum lassen die Menschen, die man so gern hat einen einfach so im Stich? Warum halten sie sich nicht an das, was sie versprechen?”*[5].

Во-вторых, ни в один из зафиксированных нами контекстов употребления вопросительных автоапелляций не вводятся сопровождающие и уточняющие их коммуникативную направленность вокативные элементы, что совершенно не свойственно адресованным интеррогативным конструкциям, почти в 74 % случаев включающим в себя обозначения адресата.

Наконец, в-третьих, для автокоммуникативных текстовых фрагментов в целом не характерно употребление единичных вопросов, то есть одного вопроса на один микроконтекст. Нами отмечены лишь 80 микроконтекстов, содержащих единичные вопросы. Для сравнения: в текстах изученных сетевых дневников встречается 171 адресованный вопрос, из которых лишь 52 вопроса образуют небольшие серии, обычно по 2 вопроса на один микроконтекст. Показательно, что значительная часть единичных интеррогативных автоапелляций (73 вопроса) входит в рамках текста заметки в состав авторского вопросно-ответного единства (например, *“wie die welt aussehen würde ohne menschen? natürlich wunderschön”*[3]), в то время как единичные адресованные вопросы, в основном, предусматривают ответ в виде читательского комментария.

Как мы видим, в автокоммуникативных текстовых фрагментах доминируют серии вопросительных предложений. 24,5 % от общего количества соответствующих микроконтекстов представляют собой пары вопросов типа *“Wird es zum Bruch kommen? Will ich dies vielleicht?”* [4]; в остальных случаях в одном микроконтексте друг за другом могут следовать до 10 вопросов, что, как нам кажется, подчеркивает эмоциональность диаристов при решении личностно релевантных проблем, с одной стороны, и саму значимость затрагиваемых проблемных полей, с другой стороны.

В числе закономерностей, выявленных при анализе интеррогативных автоапелляций в текстах сетевых дневников, необходимо назвать также преобладание среди протяженных серий вопросов таких микроконтекстов, которые завершаются кратким ответом на эти вопросы, как правило, демонстрирующим замешательство или неуверенность диариста. Обозначенная закономерность действует почти в трети зафиксированных нами текстовых фрагментов, в частности, в отрывке *“Was kann ich nur tun, was soll ich ihr sagen? Einfach abwarten und nichts machen, bis von ihr entweder das Ende oder eine Erklärung kommt? Hm... Ich bin ratlos...”* [7] из сетевого дневника Зейльтенцера (Seiltänzer). К завершению своих поденных записей серией вопросов авторы сетевых дневников, в противоположность диаристам-профессиональным писателям, не склонны.

Интересен тот факт, что в тексте одного и того же сетевого дневника автоапеллятивные элементы любого из трех указанных выше типов могут соседствовать с маркерами адресованности записей множественному адресату (это касается 11 % блогов) или конкретному единичному адресату (в 2,67 % блогов). Данное обстоятельство дополнительно подтверждает сложность коммуникативной структуры современного сетевого дневника, сущность которой лингвистам еще предстоит надлежащим образом осветить.

Список литературы

1. Комлева, Е. В. Апеллятивность как функционально-семантическая категория (на материале современного немецкого языка) [Текст] / Е. В. Комлева // Вестник Оренбургского государ-

List of literature

1. Komleva, E. V. Apelljativnost' kak funkcional'no-semanticheskaja kategorija (na materiale sovremen-nogo nemeckogo jazyka) [Tekst] / E. V. Komleva // Vestnik Oren-burgskogo gosudarstvennogo uni-

- ственного университета. – № 11. – 2006. – С. 214–220.
2. Schmidt, J. Weblogs: eine kommunikationssoziologische Studie [Текст] / J. Schmidt. – Konstanz : UVK-Verlag, 2006. – 202 p.
3. [Электронный ресурс]. – <http://blogger.de>.
4. [Электронный ресурс]. – <http://myblog.de>.
5. [Электронный ресурс]. – <http://www.blogigo.de>.
6. [Электронный ресурс]. – <http://www.onlinetagebuch.com>.
7. [Электронный ресурс]. – <http://www.tagebuchland.de>.
- versiteta. – № 11. – 2006. – S. 214–220.
2. Schmidt, J. Weblogs: eine kommunikationssoziologische Studie [Текст] / J. Schmidt. – Konstanz : UVK-Verlag, 2006. – 202 p.
3. [Электронный ресурс]. – <http://blogger.de>.
4. [Электронный ресурс]. – <http://myblog.de>.
5. [Электронный ресурс]. – <http://www.blogigo.de>.
6. [Электронный ресурс]. – <http://www.onlinetagebuch.com>.
7. [Электронный ресурс]. – <http://www.tagebuchland.de>.

**ВЛИЯНИЕ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ
НА СИСТЕМУ ЛИЧНЫХ ИМЕН АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

М. В. Соколова

Статья посвящена исследованию влияния культурно-исторических событий на номенклатуру английских антропонимов.

Ключевые слова: ономастикон языка, имя собственное, сигнификативное значение антропонимов, национальные антропонимы.

Ономастика как раздел лингвистической науки представляет неотъемлемую часть фоновых знаний носителей языка и культуры, где как в зеркале отражается история народа, освоение данной территории и взаимосвязь с другими этносами. Таким образом, любая онимическая система включает в себя имена, отражающие определенный период исторического развития общества. Имена собственные – своеобразные памятники, в которых выражается история этноса, прослеживается специфика знаковой системы и динамика языковых закономерностей. Историзм имен собственных безусловен, потому как во многих случаях именно онимическая лексика сохраняет следы исчезнувших слов, которые не употребляются в настоящее время. Описание исторического аспекта номинации представляет большой интерес для исследования мотивов имянаращения [1. С. 32]. На связь антропонимикона с культурой и историей указывают многие исследователи. Д. И. Ермолович рассматривал имена собственные на стыке языков и культур, Б. А. Успенский писал, что культура определяет систему имен, А. В. Суперанская указывала, что имя, порожденное определенной культурой в определенную эпоху содержит в себе частицы этих культуры и эпох. Изучением связи культуры и имени собственного в разное время занимались П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман; связь имен и культуры английского языка изучал О. А. Леонович.

Невозможно назвать ни одного языка, словарный фонд которого состоял бы из одних национальных слов, следовательно ономастикон того или иного языка может рассматриваться как один из компонентов истории духовной культуры народа. Как и язык в целом, номенклатура имен языка отражает эпоху и состояние общества на

определенном этапе его развития. Ономастическая система выступает в качестве своеобразной призмы, через которую можно видеть общество и культуру, в ней отражается познавательный опыт народа, его культурно историческое развитие [<http://language.psu.ru/bin/view.cgi?art=0080&lang=rus>].

По мнению Широких Е. А., сигнификативное значение антропонимов включает универсальный социальный компонент – указание на национальную принадлежность: имена – национальные символы (Иван, Джон) могут восприниматься в других антропонимических системах как чуждые, вызывающие определенные ассоциации; в данном случае можно говорить об этнонимах – группах имен, имеющих репрезентативный, почти нарицательный смысл, наиболее распространенных или воспринимаемых как таковые в соответствующей этнической группе (Antonio, Moses, Pedro). Национальные особенности антропонимов отражаются уже в антропонимической формуле, которая представляет собой порядок следования различных видов антропонимов и номенов в официальном именовании человека в данной национальности, сословия, вероисповедания в определенную эпоху [там же].

В связи с этим наиболее интересно было бы рассмотреть влияние норманнского завоевания Англии на систему личных имен английского языка. Англосаксы, как и другие древние германские племена, имели лишь одно имя, которое по структуре могло быть простым и сложным. Ср.: др. англ. Froda – “мудрый, старый”; Aethel-Beald – “благородный, отличный, превосходный + смелый”; Eadgar – “владение, собственность, богатый + копьё”. Простые имена постепенно были вытеснены сложными, двух компонентными именами; после XIII века они в номенклатуре английских личных имен не встречаются [2. С. 6]. На семантическом уровне некоторые древнеанглийские сложные имена предстают как своеобразные экзоцентрические композиты, значение которых не выводится из суммы значений составляющих их компонентов. Ср.: др. англ. Frithuwulf – “мир + волк”, Wigfrith – “война + мир”. Значение других древнеанглийских сложных имен современный читатель может легко понять. Ср.: Aethelstan – “благородный, отличный + камень”, Maerwine – “известный, славный + друг”. Эти имена представляются уже эндоцентрическими или неидиоматическими сложными словами. Некоторые из таких слов имели строго определенное место в сложном имени, т.е. они могли быть либо только первым, либо только вторым компонентом имени,

а часть именных слов могла занимать любое из этих двух мест. Например, слова *aelf, athele, ead, eald, god, gold, gar, gifu, raed, rice, stan, weard* – в качестве вторых, *a beorht, leof, maer, sig, wig, wine, wulf* – в качестве любых компонентов сложных имен [3. С. 12].

Крупным политическим событием, повлиявшим на дальнейшее развитие английского народа и английского языка, явилось вторжение в Англию норманнов, жителей северной области Франции – Нормандии. В 1066 году после разгрома войск англосаксов при Гастингсе, герцог Нормандии Вильгельм был провозглашен королем Англии. Высшие гражданские и церковные должности заняли прибывшие с ним чиновники и представители духовенства, говорившие на нормано-французском языке – разновидности старофранцузского языка. Завоеватели импортировали свои антропонимы, которые вскоре стали вытеснять англосаксонские имена. Ср.: англ. *Hugo, Richard, Robert, William* и др. Усвоение новых имен шло более интенсивно среди правящих кругов. Выжили лишь считанные англосаксонские имена. Ср.: *Alfred, Edgar, Edmund, Hilda, Mildred* и др.

После норманнского завоевания древнеанглийские имена, употреблявшиеся на протяжении столетий, почти полностью исчезают. В списке из 800 имен присяжных в графстве Кент в 1313-1314 гг. было лишь *пять* носителей древнеанглийских имен. Влияние норманнского завоевания на антропонимию проявилось также в ускорении тенденции перехода прозвищ в фамилии. Концентрация именика: 5 самых популярных имен составили уже 60% всех отмеченных мужских личных имен – также явилась следствием норманнского завоевания [2. С. 7].

Таким образом, являясь одним из компонентов культурной и исторической жизни народа, ономастикон дает представление об истоках современного состояния антропонимической системы имен. Изменения в общественно-политической жизни народа, в его культуре неизменно ведут за собой изменения и в языке, и как следствие в системе имянаращения. Наиболее значительное влияние на систему английских личных имен имело норманнское завоевание, следствием которого явилось почти полное вытеснение англосаксонских антропонимов из именика. Норманнские имена получили широкое распространение вначале в среде аристократии, а затем и в более обширных крестьянских массах.

Список литературы

1. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 116 с.
2. Леонович, О. А. В мире английских имён [Текст] / О. А. Леонович. – М. : Астрель, 2002. – 160 с.
3. Рыбакин, А. И. Словарь английских личных имён [Текст] / А. И. Рыбакин. – М. : Астрель; АСТ, 2000. – 224 с.
4. Широких, Е. А. Особенности реализации семантики английских антропонимов в сочетании с артиклями // Междунар. науч. конф. «Изменяющийся языковой мир» (Пермь, ноябрь, 2011) [Электронный ресурс]. – <http://language.psu.ru/bin/view.cgi?art=0080&lang=rus>

List of literature

1. Kubrjakova, E. S. Chasti rechi v onomasiologicheskom osvewenii [Tekst] / E. S. Kubrjakova. – M.: Nauka, 1978. – 116 s.
2. Leonovich, O. A. V mire anglijskih imjon [Tekst] / O. A. Leonovich. – M. : Astrel', 2002. – 160 s.
3. Rybakin, A. I. Slovar' anglijskih lichnyh imjon [Tekst] / A. I. Rybakin. – M. : Astrel'; AST, 2000. – 224 s.
4. Shirokih, E. A. Osobennosti realizacii semantiki anglijskih antroponimov v sochetanii s artikljami // Mezhdunar. nauch. konf. «Izmenjajuwjsja jazykovej mir» (Perm', nojabr', 2011) [Jelektronnyj resurs]. – <http://language.psu.ru/bin/view.cgi?art=0080&lang=rus>

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУССИОННЫХ УМЕНИЙ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Э. Ш. Никифорова, Ю. В. Надобко

Статья посвящена рассмотрению одного из актуальных на сегодняшний день вопросов современной методики обучения иностранным языкам: применению инновационных моделей организации учебного процесса. Авторы довольно подробно рассматривают практический аспект применения дискуссионной модели обучения иностранным языкам на занятиях по иностранному языку студентов языковых специальностей.

Ключевые слова: коммуникативный подход, дискуссия, инновационная модель обучения, этап обучения, навык, умение, ситуация общения.

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что обучение иностранным языкам должно отталкиваться от потребностей современного человека, а иностранный язык должен стать инструментом межкультурного и межличностного общения. В современной методике обучения иностранным наиболее популярным на сегодняшний день является коммуникативный подход к обучению иностранным языкам, который реализуется через ряд инновационных моделей обучения. Одной из таких моделей можно считать дискуссионную модель.

Её своеобразие определяется преобладающим видом деятельности – дискуссионной. В связи с этим особую значимость приобретает формирование ряда коммуникативно-значимых умений: выслушать и правильно понять собеседника, логично и аргументировано высказать своё суждение, найти решение какой-либо проблемы, пользуясь доступными средствами иностранного языка.

Следует отметить, что исследователи, изучающие проблему использования дискуссии в обучении иностранным языкам по-разному подходят к её решению: одни рассматривают дискуссию как один из приёмов для развития неподготовленной речи, полагая что дискуссионные уме-

ния формируются в процессе обсуждения проблемы и нет необходимости в их непосредственном формировании (Г. А. Рубинштейн, В. Л. Скалкин, Е. В. Шантарин), другие считают целенаправленное формирование дискуссионных умений определяющим фактором при обучении дискуссии (Л. П. Коблова, Г. Коростелёва) [1. С. 25].

На наш взгляд, дискуссионные умения и навыки формируются не стихийно, а вырабатываются в ходе целенаправленной, систематической работы. При таком подходе дискуссионные умения включают в себя не только умения логического мышления и аргументации, но и общие коммуникативные умения, а также умения, связанные с процедурной стороной дискуссии. В этом случае цель обучения не сводится только лишь к обучению дискуссии, а состоит в том, чтобы научить учащихся дискуссионному общению на иностранном языке, то есть общению в условиях проблемной ситуации. Навыки и умения, приобретенные при таком обучении, могут применяться практически в любых ситуациях общения.

Построение модели дискуссионного общения предполагает наличие определённой последовательности этапов обучения, причем успешный переход от этапа к этапу обеспечивается адекватными формами работы со специально отобранным языковым и речевым материалом с целью формирования соответствующих навыков и умений.

Приведём пример применения дискуссионной модели обучения при работе со студентами специальности «Переводческое дело» продвинутого уровня обучения. Следует отметить, что студенты этой группы обладают необходимым для решения различных проблемных ситуаций активным словарным запасом, следовательно, расширяется диапазон ситуаций и проблем, предлагаемых к обсуждению. Также важно упомянуть и тот факт, что предварительно студентам предлагается провести самостоятельный сбор и анализ информации по теме, например, «Генетически модифицированные продукты в современном обществе».

Непосредственно на итоговом занятии работа строится таким образом, что студенты получают возможность обсудить собранную информацию, высказать и защитить свою точку зрения, узнать новую информацию. Целесообразно также сопровождать дискуссию мультимедийной презентацией, чтобы направлять ход работы в нужное русло и структурировать собранный материал. На начальном этапе студентам предлагается сформулировать суть обсуждаемой пробле-

мы и наметить примерные вопросы, которые подлежат дальнейшей разработке (например, предлагается подобная цитата, затрагивающая проблему «The science of genetic engineering is unpredictable, but few, from scientists to governments, dare raise the fact that today's Golden Goose of industry is laying rotten eggs»). Когда намечен общий план вопросов к рассмотрению, необходимо составить вокабуляр основных терминов, необходимых для эффективного обсуждения темы, на данном этапе целесообразно выполнение ряда языковых и условно-речевых упражнений, подготавливающих непосредственно к речевой деятельности. Итак, на первом этапе студенты освоили необходимый языковой материал, сформулировали основные проблемные вопросы.

Далее необходимо перейти ко второму этапу обучения, в ходе которого студентам предлагаются непосредственно речевые упражнения. На этом этапе представляется целесообразным привлечение аутентичных аудио или видео материалов. Например, нами использовался сюжет «Angry child», в котором подросток обвиняет взрослых в том, что, благодаря их бездумным экспериментам с природой пострадают следующие поколения. Студентам предлагается прокомментировать увиденное и услышанное и высказать свою точку зрения. Постепенно студентам предлагается расширить дискуссионное поле за счёт дополнительных вопросов по теме, причём преподаватель, при необходимости, направляет ход дискуссии в нужное русло при помощи наводящих вопросов, приводя примеры из своего жизненного опыта, подталкивая студентов к активизации их жизненного опыта, к привлечению и критическому осмыслению собранной ранее информации.

Чтобы сбор и систематизация материала были более продуктивными можно предложить заполнение таблицы типа:

Problem (проблема)	What I know about the problem (что мне известно)	What I'd like to know (что бы хотелось узнать)	What I found out Что узнал(а))
-----------------------	--	--	--------------------------------------

Затем на обобщающем этапе студенты, используя свои записи делают выводы, высказывают своё отношение к обсуждаемой проблеме, отвечают на возможные вопросы коллег и \ или преподавателя.

При систематической работе, организованной таким образом, у студентов вырабатываются необходимые для ведения продуктивной дискуссии на иностранном языке навыки и умения. Подобные умения необходимы практически во всех сферах общения: в повседневной, социокультурной, общественно-политической, научной и т.д.

Несмотря на явную необходимость формирования у современного человека культуры дискуссионного общения, учебная деятельность в виде дискуссии еще не находит достаточно широкого применения в обучении, в частности, в практике преподавания иностранных языков, хотя обучающий и воспитательный эффект учебной дискуссионной деятельности очевиден: участие обучаемых в дискуссионном общении активизирует познавательный поиск и самостоятельность, формирует культуру рефлексивного мышления, создает условия для использования личного жизненного опыта и полученных ранее знаний для усвоения новых. Это помогает преподавателю решать воспитательные и образовательные задачи, а также способствует формированию дополнительных мотивов изучения иностранного языка.

Список литературы

1. Бадаев, А. А. Активные методы обучения [Текст] / А. А. Бадаев. – М. : Профиздат, 1986. – 96 с.
2. Соколов, А. Н. Проблемы научной дискуссии: логико-гносеологический анализ [Текст] / А. Н. Соколов. – Л. : Наука, 1980. – 157 с.

List of literature

1. Badaev, A. A. Aktivnye metody obuchenija [Tekst] / A. A. Badaev. – M. : Profizdat, 1986. – 96 s.
2. Sokolov, A. N. Problemy nauchnoj diskussii: logiko-gnoseologicheskiy analiz [Tekst] / A. N. Sokolov. – L. : Nauka, 1980. – 157 s.

**ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА
ПОСРЕДСТВОМ ВЫПОЛНЕНИЯ НЕСТАНДАРТНЫХ
ЗАДАНИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

Е. А. Федосова

Данная статья посвящена актуальным в настоящее время вопросам речевой коммуникации. Использование нестандартных заданий по русскому языку позволяет преподавателю наиболее эффективно решать коммуникативные задачи и повышать культуру речи и мышления студента. В контекст статьи включены работы самих студентов как образцы реализации обучающей и развивающей функций в рамках изучаемой дисциплины.

Ключевые слова: речевая компетенция, «мозговой штурм», монофон, авторедактирование, композиционно-стилистическая структура текста.

Речевая компетенция в условиях современного информационного пространства является важной составляющей профессионализма. Способность отбирать речевые средства с учетом ситуации и обстановки речи, умение избегать двусмысленности, тавтологии, тяжеловесных, с трудом воспринимаемых конструкций, умение правильно писать и говорить, умение работать с текстами разных функциональных стилей и говорит о мастерстве, культуре речи.

Взросшие требования к гуманитарному образованию в современных социокультурных условиях выявили необходимость модернизации содержания дисциплины «Русский язык и культура речи», а также обусловили поиск новых педагогических технологий преподавания данной дисциплины. Языковая и коммуникативная компетенции, приобретенные студентами в процессе изучения данной дисциплины, неразрывно связаны с повышением уровня речевой подготовленности будущих специалистов.

В рамках изучения курса «Русский язык и культура речи» раскрываются многообразные междисциплинарные связи, в том числе с риторикой, историей языка, физиологией, этикой, психологией. Овладение умением образно выразить свои мысли требует постоянного стремления к совершенствованию собственной речи, как письменной, так и устной, и системности в работе над ней.

Особое значение придается формированию словографической компетенции, которая отражает умение студента пользоваться различными словарями. В рамках ознакомления с лексической нормой уделяется внимание мелодике речи. Подбор звуков определенной акустической настройки гарантирует формирование конкретного эмоционального состояния, которое создается посредством различных гласных и согласных.

Среди упражнений, применяемых нами на занятиях по русскому языку и культуре речи, наиболее результативными в области формирования практических навыков по созданию текста можно считать монофоны.

Монофон (от греч. *monos* – один, и *fone* –звук) – небольшой по объему рассказ, в котором все слова, включая и служебные части речи, начинаются на одну букву. Упражнение ориентирует на осмысленное пользование словарным запасом и развитие навыков составления текста с учетом авторской идеи, функционально-стилевой принадлежности текста.

Поскольку от составителя рассказа требуется четко выстроенная композиционно-стилистическая структура текста, то данное упражнение можно рекомендовать как эффективный прием работы с лексическим материалом. Трудность заключается в подборе слов, начинающихся с одной и той же буквы, с учетом сюжетной линии рассказа и соблюдения основных логических законов. Однотипность по фонетическому признаку слов, используемых в тексте, значительно сужает количество выразительных средств, но при этом позволяет расширить словарный запас студентов, развить у них чувство ритма. «Мозговой штурм», предлагаемый нами в данном упражнении, должен быть проведен двумя способами: естественным и искусственным. При естественном способе задание дается непосредственно на занятии, без предварительной подготовки студента. Помимо этого, необходимо закрепить работу с данным языковым материалом, поэтому на дом предлагается выполнение аналогичного упражнения, но уже с опорой на словари. Искусственный подход позволяет расширить возможности выбора оптимальных средств для раскрытия темы в соответствии с поставленными задачами. Приобщение студентов к сокровищнице русского языка осуществляется посредством использования при выполнении домашних заданий словарей и справочников. Качественная сложность задания свидетельствует о многофункциональности данного приема. Помимо этого, данный вид упражне-

ния позволяет студентам обогащать запас синонимических средств. Слова, связанные между собой подчинительными и сочинительными союзами могут заменяться перечислительными рядами, в результате чего студентам необходимо установить градационные различия, т.е. расположить слова в порядке нарастания интенсивности признака, или же четко выстроить логическую цепочку действий, предметов и признаков. Возможность в узких рамках задания проявить свободу речевого выбора приводит к развитию способности создавать новое, устанавливать необычные, но жестко регламентируемые соответствующими нормами связи.

Подбор слов близкого звучания закрепляет звуковой комплекс текста. Это придает определенную завершенность тексту: создается особая тональность, выразительная своими звуковыми ассоциациями и благоприятная для проявления эмоциональных красок. Для облегчения задания студентам предлагается составить монофон на буквы *в, н, о, п, с*. Данный шаг обусловлен большим разнообразием языкового материала на указанные буквы, а соответственно, и возможностью выбора.

Кроме того, необходимым условием эффективной работы с языковым материалом мы считаем сотворчество, позволяющее показать заинтересованность преподавателя в реализации студентами их творческого потенциала. Проводится своеобразный «сеанс одновременной игры»: для преподавателя это возможность демонстрации своего профессионализма, для студентов – способ самовыражения.

Весна. Валерия взглянула вверх. Водопад. Взъерошенные воробьи. Вишневые ветки висели в васильковом воздухе, влажно вздымаясь. Виктор вынужденно вздохнул.

- Валерия, вы волшебница, - восторженно воскликнул Виктор.

Васильковоглазая Валерия весело взмыла вверх, волшебной вспышкой.

(Е. А. Федосова)

Серели скалы. Старая сосна свирепо скрипнула, словно старые сандалии. Стыдливо съезжались сыроежки.

Сергей стремительно слетел со скалы. Скользкие сандалии слетели со ступней.

- Солнце, солнце светит, - счастливо сказал Сергей.

Солнце сияло. Серебристый свет созрел Сергея. Счастливый Сергей, согретый солнечным светом, сам сиял.

(А. Семенцова, 3 курс «Реклама»)

Пёс Полкашка пометил пол, потопал по половику, пробежался по пурпурной простыне Петра. Парень позеленел, потом поймал проказника, прижал, погладил.

- Пойдем, погуляем, - произнес Пётр.

(Н. Письменский, 1 курс «Социология»)

Саша с Соней, Сережа со Светой собрались совершить спуск со снежного склона. Склон скалы сегодня скользкий. Сверху сыплется снег. Серебристые снежинки летают с сугробов. Слышен скрип стремительных салазок. С северного склона скалы сверкающими сережками свисают сосульки.

Собственноручно Саша слепила симпатичного снеговика. Снеговик синими стекляшками смущенно созерцал суматошных сорванцов.

Соня со сверстниками смеялась. Случайно со скрежетом соскользнули Сонины салазки. Семилетняя Соня стремительно спустилась со сверкающего, словно сахар, склона. Скользкие сосульки создают ссадины. Соня стонет.

Сегодня Сережа – спасатель! Сергей стремительно спустился со склона. Сначала Сережа смахнул соленые слезинки, слегка созрел Соню. Соня смущенно сопит. Самочувствие Сони стабилизировалось.

(Н. Плецунова, 1 курс «Юриспруденция»)

Для достижения желаемой звуковой окраски текста необходимо произвести отбор фонетических средств языка. Данная работа представляет собой не только поиск нужных языковых средств, но и многообразную работу по авторедактированию. Перестановка слов, замена синонимов, синтаксическая организация предложений должно быть сопряжено с выражением определенной авторской идеи. Специфика данной идеи в том, что она изначально основана на экспромте и трансформируется по ходу создания текста. Эфимерность идеи, выступающая как явный недостаток в творческой деятельности человека, может обернуться позитивной стороной – отразить языковую гибкость, необходимую для выполнения установленного задания.

Начальные звуки могут подчеркнуть благозвучие или неблагозвучие речи. Многие из использованных слов своим звучанием напоминают слуховые впечатления от изображаемого явления. Особенно выразительны шипящие и свистящие (шипеть, шелестеть, шуршать, сопеть).

Для обогащения словарного запаса необходимо не только подбирать подходящие по смыслу слова, учитывая их стилистическую

окраску, экспрессивность, но и мотивировать свой выбор. В этом случае гарантировано формирование бережного отношения к слову. Одним из нестандартных заданий по русскому языку, сочетающим в себе анализ звуковой и семантической характеристики слова, является описание различного рода процессов (движение воды, снега и т.п.). В качестве примера мы можем привести одну из тем – движение воды. Осуществим вначале подбор глаголов, означающих движение и изменение (капать, замереть, скользить, падать, лететь, срываться, висеть, мчаться, переливаться, блестеть, сверкать). Нами не случайно использованы глаголы, содержащие в себе динамику. Акцентуация на динамике позволит нам отразить качественные изменения в процессе. Помимо глаголов также следует подобрать подходящие прилагательные. Мы обратим внимание на форму, цвет, прозрачность, вес и даже характер (прозрачная, чистая, перламутровая, жемчужная, легкая, тяжелая, вытянутая, продолговатая, круглая, весёлая, озорная). При затруднениях в выборе сообразных теме слов студентам необходимо обратиться к словарю синонимов. Обратим внимание, что оригинальность выполненной работы находится в прямой зависимости от мотивированного подбора слов. В процессе эффективного изучения, а в дальнейшем усвоения языковых особенностей совершенствуются творческие способности студентов. Существует множество приемов для раскрытия или уточнения смысла слова, применения его в речевой ситуации.

Жила-была озорная капелька. Маленькая и прозрачная, она ютилась в старой ореховой скорлупе. Однажды ей наскучила такая жизнь, и она решила путешествовать. Капелька скользнула на гранитную дорожку и отправилась в путь. Пробираясь по каменным лабиринтам, маленькая озорница надеялась увидеть свет.

Неожиданно туннель расширился, и капелька сорвалась вниз. Солнце озарило ее, и озорница стала перламутровой. Вскоре к ней присоединилась такая же перламутровая капля, затем другая, третья...

И вот уже тысячи прозрачных путешественниц соединились в один большой ручей и понеслись в неизведанную даль.

(Е. Скипа)

В предложенном описании ручья глаголы динамичны, но показан не просто процесс, присутствует его качественная характеристика. Увидеть обычное необычным достаточно сложно, поскольку, к сожалению, приоритетным в настоящее время является репродуктивное

мышление. Овладение умением образно выразить свои мысли требует постоянного стремления к совершенствованию собственной речи, как письменной, так и устной, и системности в работе над ней.

Среди упражнений, применяемых нами на занятиях по русскому языку и культуре речи, наиболее результативными в области формирования практических навыков по созданию текста являются следующие:

1) Описание мыслительного процесса с конкретизацией абстрактных понятий;

2) Обработка представленной информации в различных вариантах.

Первый вид упражнения дается на вводной лекции, когда студентам объясняется тесная взаимосвязь мышления и языка и предлагается оригинальный подход к описанию своего мыслительного процесса. Слово «мысль» является абстрактным понятием, поэтому чувственно воспринять его мы не можем. Но стоит задача: абстрактное понятие перевести в область конкретики, а значит, показать как оно воспринимается нами с помощью органов чувств. На этом этапе самое сложное – найти чувственный образ, способный воплотить в себе особенности персонального мышления. Преподаватель работает в купе со студентами и задает наводящие вопросы: откуда взялось слово «озарение», почему мысль рождается. Ответив на эти вопросы, студент уже самостоятельно способен нарисовать несколько образов и, включившись в словесную игру, создать свои. Мы приводим в качестве примера работы отдельно взятых студентов.

1. Мои мысли похожи на капли дождя, струящиеся с неба. Они красочны и порой мелодичны. Стоит мне задуматься, как я сразу начинаю высказывать свои мысли, иногда даже ставя своего собеседника в неловкое положение. При всем при этом я умею не только слушать, но и слышать человека. (Плещунова Н., 1 курс «Юриспруденция»).

2. Ее мысли плыли легко-легко, словно пушистые белоснежные облака. Одна неторопливо сменяла другую, принося умиротворение и ясность. В спокойных рассуждениях о будущем не было ни капли тревоги, и мысли скользили мягко, со средней скоростью, уносясь вдаль, в будущее. «Так можно просидеть целую вечность», – обрвала теплые рассуждения реалистичная мысль и вернула хозяйку своей сильной рукой в настоящее. (Степкина Т., 1 курс «Юриспруденция»).

3. Лабиринт его мыслей был украшен великолепными произведениями искусства, созданными усилием воли студента Усачева. Прекрасные полотна грели душу, отчего вселялась уверенность про самого-самого.

Но что-то неясное готово было прорваться наружу и разрушить все созданное Павлом до этого. Мозг, лишенный кислородной поддержки, не мог узреть это нечто и замер в ожидании.

Идея не заставила себя ждать. Появившись крохотной мерцающей точкой в конце лабиринта, она вдруг вспыхнула серебристым матовым шаром и осветила на миг шедевры Павла. Теперь они уже не казались воплощением красоты и гармонии. Это было самое настоящее уродство, запечатленное в ярких образах...

Серебристый шар рос на глазах. Его сияние становилось все более ярким, и уже не было сил смотреть на его великолепие. Мысль созрела и взорвала затуманенный на мгновение мозг Павла Усачева. Юноша повернулся к преподавателю и начал быстро отвечать на вопрос. (Павел Усачев, 1 курс «Менеджмент организации»).

Данное упражнение позволяет преподавателю определить творческий потенциал студентов, поскольку образы, представленные в работах, указывают на расширенное или, напротив, ограниченное творческое мышление. Помимо этого, следует обратить внимание на логичность использования данных образов в соответствии с поставленной задачей. Перевод абстрактного понятия в область конкретики свидетельствует не только об умении студентов ярко представлять себе определенную дефиницию, но и о гибкости ассоциативных связей, основанных на точности понимания внутреннего содержания слова. Возможность выйти за рамки рассуждений позволяет также расширить возможности своего мыслительного процесса.

Перед нами различные варианты выполнения данного задания. В 1 варианте сразу же обнаруживается попытка комбинировать чистое рассуждение с образами. Как видим, попытка не вполне удачная, поскольку образы не скучные, а яркие, и на фоне предваряющих их рассуждений выглядят «не при деле». Таким образом, студенткой не раскрыты функциональные возможности рассуждения и описания. Отметим позитивные моменты. Удачно подобран образ, служащий выражением стремительности мыслительного потока – дождь. Образ насыщен цветом и звуком. Но нет прочных связей, отражающих данную стремительность в смысловом потоке. Это свидетельствует о творческом мышлении студента, но слабо развитых логических операциях.

Наиболее удачными, на наш взгляд, стали работы №2 и №3. абстрактное тонко сочетается в них с конкретным, плавно перетекает одно в другое. Это свидетельствует о гибкости мышления, о способности человека мобилизоваться в нужный момент. Принцип контраста, положенный в основу работы № 2, отражает разнообразие мыслительного процесса реципиента и свидетельствует об истинности его рассуждений. Визуальные и тактильные образы сменяются чистой абстракцией и становятся «жирной точкой» в конце рассуждений.

Третья работа свидетельствует о богатом воображении студента, поскольку образ сконцентрирован, уместен. Процесс неожиданного озарения также построен по принципу контраста. В данном случае это уместно: мы видим не только легковесные, но и по-настоящему значимые мысли, но и ощущаем сам процесс, переданный посредством удачного подбора глаголов.

Второй вариант упражнений предполагает интерпретацию информации. Поскольку в настоящее время наблюдается перенасыщенность информацией и как следствие нежелание ее воспринимать, следует обратить внимание на создание определенного угла зрения, когда даже обычные вещи мы начинаем видеть по-другому. Возьмем традиционную тему вредных привычек. Если говорить о них с обычной констатацией фактов, это воспримется аудиторией неадекватно, тем более, что большая часть первокурсников уже курит. Подойдем к этому вопросу необычно. Используем кинематографический прием укрупнения значимых деталей. В качестве примера предлагаем студентам исходный текст и его авторскую интерпретацию, сделанную преподавателем.

Исходный текст говорит о табакокурении как об одной из самых распространенных вредных привычек, которая приводит к серьезным нарушениям здоровья. Далее в тексте перечислены последствия, с точной формулировкой терминов.

Интерпретированный текст словно затушевывает негативное, но выставляет некоторые моменты в смешном свете.

Такие «невредные» привычки

Вы курите? Прекрасно. Можете даже не прекращать, ведь тогда исчезнет потрясающая возможность периодически расслабляться, вместе с вредной привычкой испарится запах жеваной бумаги с примесью никотина, летящий из Ваших уст. Ваши пальчики побелеют. Зачем?

Вы ведь можете благополучно избежать этого. Сидя с сигаретой в руках и романтично дымя в лицо любимой девушке, Вы заметите,

как напрягается ее тело, и, о наивный, поверите в то, что Вас желают. А ведь это всего лишь реакция на дым.

Молодая красивая девушка с необыкновенными синими глазами, томно вздыхая, оставляет Вам напоследок слабый запах табака. Кто решил, что девушка должна пахнуть цветами?! Какой бред! Цветочки давно уже завяли от той дозы никотина, которую выкурила молодая особа за свою недолгую жизнь. Не переживайте, у Вас есть возможность заглушить этот змеиный запах с помощью жевательной резинки. Не помогает? А бросить курить не пробовали?!

А знаете, как смешно, когда курят десятилетние. Я просто ухаживаюсь. Маленький, тощенький, а уже с сигаретой. Ему еще говорят о каких-то там последствиях. Всего лишь злокачественная опухоль полости рта, гортани, бронхов и легких, которые у меня-то, родного, ни за что не появятся. Правда, уверенным быть ни в чем нельзя. А пока... сплевывая и матерясь, смачно затягиваясь, ты просто наслаждаешься тем впечатлением, которое производишь на малышню. А они, видя в тебе взрослого, дают тебе возможность ощутить себя таковым. Нет того маленького, тощенького мальчишки, которого ты видишь каждый божий день в зеркале. Ты – ВЗРОСЛЫЙ. Правда, кайф? И пускай только попробуют давать советы, разорву. С сигаретой в руках я действительно уже взрослый, даже если мне всего лишь 10 лет. И неважно, что от меня воняет и взрослые корчат рожи, учуяв мой запах.

Статистика показывает: курение во время беременности увеличивает риск ее неблагоприятного завершения почти в 2 раза! Ну и что из этого? Кто сказал, что беременная женщина с сигаретой – это некрасиво? Глупости. Привычка курить в XXI веке стала в равной степени и мужской, и женской. Вы же знаете, беременность – состояние временное, а привычки постоянны. Молодая мама, склонившись над своим малюткой, дышит ему в лицо табаком. Не переживайте и за это! Ребенок еще в утробе матери привык к табаку, поэтому он родился слабым и недоношенным, а помимо всех этих прелестей, курящая мама наградила его аллергией, диатезом и дисбактериозом. После выкуренной матерью сигареты всего лишь наступает спазм кровеносных сосудов плаценты, и плод находится в состоянии легкого кислородного голодания несколько минут!

Наслаждайтесь!!! Что может быть прекраснее умиротворения, которое наступает после выкуренной сигареты. Пепел серой горкой повис на конце сигареты, глаза затуманились, душа, вперемешку

с запахом пота и табака, попыталась рвануть вверх, но Вы ловким движением стряхиваете пепел и останавливаете свою не в меру раз мечтавшуюся душу.

Как видим, тематика текстов затрагивает проблемы разных областей знания. Коммуникативные знания являются интегрирующими, поскольку позволяют реализовать межпредметные связи в научно-образовательном, научно-исследовательском и воспитательном направлении, чем подтверждают многообразие функциональной роли творческой работы в сфере образовательных услуг.

Процесс восприятия информации индивидуален, а потому изначально наделен специфическими чертами. Ориентация студентов на отбор и организацию языковых средств обусловлена авторской идеей качественного повышения уровня речевой культуры творческой молодежи, формирования культуры мышления и коммуникативной компетенции, что является важной составляющей профессиональных умений в различных сферах деятельности.

Наряду с поиском действенных путей преобразования культурной ситуации в обществе, выдвижение и обоснование нами программы нравственно-эстетического воспитания молодого поколения посредством приобщения к сокровищнице русского языка позволяют расширить представление о языке и повысить уровень владения устной и письменной речью.

ABSRTACTS

Baskakova V. P. Semantic Narrowing as a Means of Formation of Regional Specific in Poetic Texts by M. K. Agashina

Different means of realization of method of semantic narrowing were found and analyzed in M.K Agashina's creative work (fiction and poetry). Thanks to the method of semantic narrowing her poetry has its specific regional features.

Keywords: text, fiction, poetry, semantic narrowing, toponyms, pronouns, precedencing names.

Bulycheva S. F. Common Slang in Political Discourse

The author of this article considers a question about the common slang in a political discourse. There are opened the reasons of occurrence of the slang in the article. The author does attempt to open the linguistic mechanism of the formation of the aggressive lexicon in comments to a political theme. The article contains the big illustrative material.

Keywords: the common slang, the aggressive discourse, the lowered lexicon, the expressivity of the language.

Buryakovsky V. A. Concept "Glamour" in Mass Media Texts

The article deals with the concept "glamour" and its use in the Russian language and culture. The analysis is carried out on the example of mass-media texts. The most typical and frequently used collocations are examined showing both negative and positive attitude towards "glamour". It is also stated that semantically the word 'glamour' is very rich in terms of its associative potential.

Keywords: Concept, lexeme, notion group, associative potential, mass consciousness manipulating, world picture, lexical compatibility, newspaper headline.

Byakovskaya N. G. Verbs of Thought in the Russian Language and Their Conceptual-Semantic Peculiarities

The paper deals with a special group of verbs in Russian – verbs of thought functioning as propositional attitudes. It introduces a method of determining verbs of thought and provides a list of the most widely spread verbs of thought in Russian. Moreover, the paper analyses such conceptual-semantic features of these verbs as their "dynamic" quality,

the novelty of propositions introduced by them, inability to control the result of a thinking process and actuality of such verbs.

Keywords: verbs of thought, thought, Russian language, semantics.

Fedosova E. A. Increasing Student's Speech Culture Level with Non-Standard Tasks in Russian

The article is devoted to the actual questions of speech communication. The using of non-standard tasks during the Russian language lessons makes it possible for the teacher to solve the communicative tasks more effective and to improve the students' culture of speech and thinking. The article contains the students' work as the examples of realization of teaching and developing functions within the framework of the studied discipline.

Keywords: speech competence, "brain storm", monophone, author's edition, compositional and stylistic structure of the text.

Gladushina O. A. Metaphor in the Context of Frank-Speaking Palms

The article deals with the analysis and determination of the main characteristics, functions and formative models of metaphoric words and phrases that are used in the Psalms.

Keywords: Psalms, metaphor, metaphorical expression, image, association, logical compatibility, semantic analogy.

Horoshko E. Ju. The Negation in Space of Russian Romance

There is the negation in Russian romance is looked through in the article, and different facilities of expression of negation are analyzed. The conclusion is a negation in the romance becomes as a genre mean.

Keywords: genre, romance, negation, special negation.

Ivanchenko A. A. Functions of Secondary Texts by the Example of German Legend about "Erlkönig"

The article surveys the notion "secondary text" and "secondary literature"; highlights two functions of secondary texts and that is the function of keeping the cultural inheritance and the function of mirroring the social reality; gives the comparison of secondary texts, which have the German legend of Forest-king as the origin and that is the ballad of Goethe "Erlkoenig" and the song of German music-group Rammstein "Dalai Lama".

Keywords: the secondary text, myth, legend.

Ilyina O. V. Development of Semantics of Adjectives Rich, Poor (According to Russian Dictionaries)

In the paper by analyzing language semantics of words rich, poor (in dictionaries) author finds out the propositional model: a sign “rich” / “poor”, the subject-carrier of a sign “rich” / “poor”, object of possession, degree of manifestation of a sign.

Keywords: dictionary, propositional model, poor person, rich person, soviet.

Kablukov E. V. Specifics of Official Ideologems’ Functioning in Modern Russian Media Discourse

It is shown that official ideologems as components of the state ideology function in three contexts – official, critical and commercial. The first assumes that official ideologems are used in their initial significance. Official ideologems are involved in a commercial context by the commercial companies which aspire to profit. Getting to a critical context, ideologems loses the initial significance, they are used freely and can be criticised.

Keywords: ideology, ideologem, media discourse, modernization, innovation, nano.

Kazakova M. V. Ideological Aspect of Social-Political Discourse and Its Reflection in Dictionaries of Contemporary German Language (by the Example of National Socialists’ Language)

The article is devoted to a problem of relations of language and ideology. It produces the main language means of ideological influence with an example of language of national socialism.

Keywords: language, ideology, national socialism.

Kochetova L. A. Cultural Bases of Advertising Code

The article considers the category of cultural code as a basis for interaction between advertising and culture. The cultural code represents a hierarchical structure and realized in a number of stratagems.

Keywords: advertising discourse, advertising code, culture code, synergy, stratagema.

Kulikova E. V. Peculiarities of Personal Defense Mechanisms’ Complexes and Their Language Expression (on the Material of Russian and English Fiction Prose)

This article is a result of analyzing literature texts on the subject of combining different mechanisms of characters’ psychological defense in

the classical English and Russian works of literature. The peculiarities of language expression of these mechanisms are also described.

Keywords: Psychological defence, language expression of psychological mechanisms, psycholinguistics, analysis of belles-lettres.

Kusov G. V. Lingvopragmatic Models of Communicative Perversion within the Theory of Forensic Linguistic Enquiry

In article there is given analysis of the linguistic problems, appearing when undertaking the judicial linguistic expert operation, as well as there is offered lingvopragmatic models, defining degree of lexical units “insult”, involved in law discourse.

Keywords: insult, illocutive speech act, diagnosis of insult, theory of forensic linguistic enquiry.

Litvinova E. A. Some ways of the unification of words in antonymic synonym blocks

This report is devoted to the description of the methods providing the possibility of standardization of the words composing the antonymic synonymy blocks using both semantic and stylistic differences and uniting them into one indication – intensity of the emotional loading. The most expressive words can be usually found nearer to the ends of the scale, though to the middle of the scale intensity of the emotional loading will decrease.

Keywords: antonyms, synonyms, scale, emotional loading.

Mishatkina S. E. Ancient Text as the Object of Linguistic Research

The article is devoted to topical problems of text theory, such as definition of notion “text” and it’s basic categories within the framework of various linguistic approaches. Considering ancient texts as an object of research the author of this article makes an attempt to define notion «ancient text», and to create a classification of text categories, which are most relevant to researches of similar problematics.

Keywords: text theory, an ancient text, communicative unit, pragmatic orientation, independent, codified, coherent, discreteness, structure, modality, communicativeness.

Nikiforova E. Sh., Nadobko Yu. V. To the Question of Formation of Discursive Competences of Language Students

The article deals with one of the most important issues of modern theory and practice of foreign languages teaching : innovation models of

teaching . The authors refer namely to the model based on the discussion initiated within the frames of everyday and simulated situations in the process of classroom communication of the students, whose major is foreign languages . The emphasis is laid on the experience of practical application of the mentioned above model.

Keywords: communicative approach, discussion, innovational model of education, educational stage, skill, competence, communicative situation.

Pankratova E. A. Text as Organizational Content Unit in Foreign Language and Legal Culture Text Books

The article deals with the problem of the contents of a foreign language and legal culture textbook. It is suggested to consider a text representing a legal picture of the world as the main organization element. Criteria for legal texts selection are described in the paper.

Keywords: foreign language and legal culture text book, the element of textbook contents, criteria for legal text selection.

Peteshova O. V. Role of Autoappeals in Contemporary Web Diary

In the article the fact of the conceptual autocommunicativeness of the German web diary appearing on the background of its general external reader orientation is proved.

Keywords: diary, blog, appeal, address, autocommunication, autoappeal.

Priitenko E. G. Marcel Prust's Love and Names

This article examines the connection between names and surnames of characters loved by the narrator and their real images in the work of Marcel Proust «A la recherche du temps perdu». Analysis is performed using the approach proposed by V. N. Toporov, where particular attention is paid to the etymological analysis of proper names, the allocation of semantic components, bond of proper names and common names, as well as associations that arose at various language levels.

Keywords: name, surname, etymology, associations, appellative, semantic components.

Prikhodko S. A. Precedent Texts of V.I. Lenin's Monography "Materialism and Empiriocriticism"

The paper is devoted to the problem of the precedent texts. V.I. Lenin's political discourse is taken as an example. The paper is of interest for linguists, politicians, post-graduates and students.

Keywords: discourse, text, communicative leadership, leadership types, types of politician's competences, concepts of precedent texts, precedent texts.

Proshak L. V. Bilingualism of National Selfconsciousness as Pre-Supposition for Self-Determination of Media Reality

The article reveals the concept of «bilingualism». Particular attention is the author concentrates on the fact that using the language of the universe will be created essentially a new concept of linguistic meaning and value «rules».

Keywords: mediaphilosophy, bilingualism, deconstruction, myth, tracing paper.

Shvetsova V. M. Oppositional Mechanisms in the Development of Associative Links between Text Units

The article deals with the analysis of the features of the associative methods in the development of the words' meaning; determines the part of the methods in the process of forming of the semantic potentation of language's units and text.

Keywords: inter word's associative links, hologram, stimulator, modeling.

Shkurskaya E. A. Topsy-Turvy World as Lexico-Semantic Way of Expression of Nonsense in Nursery Rhymes

In the article under consideration Topsy-Turvy World group is analysed as lexico-semantic way of expression of nonsense in Nursery Rhymes. The national-cultural peculiarities of the group mentioned above are singled out.

Keywords: nonsense, Nursery Rhymes, Topsy-Turvy World, ways of expression, oppositions.

Sokolova M. V. Influence of the Norman Conquest on the English Antroponomical System

The article reveals the influence of the Norman Conquest on the

English anthroponomical system, as well as the impact of the cultural and the historical development of the country on the English language.

Keywords: onomasticon of a language, personal name, significative meaning of anthroponym, national anthroponyms.

Voronkov A. A. Balkan Lexeme bjeshkë Etymology in the Context of Ancient History

The article considering the etymology of Albanian lexeme bjeshkë, with means is reflecting mythical conception of Eastern Mediterranean peoples in the ancient period of history.

Keywords: paleobalkan substrate, Thracians mythology, “wooden mountain”.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баскакова Валентина Петровна – аспирант кафедры русского языка Волгоградского государственного университета, зам. Директора МОУ гимназия №11 Дзержинского района г. Волгограда.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.

baskakovavalentina@yandex.ru

Булычева Светлана Феодосьевна – кандидат педагогических наук, доцент Калужского филиала МГЭИ.

127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, 20.

sfbulycheva@rambler.ru

Буряковская Валерия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.

dng@volgodom.ru

Бяковская Надежда Геннадьевна – ассистент кафедра лингвистики Международного университета природы, общества и человека «Дубна».

N.Byakovskaya@gmail.com

Воронков Александр Анатольевич – историк.

alvin21@mail.ru

Гладушина Олеся Александровна – переводчик Восточно-украинского национального университета им. Владимира Даля.

91055, Украина, Луганск.

lesiagl@mail.ru

Иванченко Алексей Алексеевич – студент 5-го курса факультета иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета.

460844, Оренбург, ул. Советская, 19.

gera_dolmetscher@mail.ru

Ильина Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и стилистики кафедра русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
ilina.usu@gmail.com

Каблуков Евгений Викторович – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
kablukov.usu@gmail.com

Казакова Мария Владимировна – преподаватель немецкого и английского языка, Московского пищевого колледжа № 33.
kaz-marija@yandex.ru

Кочетова Лариса Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Волгоградского государственного университета
400062, Волгоград, Университетский проспект, 100.
lakvolgu@mail.ru

Куликова Евгения Вячеславовна – аспирант, ассистент кафедры английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.
432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
wisdom_jane@mail.ru

Кусов Геннадий Владимирович - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры Политологии и права Кубанского государственного технологического университета.
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
de_france@mail.ru

Литвинова Елена Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета.

400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.
elen-gordienko@yandex.ru

Мишаткина Светлана Евгеньевна – аспирант Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
mishatkina@mail.ru

Надобко Юлия Витальевна – старший преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.
110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
nadobko-youlia@yandex.ru

Никифорова Эльмира Шавкатовна – старший преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.
110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
n.e.sh_1975@mail.ru

Панкратова Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Муромского института (филиал) Владимирского государственного университета.
600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
elena-pan@mail.ru

Петешова Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта.
peteshova_olga@rambler.ru

Прийтенко Елена Григорьевна – аспирант, ассистент кафедры французского языка Омского государственного педагогического университета.
644000, Омск, наб. им. Тухачевского, 14.
prytelena@gmail.com

Приходько Сергей Александрович – преподаватель английского языка МОУ СОШ № 3, соискатель Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского.

248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.
sapclfl@yandex.ru.

Прошак Людмила Валерьевна – кандидат исторических наук,
зам. главного редактора журнала ТА.
proshak@glc.ru

Соколова Мария Владимировна – старший преподаватель кафе-
дры теории языка Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
maria_sokolova@list.ru

Федосова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук,
доцент, зав.кафедрой социально-гуманитарных дисциплин филиала
ДГТУ в г.Волгодонске.
lingua-mobilis@rambler.ru

Хорошко Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, до-
цент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисци-
плин Белгородского юридического института МВД России.
e-letto@mail.ru

Швецова Виктория Михайловна – кандидат филологических
наук, доцент, докторант кафедры русского языка Тамбовского госу-
дарственного университета им. Г. Р. Державина.
vmsh72@bk.ru

Шкурская Екатерина Алексеевна – ассистент кафедры иностран-
ных языков и общей лингвистики Калмыцкого государственного
университета.
ekateshkurskaya@yandex.ru

ГОУВПО «Челябинский государственный университет»
Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций
Издательство «Энциклопедия»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Каждый второй месяц, начиная с января, выходит очередной номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

Материалы для публикации принимаются в электронном виде по адресу: 454084, г.Челябинск, пр.Победы 162-в, лаборатория межкультурных коммуникаций. Или e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru Также просим указывать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес, телефон, e-mail. **К заявке необходимо прикладывать аннотации статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.**

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо присылать сразу после получения подтверждения о принятии Ваших материалов к публикации, там же будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «**Lingua-mobilis**» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

- Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля - 2 см).
- Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.
- Список литературы помещается после статьи под заголовком «Список литературы» и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания.

ISSN 1998-1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала «**Lingua mobilis**» доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru)

С уважением, редакция!